

Михаил
Богданович
БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ

**ИЗОБРАЖЕНИЕ
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
1812 ГОДА**

«Поглядишь на Барклая, и страх не берет»
(солдатская поговорка)

ВЕЛИКИЕ ПОАКОВОДЦЫ

Михаил Богданович Барклай-де-Толли

Изображение военных действий 1812 года

Серия «Великие полководцы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9362849
Изображение военных действий 1812 года: ЭКСМО; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-59093-3

Аннотация

Кутузов – да, Багратион – да, Платов – да, Давыдов – да, все герои, все спасли Россию в 1812 году от маленького француза, великого императора Наполеона Бонапарта.

А Барклай де Толли? Тоже вроде бы да... но как-то неуверенно, на втором плане. Удивительная – и, к сожалению, далеко не единичная для нашей истории – ситуация: человек, гениальное стратегическое предвидение которого позволило сохранить армию и дать победное решающее сражение врагу, среди соотечественников считался чуть ли не предателем.

О том, что Кутузов – победитель Наполеона, каждый знает со школьной скамьи, и умалять его заслуги неблагодарно. Но что бы сделал Михаил Илларионович, если бы при Бородине у него не было армии? А ведь армию сохранил Барклай. И именно Барклай де Толли впервые в войнах такого масштаба применил тактику «выжженной земли», когда противник отрезается от тыла и снабжения. Потому-то французы пришли к Бородину не на пике боевого духа, а измотанные «ничейными» сражениями и партизанской войной.

Выдающемуся полководцу Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли (1761—1818) довелось командовать русской армией в начальный, самый тяжелый период Отечественной войны 1812 года. Его книга «Изображение военных действий 1812 года» – это повествование от первого лица, собрание документов, в которых содержатся ответы на вопросы: почему было предпринято стратегическое отступление, кто принимал важнейшие решения и как удалось переломить ход событий и одолеть считавшуюся непобедимой армию Наполеона. Современный читатель сможет окунуться в атмосферу тех лет и почувствовать, чем стало для страны то отступление и какой ценой была оплачена та победа, 200-летие которой Россия отмечала в 2012 году.

Барклаю де Толли не повезло стать «пророком» в своем Отечестве. И происхождение у него было «неправильное»: ну какой патриот России из человека, с рождения звавшегося Михаэлем Андреасом Барклаем де Толли? И по служебной лестнице он взлетел стремительно, обойдя многих «достойных». Да и военные подвиги его были в основном... арьергардные. Так что в 1812 г. его осуждали. Кто молча, а кто и открыто. И Барклай, чувствуя за собой вину, которой не было, пытался ее искупить, намеренно подставляясь под пули в Бородинском сражении. Но смерть обошла его стороной, а в Заграничном походе, за взятие Парижа, Михаил Богданович получил фельдмаршальский жезл.

Одним из первых об истинной роли Барклая де Толли в Отечественной войне 1812 года заговорил А. С. Пушкин. Его стихотворение «Полководец» посвящено нашему герою, а в «ненаписанной» 10-й главе «Евгения Онегина» есть такие строки:

*Гроза Двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?*

Так пусть же время – самый справедливый судья – все расставит по своим местам и полной мерой воздаст великому русскому полководцу, незаслуженно обойденному благодарностью современников.

Электронная публикация книги М. Б. Барклая де Толли включает полный текст бумажной книги и избранный иллюстративный материал. А для истинных ценителей подарочных изданий мы предлагаем классическую книгу с исключительной подборкой

иллюстраций, расширенными комментариями к тексту и иллюстративному материалу. Прекрасная печать, оригинальное оформление, лучшая офсетная бумага – все это делает книги подарочной серии «Великие полководцы» лучшим подарком мужчине на все случаи жизни.

Содержание

Князь Барклай де Толли. Биографический очерк [1]	8
Конец ознакомительного фрагмента.	112

М. Б. БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ

Изображение военных действий 1812 года

Кутузов – да, Багратион – да, Платов – да, Давыдов – да, все герои, все спасли Россию в 1812 году от маленького француза, великого императора Наполеона Бонапарта.

А Барклай де Толли? Тоже вроде бы да... но как-то неуверенно, на втором плане. Удивительная (и, к сожалению, далеко не единичная для нашей истории) ситуация: человек, гениальное стратегическое предвидение которого позволило сохранить армию и дать победное решающее сражение врагу, среди соотечественников считался чуть ли не предателем.

О том, что Кутузов – победитель Наполеона, каждый знает со школьной скамьи, и умалять его заслуги неблагоприятно. Но что бы сделал Михаил

Илларионович, если бы при Бородине у него не было армии? А ведь армию сохранил Барклай. И именно Барклай де Толли впервые в войнах такого масштаба применил тактику «выжженной земли», когда противник отрезается от тыла и снабжения. Потому-то французы пришли к Бородине не на пике боевого духа, а измотанные «ничейными» сражениями и партизанской войной.

Барклаю де Толли не повезло стать «пророком» в своем Отечестве. И происхождение у него было «неправильное»: ну какой патриот России из человека, с рождения звавшегося Михаэлем Андреасом Барклаем де Толли? И по служебной лестнице он взлетел стремительно, обойдя многих «достойных».

Да и военные подвиги его были в основном... арьергардные. Так что в 1812 г. его осуждали. Кто молча, а кто и открыто. И Барклай, чувствуя за собой вину, которой не было, пытался ее искупить, намеренно подставляясь под пули в Бородинском сражении. Но смерть обошла его стороной, а в Заграничном походе, за взятие Парижа, Михаил Богданович получил фельдмаршальский жезл.

Одним из первых об истинной роли Барклая де Толли в Отечественной войне 1812 года заговорил А. С. Пушкин. Его стихотворение «Полководец» посвящено нашему герою, а в «ненаписанной» 10-й главе «Евгения Онегина» есть такие строки:

Гроза Двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

Так пусть же время – самый справедливый судья – все расставит по своим местам и полной мерой воздаст великому русскому полководцу, незаслуженно обойденному благодарностью современников.

Михаил Богданович Барклай де Толли
(1761—1818)

Князь Барклай де Толли. Биографический очерк ¹

Князь Михаил Богданович происходил из старинной шотландской фамилии, которой многие члены приобрели себе известность в истории. Один из них, Александр Барклай, поэт, издал несколько замечательных сочинений в начале XVI века; другой, Виллиям Барклай, был отличным правоведом в конце XVI и в начале XVII столетия; третий, Георг Барклай, был одним из главнейших приверженцев короля Иакова II Стюарта; четвертый, Джон, сын вышеупомянутого Виллияма Барклая, философ, поэт и сатирик, принадлежал к отличнейшим писателям своего времени; пятый, Роберт Барклай, также писатель, был одним из ревностнейших квакеров и сподвижников знаменитого Виллиама Пенна; шестой, также Роберт Барклай, один из лучших офицеров Британской армии, служил с отличием в разных войнах, особенно в Португалии, под начальством генералов Мура и Веллингтона, и скончался от ран, в 1811 году, имея чин полковника и будучи только 37 лет от рождения. Между прочим он участвовал, в 1808 и 1809 годах, в войне шведов против России; в то самое время, как против шведов, с русской стороны, действовал его однофамилец Михаил Богданович.

В XVII и в начале XVIII столетия некоторые лица из фамилии Барклай, по политическим обстоятельствам, более всего за приверженность к дому Стюартов, принуждены были удалиться из отечества и переселились частью в Мекленбургию, а частью в Лифляндию. Дед князя Михаила Богдановича был бургомистром в Риге, а отец находился в военной службе, вышел в отставку армейским поручиком и умер в 1775 году, оставив после себя трех сыновей.

Михаил Богданович Барклай де Толли родился в 1761 году; воспитывался в доме дяди своего по матери, бригадира Вермелена, и, по тогдашнему обыкновению, еще малолетним (1 мая 1767 года) был записан в военную службу, гефрепт-капралом в Новотроицкий кирасирский полк, впоследствии названный Екатеринославским кирасирским, а с 1837 года именуемый кирасирским ее императорского высочества великой княгини Марии Николаевны.

¹ Глава из книги А. В. Михайловского-Данилевского и А. В. Висковатова «Император Александр I и его сподвижники».

Этот полк был, так сказать, колыбелью службы Барклая де Толли, одного из знаменитейших полководцев XIX века. Числясь в Новотроицком полку, но находясь еще в доме Вермелена, Барклай де Толли был произведен, 17 августа 1769 года, в вахмистры, а в 1776 году, вскоре по поступлении своем на действительную службу, был переведен в Псковской карабинерный полк, ныне называющийся кирасирским ее императорского высочества цесаревны Марии Александровны. Через два года, 21 апреля 1778 года, Барклай был произведен в корнеты.

Почти все биографы князя Барклая де Толли говорят, что он получил в доме своего дяди отличное образование. В свидетельстве, представленном им по прибытии в Новотроицкий полк, было сказано: «По-русски и по-немецки читать и писать умеет и фортификацию знает». Это заставляет предполагать, что дальнейшие сведения Барклай де Толли приобрел уже будучи офицером.

До 1783 года Барклай де Толли служил наряду с прочими субалтерн-офицерами, не отличенный особенным вниманием начальства. Первый, заметивший в нем отличные способности, и первый, оценивший строгое исполнение им служебных обязанностей, был начальствовавший в то время войсками Лифляндской дивизии, генерал-майор Рейнгольд фон Паткуль, потомок известного современника Петра Великого и Карла XII, отец нынешнего ревельского коменданта, генерала от инфантерии Владимира Григорьевича Паткуля.

Узнав близко и полюбя молодого Барклая, он взял его к себе в адъютанты и уже самым этим доставил ему повышение, потому что в то время званию адъютанта был присвоен чин подпоручика. По прошествии трех лет Паткуль оставил службу и, заботясь о судьбе своего адъютанта, рекомендовал его с самой выгодной стороны знаменитому графу Ангальту, бывшему в то время шефом Финляндского егерского, а впоследствии и главным начальником Сухопутного кадетского корпуса.

Граф Ангальт перевел Барклая, 1 января 1786 года, поручиком в 1-м батальон Финляндского егерского корпуса и через два года доставил ему место генерал-адъютанта капитанского чина при родственнике императрицы Екатерины II, генерал-поручике нашей службы, принце Ангальт-Бернбургском, собравшимся тогда ехать в действовавшую против турок армию князя Потемкина.

По прибытии с новым своим начальником в армию, Барклай отправился под Очаков и находился под этою, некогда знаменитою, крепостью, во все время ее осады, продолжавшейся до 6 декабря, когда она была взята приступом. В этот ковопролитный день принц Ангальт-Бернбургский начальствовал одной из штурмовавших колонн и употреблял Барклая де Толли в опаснейших местах.

Награжденный, по ходатайству принца, Владимирским крестом 1-й степени и секунд-майорским чином, с переводом из Финляндского корпуса в Изюмский Легкоконный полк (ныне гусарский эрцгерцога Фердинанда), Барклай остался при своем начальнике в звании дежурного майора. Проведя большую половину следующего, 1789 года, с принцем, в Бессарабии и Молдавии, он находился при нем, 13 сентября, в авангарде князя Потемкина, разбившем под Каушанами значительный турецкий корпус; через две недели, 30 сентября, был при взятии крепости Аккерман, а 3 ноября при занятии Бендер.

То были последние действия Барклая де Толли против турок. По возвращении войск наших на зимние квартиры, он отправился с принцем Ангальт-Бернбургским в Финляндию и, выступив с ним, во второй половине апреля 1790 года, к тогдашней границе нашей с шведами, был, 20 числа, при нападении на шведские укрепления у Пардакоски и Керникоски. Атакой распоряжался принц Бернбургский.

Истощив все усилия мужества, наши были отбиты, с значительным уроном, и при этом случае смертельно ранило самого принца. Место его заступил генерал Игельстром, и Барк-

лай находился при нем во все остальное время войны, которая окончилась 3 августа того же года, но числился, с 3 мая, уже не в Изюмском легкоконном, а в Tobольском пехотном полку.

*Степан Щукин.
Портрет императора Павла I.
Конец XVIII в.*

Дело при Пардакоски, где, по донесению Игельстрема, Барклай де Толли, «будучи рассылаем во все опасные места, среди жесточайшего и непрерывного отовсюду огня, исполнял приказания с твердостью и неутомимостью духа», доставило ему чин премьер-майора. Принц Ангальт-Бернбургский умер вскоре после получения раны. Чувствуя приближение кончины, он подозвал к себе Барклая де Толли, дружески простился с ним, вручил ему свою шпагу и завещал употреблять ее на славу и пользу России. Завет исполнен был свято.

Через несколько месяцев по окончании войны с Швецией, князь Потемкин, расформировав, по большому некомплекту, существовавший с 1703 года Санкт-Петербургский грена-

дерский полк, велел сформировать вместо его новый полк того же имени, с строгим наблюдением, чтобы в офицеры его, особенно в батальонные командиры, выбраны были лица, известные начальству с отличной стороны.

Барклай де Толли был из первых, назначенных в этот полк, и, командуя батальоном, участвовал в Польской войне 1794 года. Особенно отличился он при взятии приступом укреплений города Вильны и истреблении близ Гродно отряда полковника Грабовского.

В этом последнем деле он находился в отряде – начальствовавшего впоследствии на Кавказе – генерал-майора князя Цицианова, и по его ходатайству был произведен в подполковники, с переводом в Эстляндский егерский корпус, командиром 1-го батальона. Виленское дело доставило ему Георгиевский крест 4-го класса. То были последние награды, полученные Барклаем де Толли от императрицы Екатерины.

Император Павел I, в самом начале своего царствования, 29 ноября 1796 года, расформировал все егерские корпуса, на отдельные егерские батальоны, переименованные через пять месяцев в егерские полки и получившие номера, с 1-го по 17-й, включительно. Введенный Барклаю де Толли батальон был назван 4-м егерским батальоном; 17 мая 1797 года наименован 4-м егерским полком, 31 октября 1798 года егерским Барклая де Толли полком, а 29 марта 1801 года, вскоре по воцарении императора Александра, 3-м егерским.

Название это он сохранял в продолжение четырнадцати лет и имел Барклая де Толли своим шефом до 1 сентября 1814 года, когда звание шефов было оставлено только в полках гвардии. Во время начальствования 3-м егерским полком при императоре Павле, Барклай де Толли был произведен, 7 марта 1798 года, в полковники, а 2 марта 1799 года в генерал-майоры, отличаясь исправным содержанием своего полка и самым точным исполнением служебных обязанностей.

Однажды знаменитый полководец громкого Екатеринина века, фельдмаршал князь Репнин, окончив смотр состоявшему в его инспекции и квартировавшему на прусской границе, близ Полангена, полку Барклая де Толли, и разговаривая в карете с адъютантом своим, Федором Петровичем Лубяновским (ныне сенатор), услышал конский топот. Выглянув в окно кареты, он увидел провожающего его верхом Барклая де Толли и, попросив его не беспокоиться дальнейшим проводом, сказал Лубяновскому: «Меня уже не будет на свете, но пусть вспомнят мои слова: этот генерал много обещает и далеко пойдет».

Так три достойные лица нашей армии: принц Ангальт-Бернбургский, генерал высоких достоинств, слишком рано похищенный смертью; князь Цицианов и князь Репнин, последовательно, один за другим, умели ценить будущего полководца России.

Кавалергардский полк Репнина в сражении
под Аустерлицем. *Литография XIX в.*

Сошествие на престол императора Александра застало Барклая де Толли в чине генерал-майора и в звании шефа егерского полка, в ряду обыкновенных начальников, не отличенного особым вниманием и доверием монарха, и не отличившегося еще особыми военными заслугами.

После девятилетнего мирного командования полком, Барклай де Толли выступил с ним в первый раз в поход против неприятеля, осенью 1805 года, начальником колонны в корпусе генерала от кавалерии барона Беннигсена; но, дойдя до Силезии, вследствие известия о потере Аустерлицкой битвы, был остановлен и получил приказание идти обратно в Россию. В продолжение этого похода он вел записки о современных происшествиях, как политических, так и военных, но какая участь постигла их, неизвестно. Жаль, если они погибли, или уже погибли, для потомства!

Летом 1800 года, при разделении армии, вместо инспекций, на дивизии, Барклай де Толли поступил со своим полком в 4-ю дивизию, генерал-лейтенанта князя Дмитрия Владимировича Голицына (впоследствии московский военный генерал-губернатор), командиром бригады из Полоцкого и Костромского мушкетерских и 3-го егерского полков. Принадлежа по-прежнему к корпусу Беннигсена, он стоял на временных квартирах в Гродненской губернии, в ожидании скорого выступления за границу, чтобы принять участие в новой войне Александра с Наполеоном.

В то время как Наполеон пожинал плоды побед своих над пруссаками и приводил в уничтожение монархию Фридриха Великого, император Александр послал на помощь ее войскам 70-тысячную армию, составленную из четырех дивизий. Они переправились, в двадцатых числах октября 1806 года, у Гродно, через Неман, и к 1 ноябрю расположились около

Остроленки. Для соединенных действий с этой армией были назначены 14000 прусских войск, под начальством генерала Лестока, – единственный остаток многочисленной прусской армии, как пух ветром, развеянный счастливым оружием Наполеона.

Лестоку велено было держаться в Торне; нашему генералу Седморацкому, с 6-ю дивизией, предписывалось занять предместье Варшавы, Прагу, а Барклай де Толли поставлен был в Плоцке. Всем трем генералам приказано было состоять в связи между собою, посредством постов, расположенных по берегам Вислы, между тем как главные силы армии, под начальством Беннигсена, перешли к Пултуску.

Через месяц, вследствие наступательных действий французов и занятия ими Варшавы, Беннигсен отступил к Остроленке, приказав идти туда же Барклаю де Толли и присоединив к себе Седморацкого. Через три дня, 24 ноября, он возвратился опять к Пултуску, расположил там главные свои силы и поставил впереди три авангарда: генерал-майора Багговута – на левом крыле, у Зегра, на Нареве; генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого – в середине, у Чарнова, близ впадения в Нарев Вкры, и Барклая де Толли – на правом фланге, у Колозомба, на Вкре.

У Барклая были полки: Тенгинский мушкетерский (Ершова), 1-й егерский (Давыдовского), 3-й егерский, Донской казачий (Ефремова), пять эскадронов Изюмского гусарского и конно-артиллерийская рота князя Яшвиля. 7 декабря приехал назначенный главнокомандующим против Наполеона, престарелый сподвижник Румянцева и Суворова, генерал-фельдмаршал граф Каменский, а 10, вечером, против Барклая показались головы неприятельских корпусов, Ожеро и Сульта.

Встреченные ими казаки были оттеснены с правого берега Вкры на левый. Видя приближение превосходного в силах неприятеля, Барклай разломал мосты на Вкре, на берегу коей, против Колозомба, был им заблаговременно построен редут; поставил против Колозомба свой 3-й егерский полк и два эскадрона изюмских гусар; пять верст правее, у Сохачина, поместил 1-й егерский полк и остальные три эскадрона изюмцев, а лес между Колозомбом и Сохачиным занял Тенгинским полком.

Сам он остался у Колозомба и на другой день, поутру, мужественно удерживая натиск переправлявшихся на нашу сторону французов, шаг за шагом отступил к Новомясту, где примкнул к нему и Давыдовский. Ершов с Тенгинским полком отступил туда же. В этот день все три части отряда Барклая бились с примерной храбростью. Неприятель взял в нашем редуте, при Колозомбе, шесть пушек – первые трофеи Наполеона в ту войну, – но обстоятельство это нисколько не умаляет заслуг Барклая, имевшего дело с превосходными в силах и закаленными в боях войсками маршалов Ожеро и Сульта.

Из Новомяста Барклай де Толли пошел на соединение с Беннигсеном к Стрегочину, участвовал в отступательном его движении к Пултуску и, по прибытии туда, отделил от себя эскадроны изюмских гусар и полк донских казаков, замененные 20-м егерским полком и пятью эскадронами Конно-Польского полка. С этим отрядом он составил авангард впереди правого крыла Беннигсенова корпуса, ожидавшего на себя нападения французов, в позиции у Пултуска.

Поутру 14 декабря неприятель повел нападение. Первоначально атаковал он Багговута, впереди левого нашего крыла, а потом маршал Ланн ударил на отряд Барклая. Атака французов была сильна. «При храбрости и неустрашимости сего генерала, – сказано о Барклае в донесении Беннигсена о Пултуском сражении, – принужден он был уступить жестокому и стремительному нападению».

Неприятель даже овладел одной нашей батареей, но она была возвращена Тенгинским и 1-м и 3-м егерскими полками. Вслед за тем прибыл на подкрепление Барклая де Толли генерал-лейтенант Сакен (впоследствии фельдмаршал и князь) и, приняв, как старший, начальство, после кровопролитного боя, выгнал французов из занятых ими кустарников, впереди

нашего правого крыла. Ланн остановил нападение на это крыло и поддерживал бой пушечной пальбою, ожидая, пока подойдет от Новомыста дивизия генерала Гюдена.

Вскоре явилась она и ворвалась в деревню Мошину, обходя Сакена справа, между тем как Ланн атаковал его с фронта. Извещенный Барклаем де Толли о прибытии Гюдена на поле сражения, Беннигсен приехал к угрожаемому месту и, предупреждая французов в обходе нашего правого крыла, велел Сакену и Барклаю переменить фронт правым флангом назад и усилил их артиллериею. Несмотря на град картечей, французы безостановочно ломились вперед.

Удерживая напор неприятеля с фронта, Беннигсен велел Барклаю де Толли идти в штыки на левое крыло Гюдена. Приказание было исполнено блистательно. Колонна Гюдена, была смята, и в то же время Ланн остановил свою атаку против нашего фронта, убедившись в невозможности сбить русские войска, стоявшие впереди Пултуска. Таковы были последствия первого нападения французов на главные силы нашей армии в войну 1806 и 1807 годов.

Барклай был одним из главных действователей Пултуского сражения и, вследствие отзыва о нем Беннигсена, обменял заслуженный им за двенадцать лет перед тем Георгиевский крест 4, на крест того же ордена 3-го класса. От Пултуска он следовал с корпусом Беннигсена, берегом Нарева, на север, к Иоганнисбургу, и, не доходя его, прибыл в Бялу, где 11 января 1807 года Беннигсен вступил, на место Каменского, в предводительствование нашей заграничной армией.

Желая не допустить Наполеона до занятия Кенигсберга и Пиллау, новый главнокомандующий повел войска свои, 1 января, далее, между озер, среди снегов и метелей. Три авангарда, порученные генерал-майорам: Багговуту – падшему в 1812 году при Тарутине, Маркову – сподвижнику Кутузова по Турецкой войне 1811 года, и Барклаю де Толли, шли левее армии, вокруг озер, закрывая собой марш ее. Она следовала через Иоганнисбург, Бишофштейн, Гейльсберг, Вормдит, Либштадт и Морунген, к Янкову, куда начала прибывать 20 января.

В этот день Барклай получил приказание подкреплять отряд князя Долгорукова, теснимый неприятелем из Пассенгейма к Алленштейну, и потом по возможности замедлять наступление французов на Беннигсена, давая армии нашей время собраться у Янкова, куда она, идя усиленным маршем, прибыла 22 числа. Тогда же примкнул к ней и Барклай, двое суток непрерывно сражавшийся с французским арьергардом, вчетверо его сильнейшим.

На другой день Беннигсен отступил от Янкова по направлению к Кенигсбергу, прикрывая марш трех колонн, на которые была разделена его армия, тремя авангардами: в центре Маркова, на правом крыле Багговута, на левом Барклая де Толли. Всеми тремя авангардами начальствовал питомец Суворова, герой Голлабруна, князь Багратион. В отряде Барклая де Толли были полки Изюмский и Ольвиопольский гусарские, батальон или пять эскадронов Конно-Польского, Костромской мушкетерский, 1-й, 3-й и 20-й егерские, два казачьи, и конно-артиллерийская рота князя Яшвиля.

В три часа поутру, 23 января, Барклай де Толли был атакован конницею. Ольвиопольский и Изюмский полки, и казаки, подкрепляемые конной артиллерией, выдержали удар, и сами несколько раз ходили в рубку. Успеху помогли 3-й егерский полк и часть 20, занимавшие кустарник на правом нашем крыле, метко стреляя оттуда во французскую конницу.

Неприятельская пехота неоднократно нападала на кустарник, но отступала, отбиваемая нашими егерями. Только один раз успели французы одолеть наших, но ненадолго. Наши, в свою очередь, сломили французов и удержались на прежнем месте.

*Буржуа де ла Ришардьер.
Император Александр I. 1810-е гг.*

Простояв на позиции до десяти часов утра, Барклай де Толли приказал гусарам и казакам идти назад уступами, за высоты, занятые пехотой и артиллерией. Несколько французов взобрались на возвышения с последним отделением нашей конницы, но за мужество свое заплатили жизнью.

При отступлении нашей пехоты французы усилили напор, но действия нашей конной артиллерии не дали им восторжествовать. Только 3-й егерский полк, находившийся в замке, был окружен конницею. Барклай де Толли послал на его выручку батальон Конно-Польского полка, подполковника Жигулина, и казачий полк Иловайского 9-го.

Они опрокинули французскую конницу и освободили егерей. «Потом, – пишет Барклай де Толли в своем донесении, – я продолжал отступление, не спеша и в наилучшем порядке, но в сильнейшем огне неприятеля, который все высоты, мною оставленные, занял многочисленной артиллерией».

На половине отступления Барклай де Толли встретил отправленные на его подкрепление пять батальонов пехоты и несколько эскадронов. Усились ими и вступив в леса и дефилеи, он прикрыл свой марш 1-м, 3-м и 20-м егерскими полками, и ночью остановился в значительном расстоянии от армии.

«Я не могу довольно хвалить, – доносил он, – с каким мужеством, храбростью и хладнокровием войска моего отряда, в виду многочисленного неприятеля, с порядком и без торопливости совершали всякое движение, им приказанное. Я уверен, что неприятель, имевший все средства разбить отряд мой, единственно через сей похвальный порядок удержан был от дальнейших покушений».

Русская военная символика
и музыкальные инструменты времен царствования
Александра I. Раскрашенная литография XIX в.

На другой день, 21 января, князь Багратион приказал Барклаю де Толли отступить не далее Фрауэндорфа, и потом ожидать его прибытия. На первой половине перехода французы мало тревожили Барклая, готовясь перехватить ему путь близ Лаунау, куда они послали войско ночью. Барклай де Толли узнал об этом движении неприятеля, на марше, от посланных в разные стороны разъездов, и быстротой движения предупредил французов в Лаунау.

Не успев стать на пути нашего отряда, они старались отрезать арьергард Барклая де Толли, состоявший из четырех эскадронов ольвиопольских гусар, батальона егерей, казачьего полка Иловайского 9-го и двух конных орудий, но были опрокинуты этим арьергардом.

Тогда обратились они вслед за нашими войсками, «но везде, – говорим словами Барклая де Толли, – находили по удобности местоположения выставленную конницу или пехоту с артиллериею, в полной готовности принять их». Ночь прекратила дело. Барклай де Толли расположился близ Фрауэндорфа, куда на другое утро, 25-го, пришел князь Багратион. Продолжая марш свой к Ландсбергу, на соединение с армиею, он приказал Барклаю де Толли составлять арьергард.

«В пятом часу утра, 25 января, – приводим слова из „Описания войны 1806 и 1807 годов“, составленного генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским, – Барклай де Толли выступил из Фрауэндорфа по дороге к Ландсбергу. Спокойно было начало марша. Не доходя Гофа, Барклай де Толли получил приказание Беннигсена держаться, пока армия займет позицию при Ландсберге, и расположил войско позади речки; батальон 20-го егерского полка занял селение Зинкен, впереди коего стали два эскадрона изюмских гусар и два конные орудия поручика Сухозанета (ныне генерал от артиллерии).

В три часа пополудни дали знать Барклаю де Толли о приближении французов и о прибытии Наполеона в авангард. Дорохов пошел с двумя эскадронами гусар на усиление передового отряда и принял над ним начальство. Вскоре атакованный, он держался, сколько мог, но потом отступил пред превосходящей силой. Французские батареи уже засыпали ядрами два орудия Сухозанета, так что через полчаса у него оставалось в живых только четыре канонира; все другие, равно и лошади, были убиты или ранены.

Захваченные Дороховым пленные подтвердили показание о присутствии Наполеона при войсках. Настоящее поколение не может иметь понятия о впечатлении, какое производило на противников Наполеона известие о появлении его на поле сражения! Но Барклая де Толли оно не поколебало.

О хладнокровии его можно было сказать, что, если бы вселенная сокрушалась и грозила подавить его своим падением, он взирал бы без содрогания на разрушение мира. „Во всяком другом случае, – доносил он, – я бы заблаговременно ретировался, дабы при таком неравенстве в силах не потерять весь деташемент мой без пользы, но через офицеров, которых посылал я в главную квартиру, осведомился я, что большая часть армии еще не была собрана при Ландсберге, находилась в походе, и никакой позиции взято не было.

В рассуждении сего я почел долгом лучше со всем отрядом моим пожертвовать собой столь сильному неприятелю, нежели, ретируясь, привлечь неприятеля за собой и через то подвергнуть всю армию опасности”.

С сими же офицерами Барклай де Толли получил уверение Беннигсена в скорой присылке ему помощи. Покинутый, между тем, произволу собственных сил, простиравшихся только до пяти тысяч человек, Барклай де Толли поставил Изюмский полк и конную артиллерию у моста, через который надобно было проходить неприятелю; во второй линии стали полки ольвиопольский гусарский, 20-й егерский и Костромской мушкетерский; 1-й егерский полк занимал лесистую гору на правом крыле, а 3-й егерский был послан налево, в лес, где уже застал французских стрелков.

Обеспечивая себя от обхода сим лесом, Барклай де Толли подкрепил 3-й егерский полк 20-м и, распорядясь таким образом, ждал Наполеона. Вскоре французы приблизились

к мосту и покушались переходить через него, но картечь удержала их. Прибыл Наполеон и огнем батарей своих принудил нашу артиллерию отступить.

Тогда конные егеря его быстро перешли по мосту. Дорохов атаковал их изюмцами и казаками, и прогнал за мост. Удачная атака соблазнила ольвиопольских гусар. Без приказанья понеслись они вперед, за мост, но были опрокинуты французами, обращены на Изюмский полк и привели его в замешательство. Усугубя силы свои, французы ударили на Костромской мушкетерский полк.

Командовавший им генерал-майор князь Щербатов (впоследствии московский военный генерал-губернатор и член Государственного Совета) три раза прогонял неприятеля батальным огнем, но должен был уступить и был почти уничтожен, потеряв все свои знамена, кроме одного. Между тем Наполеон ставил войска полукругом около нашего отряда и подвигался вперед со всех сторон. В невозможности держаться долее, Барклай де Толли спешил проходить через Гоф, решаясь биться за селением до истощения сил.

Сражаясь между тем на правом крыле нашем, 1-й егерский полк был отрезан от отряда, начал отступать, несколько раз отражал окружавшую его конницу и, наконец, рассеянный французами, спасся в леса. Бывшие на левом крыле 3-й и 20-й егерские полки, также сильно атакованные, отступили в порядке. Собирая войско и удерживая неприятеля в Гофе, Барклай де Толли пришел на вторую позицию, где встретил посланного к нему генерал-майора князя Долгорукова 5-го, с пятью батальонами пехоты.

Наскоро устроив отряд, он приказал князю Долгорукову держаться на занятом им месте, а сам, с 3-м и 20-м егерскими полками, пошел налево в кустарники, которыми подвигались французы, намереваясь отрезать его от Ландсберга. Пока он удерживал здесь неприятеля, Наполеон атаковал и начал сбивать князя Долгорукова, но в то самое время пришли из Ландсберга на поле битвы два полка наших кирасир: его величества и Орденский; смерклось, и Наполеон прекратил нападение. Если он не уничтожил нашего отряда, причинами тому были наступление вечернего мрака и глубокий снег, препятствовавший быстрым движениям французов.

*Фелициан Мирбах-Рейнфельд. Наполеон среди солдат.
Иллюстрация к книге У. М. Слоана
«Жизнь Наполеона Бонапарта». 1896 г.*

Потеря наша под Гофом неизвестна. На другой день после этого дела Барклай де Толли, как ниже увидим, был ранен и не успел собрать сведений об утрате людей, пушек и знамен, а на третьи сутки произошло сражение под Прейсиш-Эйлау, огромностью своей поглотившее предшествовавшие арьергардные дела.

Барклай де Толли заключил свое донесение Беннигсену о бое при Гофе следующими словами: «Мне и сотоварищам моим, в сем деле храбро сражавшимся, остается успокоиться тем, что удержана была наша позиция, и чрез что армия от внезапного наступления всех

неприятельских сил была защищена: таковы бы были наше назначение и вся наша цель, и если сие удалось, то вознаграждены все жертвы. Предоставляю благоусмотрению Вашему: выполнено ли сие нами было, или нет? а я надеюсь, что не оставите воздать нам справедливость».

Разбив Барклая де Толли, Наполеон расположился на ночь в Гофе, в виду нашей армии, которая собиралась у Ландсберга, а оттуда, в ночи на 26 января, выступила к Прейсиш-Эйлау, в намерении соединиться с Лестоком и защищать Кенигсберг. Прошед через Эйлау, главнокомандующий оставил впереди его Барклая де Толли, с приказанием составлять отрядом своим арьергард, когда через город будет проходить Багратион.

По следам нашей армии двинулся Наполеон из Гофа. Послав против Багратиона Мюрата, он повел на него нападение сам и, атаковав его центр, начал обходить фланги. Не имея сил противиться многолюдству неприятелей, князь Багратион приказал отступать и спешил проходить через Эйлау. Французы следовали за ним. Расположенный в садах и у выходов из города, Барклай де Толли встретил неприятеля пушечным и ружейным огнем.

Остановленные мгновенно, французы вскоре вломились в город, где кровь полилась реками. Неприятели нападали отчаянно и встречали ожесточенный отпор. Артиллерия обеих сторон стреляла в улицах, на расстоянии нескольких сажен одна от другой. Город Эйлау более и более наполнялся французами. Князь Багратион и Барклай де Толли, подавляемые превосходством сил, не могли устоять и отступали шаг за шагом.

При конце боя Барклай был ранен пулей в правую руку, с переломом кости, и, почти обеспамятев, погиб бы в общей свалке, если бы не подоспел унтер-офицер Изюмского гусарского полка Сергей Григорьев Дудников – сохраним для потомства его имя, который, увидев Барклая, раненного и в опасности, посадил его на свою лошадь и, вывезя из боя, тем «спас ему жизнь», как писал главнокомандующий, Беннигсен. Шефский адъютант 3-го егерского полка поручик Бартоломей (умерший в 1839 году, в чине генерал-лейтенанта) перевез Барклая в Мемель, где тогда находились многие из наших раненых. Дудников был награжден знаком отличия Военного ордена.

Полученная Барклаем де Толли рана положила основание необыкновенно быстрому его возвышению. Император Александр, на пути из Петербурга к Беннигсеновой армии, провел два дня, 25 и 26 марта, в Мемеле, и, удостоив больного Барклая своим посещением, после продолжительного с ним разговора о тогдашних военных действиях и о состоянии армии, возымел полное доверие к его воинским способностям.

Орден Св. Владимира 2-й степени за предшествовавшие Прейсиш-Эйлауской битве арьергардные дела, чин генерал-лейтенанта за сражения в стенах Эйлау, и прусский орден Красного орла 1-й степени за действия в 1806 и 1807 годах вообще – были наградами, полученными Барклаем в бытность его в Мемеле. Предводимому Барклаем 3-му егерскому полку были пожалованы серебряные трубы.

В кровопролитной войне 1806 и 1807 годов Барклай де Толли стяжал славу искусного и бесстрашного генерала, не только в нашей, но и в неприятельской армии, и арьергардные дела его перед Прейсиш-Эйлауским сражением заслужили одобрение самого Наполеона. Беспристрастный и верный ценитель военных дарований, князь Багратион, возымел с того же времени глубокое уважение к Барклаю де Толли и отзывался о нем с величайшими похвалами.

Дж. Доу. Главнокомандующий I-й Западной армией, военный министр, шеф 3-го егерского полка генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли. 1829 г.

В исходе апреля 1807 года, когда Барклай находился еще в Мемеле, император Александр назначил его, после умершего генерал-лейтенанта Седморацкого, начальником 6-й дивизии и, извещая его об этом особым рескриптом, заключал словами: «Я уверен, что сие назначение примете вы новым знаком моей к вам доверенности».

Вверенная Барклаю де Толли дивизия состояла тогда из полков: Екатеринославского кирасирского, Киевского драгунского, Александрийского гусарского, Конно-Татарского,

Волынского, Ревельского, Низовского и Старооскольского мушкетерских, 4-го егерского, шести рот артиллерии, роты пионеров, и находилась в составе действовавшей армии.

Рана не позволила Барклаю де Толли принять участие в военных действиях, последовавших за Прейсиш-Эйлауской битвой. Осенью 1807 года, по совершенном прекращении войны с Францией, ему разрешено было прибыть, для дальнейшего пользования раны, в Петербург, а в начале 1808 года он возвратился к своей дивизии, получившей повеление идти в Петербург, с тем, чтобы оттуда следовать далее, на усиление войск, назначенных действовать против шведов, в Финляндии.

Во время этого похода тогдашний военный министр, граф Аракчеев, узнав от одного из своих адъютантов, что в принадлежавшем к 6-й дивизии Низовском мушкетерском полку обозные лошади были весьма худы в теле, сделал за это Барклаю строгое письменное замечание. «Долгом считаю, – сказано было в заключении предписания Аракчеева, – вам поставить на вид, что, если от худобы лошадей будет иметь полк в марше остановку или делать притеснение обывателям, тогда уже отвечаете вы мне, а не полк».

Вскоре после этого, когда военные действия в Финляндии, начавшиеся весьма успешно с нашей стороны, приняли для нас невыгодный оборот, так что даже издавна принадлежавшие нам Нейшлот и Вильманstrand были в опасности, – Барклаю де Толли велено было ускорить прибытием его дивизии в Петербург и, оставив там часть ее в распоряжении Морского ведомства, принять начальство над Подвижным корпусом, долженствовавшим идти в Финляндию и состоять из батальона гвардейских егерей, 10-ти батальонов полков: лейб-гренадерского, Белозерского, Азовского, Низовского и Ревельского мушкетерских, 2-х батальонов 3-го егерского, батальона, или 5-ти эскадронов, уланского цесаревича Константина Павловича, 3-х эскадронов Финляндского драгунского, 2-х рот артиллерии и 3-х сотен казаков, всего в числе до 7500 человек. Во время прохода войск 6-й дивизии через Петербург император Александр смотрел их и, найдя все в отличном состоянии, пожаловал Барклаю Анненскую ленту.

Прежде чем перейдем к описанию действий Барклая де Толли против шведов, необходимо изобразить, в каком положении были тогда наши дела в Финляндии. Наши войска вступили в эту страну, под главным начальством генерала от инфантерии графа Буксгевдена, в феврале 1808 года, тремя колоннами.

При левой, шедшей из Фридрихсгама, находился сам Буксгевден; среднюю, направленную из Кельтиса, на Кюмени, вел князь Багратион, а правой, следовавшей из Рандасальми и Сулкова, начальствовал генерал-лейтенант Тучков 1-й, спустя четыре с половиной года смертельно раненный при Бородине. Впереди Тучкова шел отделенный от него отряд генерал-майора Булатова.

По операционному плану, левая наша колонна долженствовала, по занятии Ловизы и Гельсингфорса, овладеть крепостью Свеаборгом; средней колонне, Багратиона, предназначалось действовать по направлению к Тавастгусу; правой колонне, Тучкова, велено было: препятствуя шведским войскам, стоявшим близ тогдашней нашей границы, у Кристины, Сант-Михеля, Варкгауза, далее к северу до Куопио и во всей Саволакской области, соединиться с войсками, расположенными у Тавастгуса, – принуждать их или к отступлению, или к сдаче; Булатову предписывалось идти от Вильманstrandа к Кристине, наперерез пути шведским войскам Саволакского корпуса, если бы они обратились на Тавастгус.

Взгляда на карту Финляндии достаточно, чтобы видеть, как разобщены были направления, а следственно, и действия, наших колонн. Это произошло от имевшихся у нас сведениях, что шведские войска были не соединены, а рассеяны по Финляндии. Они простирались до 50 тысяч человек и состояли под начальством генерала графа Клингспора. Начало действий было успешно.

Береговая колонна, при которой, как уже говорено, находился Буксгевден, после малого сопротивления со стороны шведов и финнов, прошла до Свеаборга и обложила его; Багратион проник до Тавастгуса и взял этот город; Тучков овладел всем предписанным ему пространством до Куопио и самым Куопио; Булатов занял Кристину и, вошед в связь с Багратионом, обратился на Сант-Михель. Имея повеление своего правительства не вступать в дело с превосходными силами и ограничиваться действиями оборонительными, вверенные Клингспору войска, по большей части, отступали перед нашими без боя.

Успешное начало войны, особенно занятие Тавастгуса, заставило главнокомандующего принять новый операционный план. Он состоял в том, чтобы князь Багратион преследовал главные силы шведов по большой дороге, от Тавастгуса, чрез Таммерфорс, к Вазе; чтобы Тучков, пройдя из Куопио, поперек всей Финляндии, к Вазе, предупредил там Клингспора, преследуемого Багратионом, и принудил его принять сражение или сдаться, и, наконец, чтобы остальные войска, с самим главнокомандующим, обложили Свеаборг.

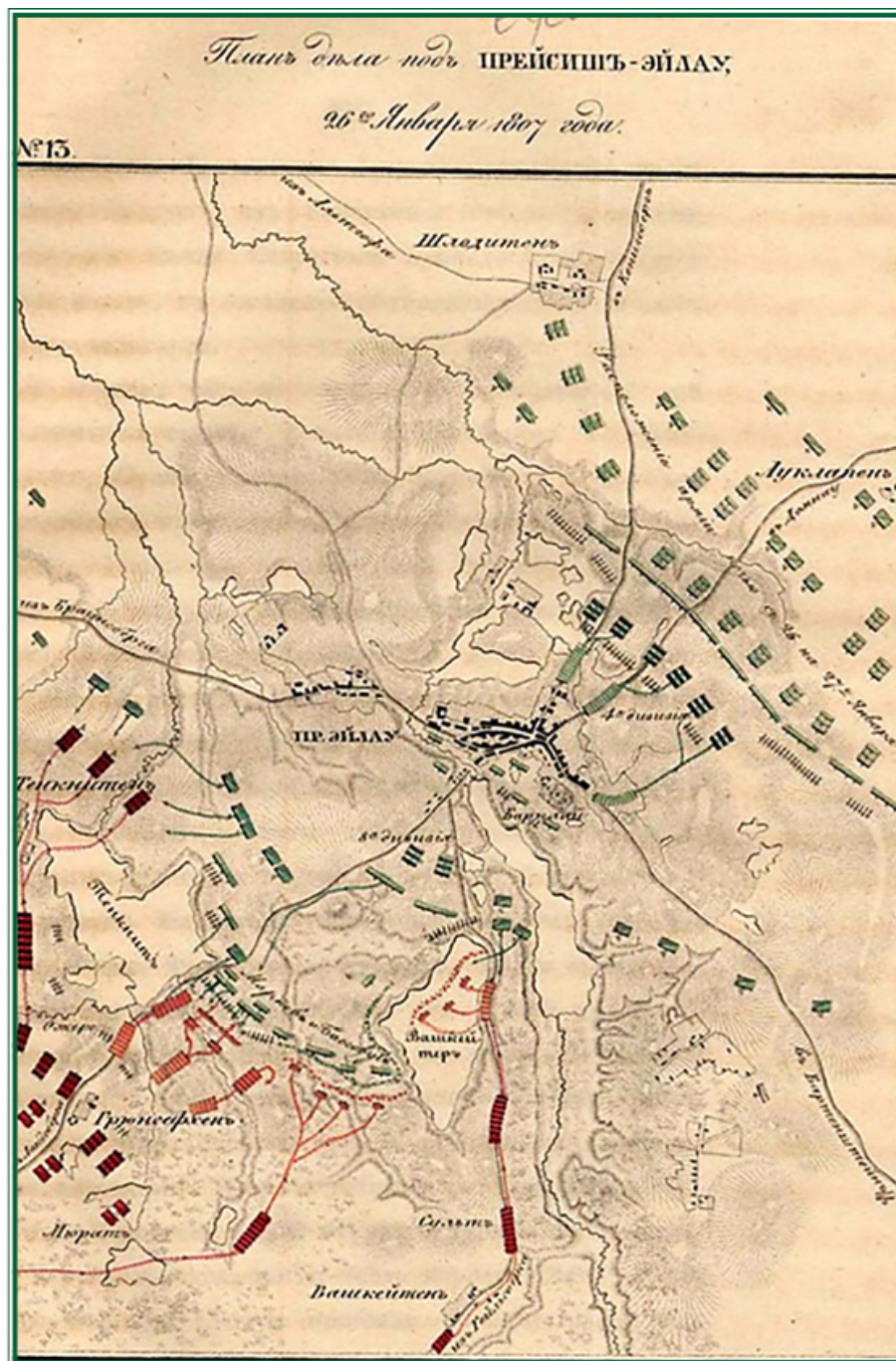
Напирая на шведов и преследуя их, князь Багратион дошел до Биернеборга, по эту сторону Вазы, как получил повеление Буксгевдена: разделив свою колонну на три части, с одной из них идти в Або и распорядиться занятием Аландских островов; другую оставить гарнизонами в лежащих при Ботническом заливе городах Ништадт и Раумо, а третьей, вверенной генералу Раевскому, поручить дальнейшее преследование Клингспора.

Все трое исполнили данные им поручения, и Раевский шел по пятам шведов, не только до Вазы, но еще далее, чрез Нью-Карлеби и Якобштадт, до Гамле-Карлеби, по большой дороге, идущей подле Ботнического залива, откуда шведам дальнейший путь отступления из Финляндии в Швецию лежал через Брагештедт, Улеаборг и Торнео.

По разным причинам, более всего по опасению оставить Куопио без достаточной защиты и обнажить путь, по которому везли нашим войскам продовольствие из России, чрез Старую Финляндию, или Выборгскую губернию, – Тучков не мог поспеть прежде шведов: сперва к Вазе, а потом к Гамле-Карлеби, и потому, вследствие настоятельных требований главнокомандующего, продолжал, с весьма малыми силами, идти по следам Клингспора, далее к северу.

Вероятие успеха было на стороне шведов, превышавших Тучкова с лишком вдвое, и в самом деле, они скоро восторжествовали над нами, сперва опрокинув вверенный Кульневу авангард Тучкова, а потом разбив отделенный от Тучкова отряд Булатова. Последствием этих неудач было отступление Тучкова до Гамле-Карлеби и занятие шведами Куопио, Варкгауза и Сант-Михеля.

Тучков получил повеление сдать начальство над своим отрядом Раевскому и, для отдачи отчета в своих действиях, явиться в главную квартиру Буксгевдена, бывшую тогда в Або. Все эти неудачи, происшедшие в первой половине апреля, дали Клингспору возможность перейти от оборонительного положения в наступательное. Как бы в вознаграждение за них, наши овладели Свеаборгом.

План сражения под Прейсиш-Эйлау.
*Начальное положение сторон: французы — красным,
русские войска — зеленым, прусские войска — синим*

Выше уже говорено, что Барклаю де Толли поручено было начальство над Подвижным корпусом. Назначение его было защищать Старую Финляндию, но едва успел он прибыть туда, как, в начале мая, ему прислано было от графа Буксгевдена повеление: сдать охранение страны прибывшему из Петербурга генерал-лейтенанту графу Витгенштейну, идти с своим корпусом на Куопио, занять вновь этот город, очистить от неприятельских войск Саволакскую область и, потом, действовать во фланг и тыл Клингспора, если бы он обратился на Раевского.

Из этого видно, что Барклаю готовилось поручение, весьма сходное с тем, какое имел Тучков. «От успешных действий Барклая де Толли, – доносил государю Буксгевден, – все зависит».

Барклай де Толли вошел в шведскую Финляндию, из Нейшлота и Вильманстранда, в то самое время как корпус Раевского, будучи тесним шведами, отступал от Гамле-Карлеби, по направлению к Вазе. Впереди Барклая, в виде летучего отряда, шли: эскадрон уланов и 50 донских казаков.

До Иокоса неприятель не показывался, и поход Барклая совершался беспрепятственно, но тут наших начали беспокоить, меткими своими выстрелами, саволакские стрелки, высланные начальником шведского отряда в Саволаксе, полковником Сандельсом. «Эти стрелки, – пишет участник того похода, служивший тогда в уланском Цесаревича полку, Ф. В. Булгарин, – зная местность, пользовались ей и отступая перед нами по большой дороге, высылали малые партии застрельщиков по сторонам, где только можно было вредить нам, укрывшись за камнями или в лесу.

Нельзя было своротить в сторону на сто шагов с большой дороги, чтобы не подвергнуться выстрелам, а это затрудняло нас в разъездах и препятствовало распознавать местоположение». В таком смысле доносил и Барклай Буксгевдену. 2 июня корпус Барклая приступил к кирке Иоройс, где Сандельс, при известии о движении наших войск, собрал до 2000 регулярного войска, почти столько же вооруженных крестьян, и занял неприступную позицию.

Он располагал обороняться, но, увидев, что наши в превосходных силах наступают на него с фронта и обходят с флангов, начал отходить к Куопио, истребляя за собой мосты, портя дороги и беспокоя наш тыл вооруженными жителями. Предводимые храбрыми и предприимчивыми офицерами, они ударили в одну ночь на подвижной магазин, находившийся недалеко за корпусом Барклая; истребили его, вместе со всеми повозками; сожгли найденные ими понтоны; перебили много людей; увели с собой лучших лошадей и у 400 остальных подрезали у передних ног, под коленами, жилы.

Война сделалась народною. Пять суток сряду шел Барклай де Толли, окруженный неприятелями и встречая на каждом шагу затруднения и препятствия, пока достиг Куопио, который нашел пустым, оставленным жителями. Сандельс утвердился на другом берегу озера Калавеси, – при котором лежит Куопио, – у Тайволы.

По занятии Куопио Барклаю было прислано повеление главнокомандующего: оставив против Сандельса половину корпуса, с остальной [частью] идти по направлению к Вазе, для совокупных действий с Раевским, который, со всеми пришедшими к нему подкреплениями имея под ружьем не более 6800 человек и до крайности нуждаясь в продовольствии, отступал перед теснившим его корпусом Клингспора, внутрь Финляндии.

Сперва он остановился не доходя Вазы, у Лиль-Кирки; потом, уступая превосходству сил, отошел к Лаппо, оттуда к Алаво, а затем еще далее, к Тавастгусу, куда прибыл около половины июля. Таким образом, предположение о соединении его с Барклаем, к великой досаде Буксгевдена, не состоялось.

*Дж. Доу. Портрет генерала от кавалерии барона
Л. Л. Беннигсена. Не позднее 1825 г.*

Исполняя повеление главнокомандующего, Барклай де Толли, оставив в Куопио генерал-майора Рахманова, с батальоном лейб-гвардии егерского полка, двухбатальонными полками Низовским и Ревельским, эскадроном улан Цесаревича полка, ротой пешей гвардейской артиллерии и 26-ю казаками, всего с тремя тысячами человек, – сам, с остальными, выступил 8 июня.

На слабый отряд Рахманова возложено было охранять сообщения с Россией, удерживать Куопио до крайности; ложными движениями угрожать Сандельсу за озеро; собрав у

жителей лодки, тревожить его нападениями; по переводе нашей флотилии из озера Сайма в озеро Калавеси, овладеть Тайвольской позицией и, наконец, открыть сообщение с нашим отрядом, шедшим из Сердоболя, под начальством генерал-майора Алексеева.

Если бы круг действий Рахманова ограничивался только первыми двумя поручениями: охранением сообщений с Россией и удерживанием Куопио, с силами, слабейшими против неприятельских, то уже это одно было сопряжено с большими затруднениями, а об остальном нельзя было и думать; но воля Буксгевдена была непреклонна. Располаясь из главной своей квартиры, Або, он не хотел и слышать о неудобоисполнимости своих повелений.

Выступив из Куопио, с лейб-гренадерами, двумя батальонами Азовского полка, двумя 3-го егерского, четырьмя эскадронами улан его высочества, 150 казаками и полуротой артиллерии, Барклай де Толли пошел по большой дороге, соединяющей Куопио с Гамле-Карлеби и пересекаемой проливами озер, которыми усеяна Финляндия. 10 июня Барклай достиг беспрепятственно кирки Рауталамби, лежащей в семидесяти пяти верстах от Куопио, между озерами Конивеси и Кивисальми, но тут должен был остановиться, по недостатку в перевозных лодках, которые почти все, по распоряжению Сандельса, были угнаны далее к северу.

Шведские партизаны делали все возможное, чтобы затруднить поход наших войск: угоняли лодки, истребляли мосты, перекапывали дорогу, зажигали по сторонам ее лес и перехватывали или убивали наших фуражиров. Дорожа временем, Барклай воспользовался небольшим числом лодок, которых неприятель еще не успел увести, и переправил на них чрез озера свой авангард, велел ему остановиться в Койвисто, за 140 верст от Лаппо, куда намеревался идти сам, с остальными войсками отряда.

Вслед за этим он занялся построением новых мостов, вместо разрушенных шведами, а между тем не дремал и Сандельс. Предугадывая цель похода Барклая и зная, как важно было не допустить его до соединения с Раевским, он счел одним из удобнейших к тому средств нападение на Куопио. С этой целью он собрал в Тайволе множество рыбацких лодок и, посадив на них лучшие свои войска, атаковал Куопио с двух сторон.

Нападение последовало 10 июня, в тот самый день, как Барклай пришел в Рауталамби. Оно было мужественно отражено, причем особенно отличились наши гвардейские егеря. Сандельс удалился со всей своей флотилией, но через два дня пробрался с ней к Варкгаузу, между Куопио и Нейшлотом, и, напав на сопровождаемый частью Азовского мушкетерского полка и шедший в Куопио провиантский транспорт, отбил более ста подвод.

Через день, 15 июня, последовало вторичное нападение на Куопио. Подобно первому, оно было отражено, после упорного, почти рукопашного боя, но положение Рахманова от того не улучшилось. По мере того как силы и средства его истощались, у Сандельса они возрастали. «Победа была полная, но, кроме того, что мы сохранили Куопио, она не принесла нам никакой существенной пользы, и Рахманов был не в состоянии исполнить других поручений Барклая де Толли.

Нельзя было и думать о нападении на шведскую позицию у Тайволы, не имея ни одной лодки; сообщения наши с Россией были прерваны, и мы ничего не знали о Сердобольском отряде. Сандельс оставил вооруженные толпы крестьян в лесах, вокруг Куопио, под начальством шведских офицеров, приказав им истреблять наших фуражиров и наши отдельные посты, и непрерывно тревожить нас в Куопио. Эти партизаны отлично исполняли свое дело.

Недостаток в съестных припасах заставлял нас высылать на далекое расстояние фуражиров, чтобы забирать скот у крестьян, отыскивая их жилища в лесах, и каждая фуражировка стоила нам несколько человек убитыми и ранеными. Отдельные посты были беспрестанно атакуемы. Почти каждую ночь в Куопио была тревога, и весь отряд должен был браться за оружие.

Крестьяне подъезжали на лодках к берегу, в самом городе стреляли в часовых и угрожали ложной высадкой. Не зная ни числа, ни намерения неприятеля, нам надлежало всегда

соблюдать величайшую осторожность. Голод и беспрестанная тревога изнуряли до крайности войско. Госпиталь был полон». Так говорит очевидец, на которого мы уже ссылались выше, и так доносил Рахманов.

Прибавим еще, что отряд Рахманова, обязанный поддерживать сообщение с Нейшлотом, на протяжении с лишком 120 верст, по береговой дороге, доступной для неприятельских флотилий и составлявшей единственный путь для подвоза продовольствия в Куопио, – отряд этот не имел для того достаточных сил. Из всех поручений, возложенных на Рахманова Барклаем де Толли, на основании повелений главнокомандующего, возможно было ограничиться только одним: удерживанием Куопио; но и то – надолго ли?

Много ли времени мог держаться отряд, окруженный и беспрестанно тревожимый неприятелем; с каждым днем уменьшавшийся в числе и уже начинавший терпеть недостаток в главных потребностях существования?

*Дж. Доу. Командир 7-го пехотного корпуса
генерал-лейтенант Н. Н. Раевский. 1825 г.*

Барклай де Толли был в Рауталамби, занимаясь с постройкой мостов, когда получил донесение Рахманова о первом нападении шведов на Куопио. Последующие известия были одно другого тревожнее, наконец, дальнейшее отстаивание города становилось явно невозможным.

«В таких обстоятельствах, — читаем мы в «Описании войны 1808 и 1809 годов» покойного генерала Михайловского-Данилевского, — Барклаю де Толли представлялось избрать одно из двух: возвратиться в Куопио, для обеспечения правого крыла армии и сообщений с Россиею, или, предоставив их оборону Рахманова, самому исправить переправы у Конивеси и продолжать начатое, согласно повелениям главнокомандующего, движение во фланг и тыл графа Клингспора.

Барклай де Толли предпочел: всеми силами своими удерживать Куопио и оборонять дорогу в Нейшлот, нежели идти против графа Клингспора, а тем оставил от Раевского на произвол собственных сил его и был виною, что развязка войны отсрочилась на долгое время, до ноября, когда неприятельские войска совсем были вытеснены из Финляндии.

Он послал Азовский пехотный полк и 100 казаков через Линдулак, к Раевскому, а сам возвратился 17 июня из Рауталамби в Куопио, решась произвести сие движение самовольно, не имея на то разрешения». Эти строки содержат в себе несколько упреков Барклаю де Толли, обвиняя его в оставлении Раевского без помощи, в замедлении надолго хода военных действий и в дозволении себе самопроизвольного отступления, т. е. вслушании повелений главнокомандующего.

Таковы, действительно, были и упреки со стороны Буксгевдена, видевшего в действиях Барклая одну только сторону: ниспровержение своего операционного плана. План этот мы уже изложили выше. Он состоял в том, чтобы Раевский, отступая, завлек Клингспора в глубь Финляндии, и в то же время Барклай, оставив половину своего корпуса в Куопио, долженствовал ударить в левый фланг Клингспора, зайти ему в тыл и пресечь ему отступление к Улеаборгу.

Спрашиваем: в тех обстоятельствах, в каких находился Куопиоский отряд, мог ли Барклай предать его в верную жертву неприятелю и потерять свои сообщения с Россиею, обнажив вместе с тем и ее границу? Если бы даже пренебрегши этими важными обстоятельствами, он и успел подать, как говорится, руку Раевскому, то подобно взять в расчет, что оба наши генерала, считая у себя под ружьем с небольшим 11 тысяч человек, износивших одежду и обувь и изнуряемых голодом, имели против себя, – не принимая в расчет нескольких тысяч вооруженных крестьян, – до 13 тысяч регулярного войска, не уступавшего нашему в устройстве и мужестве и не терпевшего недостатка ни в жизненных, ни в военных потребностях.

При таком неравенстве сил, Барклай и Раевский едва ли бы успели и совокупными силами исполнить требование главнокомандующего, а кроме того, они подвергались еще опасности быть разбитыми КлингсПором поодиночке; между тем Сандельс неминуемо одолел бы Раханова. Спрашиваем еще: мог ли Барклай, в тогдашнем положении дел, списываться с Буксгевденом и терять золотое время в ожидании его разрешения?

Справедливо совершенно, что решимость, принятая Барклаем де Толли, была самопроизвольна; но она была внушена ему благоразумием и знанием дела. Она сохранила весь вверенный ему корпус, а может быть, даже и безопасность всей армии, в то время не превышавшей 26 тысяч человек, разбросанных между Або и Куопио, почти на 600 верстах, на местности, способствовавшей неприятелю действовать партизанскими отрядами, среди враждебно расположенного к нам народонаселения, и почти непрерывно боровшихся с голодом.

Если бы Барклай действительно был виноват или на него падала бы тень вины, то нет никакого сомнения, что с ним поступили бы точно так, как с Тучковым, тем более что он был нелюбим главнокомандующим, за дружбу с Беннигсеном, К которому с войны 1807 года граф Буксгевден питал вражду непримиримую. наконец, действия Барклая были вполне одобрены императором Александром, все более и более ценившим достоинства и способности своего будущего министра и полководца.

Отделив, как мы уже видели, полк пехоты и сотню казаков к Раевскому, т. е. сделав для усиления его все возможное, Барклай де Толли вступил в Куопио перед полночью с 17 на 18 июня, и едва успел сделать распоряжения к усилению городской обороны, как город был опять сильно атакован Сандельсом, еще не знавшим о прибытии Барклая.

Устав досками несколько больших лодок, соединенных между собой бревнами, и устроив таким образом две плавучие батареи, с орудиями, он послал под прикрытием их,

на лодках, почти весь свой отряд, который, будучи благоприятствуем туманом, незаметно вышел на берег и открыл огонь по городу с трех сторон. Весь наш отряд выступил навстречу невидимому неприятелю, и Барклай, не зная, где шведы и в каком числе, высылал батальоны на те места, где завязывались перестрелки с нашими передовыми постами и где предполагали найти неприятеля.

Из пушек, поставленных на берегу, стреляли наудачу. Суматоха была неописанная; слышны были только крики и выстрелы, виден только огонь из пушек и ружей. К утру туман рассеялся. Барклай де Толли немедленно распорядился, выступив сам против главной силы шведов, атаковавшей город с правой стороны. Бой закипел самый упорный, причем на стороне шведов были те выгоды, что они хорошо знали местность, более нежели наши солдаты были с ней свычны, и искуснее их стреляли.

При всех этих преимуществах, стойкость наших войск одержала верх над храбростью шведов, и к десяти часам утра уже ни одного из них не было на Куопиоском берегу. Узнав о возвращении Барклая де Толли, Сандельс не возобновлял нападений. Цель его была достигнута: отряд Барклая был отвлечен от содействия Раевскому.

Через неделю по отражении шведов к Куопио пришли семь канонирских лодок, под начальством лейтенанта (впоследствии адмирал и генерал-адъютант) Колзакова, с большими затруднениями переведенные из озера Сайма в озеро Калавеси. От прихода этой флотилии положение Куопио сделалось надежнее, так что Барклай решился перейти к наступательным действиям; именно: он хотел атаковать Сандельса в его позиции у Тайволы.

С этой целью, по предложению приехавшего по высочайшему повелению из Петербурга в Финляндскую армию, флигель-адъютанта маркиза Паулуччи, приступлено было к деланию плотов, из которых каждый мог бы поднимать около полуроты пехоты, с одним орудием. Первые плоты оказались на опыте неудобными, и потому вытребован был из Петербурга корабельный мастер, который и приступил к постройке перевозных судов; но, пока он занимался этой работою, Барклай де Толли, по просьбе своей, был уволен из армии, для пользования болезнью.

Правда, что, еще страдая от полученной под Прейсиш-Эйлау раны, он был утомлен от трудного похода и непрерывной деятельности, но главной причиной его отъезда было неудовольствие, можно сказать, гнев, на него главнокомандующего, и без того уже, как мы заметили, не хорошо к нему расположенного. Отъезд Барклая возбудил общее сожаление в его корпусе. Место его заступил, 1 июля, Тучков, совершенно оправдавшийся в своих действиях.

Во время отсутствия Барклая де Толли дела наши почти не изменялись до половины августа, когда граф Каменский, сменивший Раевского, одержал над Клингспором блистательную победу у Куортанского озера. Не входя в описание дальнейшего хода войны, так как Барклай де Толли в нем не участвовал, скажем только, что к декабрю вся Финляндия была за нами и что неприятельские войска перешли в пределы собственной Швеции, за Торнео. В это же время граф Буксгевден получил присланное им увольнение от начальствования армией и на место его был назначен генерал от инфантерии Кнорринг.

Новый главнокомандующий нашел войска наши в Финляндии разделенными на четыре корпуса: Улеаборгский – Тучкова; Вазский – князя Голицына (впоследствии московский военный генерал-губернатор), Абоский – князя Багратиона, и Нюландский, или Гельсингфорский, – графа Витгенштейна. Еще особый отряд находился в Куопио, в ведении Выборгского военного губернатора.

Финляндия была покорена, но Швеция не обнаруживала никакого желания заключить мир, и потому, чтобы скорее достигнуть его, император Александр повелел Кноррингу положить целью военных действий немедленное и решительное перенесение театра войны на шведский берег. Зима представляла к тому большие удобства, и, вследствие этого, Кнор-

рингу велено было двинуть наши корпуса: Улеаборгский – через Торнео; Вазский – из Вазы, по льду Ботнического залива, в Умео; Абоский – по льду же, на Аландские острова.

Улеаборгский корпус должен был, при встрече с находившимися на севере шведскими войсками, быстро атаковать их, разбить, стараться захватить местные магазины, и потом, как можно скорее, следовать к Умео, лежащему в Вестрботнии, против Вазы, при самом узком месте Ботнического залива, называемом Кваркен. Абоскому корпусу надлежало решительно напасть на Аландские острова, истребить находившиеся там шведские войска, обезоружить собранную на островах милицию и готовиться к переходу, по покрытому льдом Ботническому заливу, на шведский берег.

Вазский корпус долженствовал во время движения наших войск на Торнео и Аланд идти из Вазы, через Кваркен, в Умео и, заняв этот город, поспешнее соединиться с Улеаборгским корпусом, после чего всем трем корпусам надлежало обратиться на Стокгольм, истребить шведский флот и занять там места, в которых войска наши могли бы держаться по вскрытии моря. Улеаборгскому и Вазскому корпусам предписывалось запастись десятидневным провиантом в сухарях. Для сохранения строжайшей дисциплины между войсками, командирам всех трех корпусов предоставлялась неограниченная власть.

Декабрь 1808 года и январь и февраль 1809 года – благоприятнейшие месяцы для повеленного императором Александром похода в Шведские пределы, – прошли в бездействии. В течение этого времени двое из корпусных командиров, Тучков и князь Голицын, занемогли, и вместо них были назначены: командиром Улеаборгского корпуса – граф Шувалов, Вазского – Барклай де Толли.

Продолжая сохранять высокое мнение о Барклае и полагая, что, с удалением прежнего главнокомандующего, он не затруднится возобновить оставленное за полгода перед тем служение в Финляндской армии, император писал ему, 1 февраля 1809 года: «Надежда моя, по опытной службе вашей, на употребление вас в важных случаях военных, решила меня, в прошедшее лето, на увольнение вас во время самых военных действий, для восстановления расстроенного вашего здоровья. Ныне же, как здоровье ваше поправилось, а в Финляндской армии предполагаются военные действия важнейшие и решительные, то я и не нахожу приличнее употребить при оных кого другого, кроме вас.

Посему и не оставьте поспешнее явиться у главнокомандующего Финляндской армией генерала Кнорринга. Не нахожу нужды изъяснять вам, сколь много я надеюсь на ваше усердие к службе, а потому и остаюсь уверенным, что порученное вам от главнокомандующего армией исполните вы с приобретением всех предстоящих затруднений». В одно время с этим рескриптом, Барклаю было пожаловано 3 тысячи рублей серебром на подъем. В это время Барклай де Толли находился в Петербурге и через несколько дней отправился в Або.

Недовольный потерей драгоценного времени, император Александр изъяснил Кноррингу письменно свое неудовольствие и требовал от него немедленного и безоговорочного исполнения своей воли. Кнорринг оправдывался разными затруднениями и заключал свое донесение следующими словами: «Привыкши, как добрый и послушный солдат, исполнять все повеления вашего императорского величества, я в долге, однако ж, признаться в недостатках моих, и для того, ежели вам, всемилостивейший государь, угодно настоятельно требовать исполнения плана, то осмеливаюсь всеподданнейше просить о всемилостивейшем моем увольнении от службы».

Заимствуем из приведенного нами выше сочинения генерала Михайловского-Данилевского дальнейшие подробности, заключающие в себе описание решительных приготовлений к походу в Швецию и участие Барклая де Толли в этом достопамятном и славном для русского оружия походе.

Генерал-адъютант и генерал от кавалерии русской армии.
Первая треть XIX в.

Откровенное сознание Кнорринга в его бессилии исполнить высочайшую волю побудило императора отправить в Финляндию военного министра графа Аракчеева, с непрямым повелением двинуть войска через Ботнический залив и с ними вместе отправиться в поход. 20 февраля граф Аракчеев прибыл в Або, откуда только накануне поехали: Барклай де Толли в Вазу и граф Шувалов в Улеаборг.

Кнорринг повторил Аракчееву о невозможности идти на Аланд, представляя причинами: недостаток провианта и необходимость иметь его полкам, сверх находившегося при них 10-дневного запаса, еще на пять дней; малочисленность войск, остающихся в Або и окрестностях, для удержания могущего вспыхнуть восстания жителей; опасность подкрепления с шведского берега, по имевшимся известиям, что там собран 10000-й корпус, который, по твердости льда, мог перейти на острова во время наших действий, и, наконец, опасность пребывания войск в течение шести ночей на льдах.

Граф Аракчеев опроверг все эти доводы и немедленно приступил к распоряжениям. Через неделю, 28 февраля, все было готово к походу Багратионова корпуса на Аландские острова.

Во время самых деятельных приготовлений в Або получено было от Барклая де Толли донесение о невозможности идти через Кваркен. Он писал, что, прибыв в Вазу, не нашел там не только никаких приготовлений к переходу через залив, но даже продовольствие войск на месте не было совершенно обеспечено, и что притом он не снабжен подробными наставлениями касательно предстоявших ему действий.

«Магазины пусты, — доносил он, — полки и команды, кроме 25-го егерского полка, не имеют ни на один день запасного сухарного провианта и едва удовлетворены на сей месяц употребляемым в пищу провиантом. Навагинский полк, расположенный в Гамле-Кар-

леби, удовлетворен только по 18-е число сего месяца; в тамошнем магазине ничего нет, следовательно, до прибытия туда отправляемых транспортов, он терпит совершенный голод.

В лейб-гренадерском, Полоцком и Тульском полках, которые близко и могут собраться в Вазу в два или три дня, под ружьем рядовых только 3462 человека. С таким малым числом войск важного ничего предпринимать нельзя. Остальные полки могут прибыть сюда: Навагинский чрез 12, 25-й егерский через 18, или 20 дней, и, по сборе сих полков, буду я иметь 5468 человек под ружьем.

О полках, назначенных ко мне из Улеаборгского корпуса, сведений еще не имею; едва ли они через две недели сюда придут. В Тульском и Полоцком полках недостает 34000 боевых патронов. Управляющий в корпусе провиантской частью болен; квартирмейстерской части надежного офицера у меня нет, также не имею я карт ни здешних мест, ни Швеции. Связи в действиях с корпусом графа Шувалова установлено быть не может.

Не имеем никаких верных известий о неприятеле, а знаем, что он собирает силы свои близ Умео, следовательно, с 5000 человек мне идти туда нельзя». Граф Аракчеев отвечал Барклаю: «В затруднении продовольствия имеете вы наличной муки до 1000 четвертей да ожидаемой, которую, думаю, уже получили, до 1000 четвертей, что составит по числу 5000 войск, более полуторамесячного продовольствия.

Вы представляете о недостатке 34000 боевых патронов, но сие количество можете вознаградить или от несостояния в количестве людей, или получением их из Гамле-Карлеби, где находится запасный артиллерийский парк, расстоянием от вас в 140 верстах. Поставя вам это на вид, прошу вас скорее приступить к исполнению воли государя императора, о чем и ожидаю вашего донесения, чего непременно от меня требует его величество.

Насчет объяснения вашего, что вами очень мало получено наставлений от главнокомандующего, то генерал с вашими достоинствами в оных и нужды не имеет. Сообщу вам только, что как государь император к 16 марта придет в Борго, то я уверен, что вы постараетесь доставить к нему на Сейм шведские трофеи. На сей раз я желал бы быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход Кваркена Провидение предоставляет одному Барклаю де Толли».

Получив столь настоятельное повеление, Барклай де Толли решился не ожидать прибытия в Вазу всех назначенных ему для перехода чрез залив войск и выступил с теми, какие при нем находились. Войска эти состояли из двух батальонных полков; лейб-гренадерского, Тульского и Полоцкого мушкетерских, 300 казаков и 8-ми орудий; всего в числе до 3500 человек.

В Вазе оставлен был, под начальством генерал-майора Лобанова, Пермский мушкетерский полк; как для содержания гарнизона в этом городе и на ближних к берегу островах, так и для наблюдения за спокойствием края, при чем Лобанову приказано было, по прибытии шедших в Вазу полков Тенгинского и Навагинского мушкетерских и 24-го и 25-го егерских, послать их через Кваркен на соединение с Барклаем, а также приготовить продовольствие и отправить его туда же, по востребованию.

Й. Вольц. Казак и казачий офицер. 1810-е

Ширина Кваркена простирается до 100 верст. Между обоими его берегами находятся купы островов, состоящих большей частью из необитаемых скал. Опасный летом для мореходцев, по причине множества отмелей и неровности морского дна, Кваркен зимой замерзает, образуя сухопутное сообщение между противуположающимися берегами, и тогда бывает еще опаснее, от широких полыней и трещин во льду, которые, не быв видимы под наносным снегом, во многих местах угрожают сокрытыми безднами.

Иногда внезапные бури разрушают ненадежный помост зимы и уносят его в море. В декабре 1808 года, и через месяц потом, лед дважды ломался от вихрей и морского волнения. До вступления Барклая де Толли в командование Вазским корпусом, предшественник его, князь Голицын, посылал малые партии казаков, разведать о пути по Кваркену и о силах неприятеля на противном берегу.

Казаки доходили до Гадденского маяка и воротились благополучно, донося о возможности перехода, но вместе и о сопряженных с ним, почти непреодолимых, трудностях, что

и останавливало Барклая. Касательно неприятельских сил на шведском берегу, около Умео, посланные узнали от островитян, что их было не много.

Готовясь к переходу, Барклай де Толли разделил свой отряд на два отделения: первое, полковника Филисова, из двух батальонов Полоцкого полка, при двух орудиях, и сотни казаков под начальством войскового старшины Киселева, уже бывшего на Кваркене по приказанию Голицына; второе, генерал-майора Берга, из лейб-гренадеров, и Тульского полка, при шести орудиях, и из 200 казаков.

Обоим отделениям велено было собраться 5 и 6 марта, на прилежащих к Вазе островах; первому отделению на Вальгрунте, второму на Биерке. По прибытии на Вальгрунт, Филисов должен был отправить Киселева, с 50-ю казаками и посаженными на подводы 40 мушкетерами, при 3-х унтер-офицерах, прямо на острова Гадден и Гольмен.

Целью их посылки туда было: напасть ночью на неприятельские пикеты и захватить их, стараясь, чтобы никто из шведских солдат или обывателей не мог уйти на неприятельский берег и уведомить о нашем движении; далее узнавать о силах и расположении на матером берегу шведов, о том, какие сделаны у них распоряжения к обороне, не ждут ли они подкрепления и откуда, и, наконец, по собрании всех этих сведений, прислать о них поспешно донесение, а партии оставаться на островах, наблюдая всевозможную осторожность.

Вслед за партией назначено было выступить обоим отделениям отряда, первому к Гольмену, второму к Гаддену, а оттуда обоим идти на Умео: одному с северной стороны, другому с южной. Запрещено было иметь обозы, кроме патронных ящиков на дровнях, в которые уложили колеса, и одноконных саней, для своза раненых. Сухарей взяли с собой на 10, а фуража на 4 дня. В заключение, подтверждено было о соблюдении строжайшего порядка.

В назначенный день, 6 марта, отряд собрался на островах Вальгрунте и Биерке, и пошел на необитаемый остров Вальсгорн, где должен был оставаться целые сутки, в ожидании подвод, проводников и продовольствия. Войско провело 7 марта на биваках, в необозримых снежных степях и среди гранитных скал, где не было признаков ни жизни, ни прозябания; ни куста, ни тростинки. 8 марта, в 5 часов утра, отряд тронулся с Вальсгорна в открытое море.

Первое отделение, Филисова, шло впереди; за ним следовало второе, Берга, при коем находился Барклай де Толли; позади второго шел резерв, состоявший из батальона лейб-гренадерского полка и 20-ти казаков. На первом шагу началась уже борьба с природою. Свиристествовавшая в ту зиму жестокая буря, сокрушив лед, разметала его на пространстве залива огромными обломками.

Подобно утесам, возвышались они в разных направлениях, то пересекая путь, то простираясь вдоль по дороге. Издали гряды льдин похожи были на морские волны, мгновенно замерзшие в минуту сильной зыбы. Надобно было то карабкаться по льдинам, то сворачивать их на сторону, то выбиваться из глубокого снега, покрытого обломом.

К счастью отряда, холод не превышал 15-ти градусов и погода была тихая; иначе вьюга, обыкновенное в тех широтах явление, могла взломать ледяную твердыню и поглотить войско. Хотя каждая минута была дорога, но солдатам давали отдых, ибо они едва могли двигаться от изнурения; лошади скользили и засекали ноги об острые льдины.

Всего более замедляла движение отряда артиллерия. Чтобы пособить этому, к орудиям, поставленным на полозья, отрядили 200 рабочих, но наконец Барклай велел оставить пушки назад, под прикрытием резерва. К шести часам вечера, пройдя сорок верст в двадцать часов, войско прибыло на Гадден, предварительно занятый Киселевым, который, с 50-ю казаками и 40 отборными стрелками Полоцкого полка, напал на шведский пикет и, по упорном сопротивлении, рассеял его.

К сожалению, он не мог взять в плен всего пикета, отчего несколько солдат спаслись на шведский берег и известили тамошнее начальство о появлении русских на Гаддене. Остров

этот, равно как и лежащий севернее его, остров Гольмен, совершенно бесплоден; с трудом можно было достать на Гаддене немного дров, и большая часть отряда провела суровую ночь без огней.

На следующий день, 9 марта, войско тронулось в дальнейший поход, на Умео. Барклай де Толли, с второй половиной своего отряда, выступив в полночь, с Гаддена, прямо к твердому берегу, пришел рано поутру, в потылах, к устью реки Умео и стал на биваках. За неимением дров, разломали и употребили в топливо стоявшие у берега, во льду, два купеческие корабли.

«Переход был наизатруднительнейший, – доносил Барклай де Толли. – Солдаты шли по глубокому снегу, часто выше колена, и сколько ни старались прийти заблаговременно, но, будучи на марше 18 часов, люди так устали, что на устье реки принуждены мы были бивакировать. Неприятельские форпосты стояли в виду нашем. Понесенные в сем переходе труды единственно русскому преодолеть только можно».

В одно время с Барклаем выступила и передовая часть отряда, под начальством Филисова. Она пошла на Гольмен и, подходя к нему, тотчас атаковала шведов, засевших в сделанных из снега окопах. Нападение было отбито. Тогда завязалась перестрелка, а между тем две гренадерские роты были посланы обойти шведов с тыла. Неприятель отступил в Умео, преследуемый слабо, по причине медленного движения нашей артиллерии в снегах. К вечеру Филисов достиг селения Тефтео, лежащего к северу от Умео, и вошел в связь с Барклаем де Толли.

Шведами в Умео начальствовал граф Кроншtedт. У него было не более 1000 человек, и он, не подозревая возможности нападения, стоял спокойно, как в мирное время. Остальные войска его были распущены по домам. Только накануне узнал он, от спасшихся с острова Гаддена солдат своих, о приближении русских, и потому не успел принять надлежащих мер обороны.

Пока он распоряжался и собирал войска, Барклай де Толли атаковал, на рассвете 10 марта, передовую цепь его и опрокинул ее. Казаки и стрелки, выбившись из глубокого снега, в котором вязли двое суток, обрадовались выходу на гладкую дорогу; быстро понеслись за неприятелем и были уже в одной версте от Умео.

Убедившись в превосходном числе наших сил, и справедливо заключая, что если русские одолели препятствия перехода через Кваркен, то явились на шведский берег с решительностью искупить победу во что бы то ни стало, – граф Кроншtedт не хотел вступать в дело, не обещавшее ему успеха.

Желая остановить дальнейшие действия нашего отряда переговорами, он прислал к Барклаю офицера, с предложением свидания, и получил в ответ, что наступательное наше движение ни под каким предлогом не может быть остановлено: если же он требует пощады, то должен явиться сам, лично. Кроншtedт не замедлил приездом. «Вся Швеция желает мира» – сказал он Барклаю де Толли, и, сообщив ему, что царствовавший тогда король Густав-Адольф IV лишен престола, предложил уступить нам Умео без боя и заключить конвенцию о прекращении военных действий.

Барклай де Толли принял предложение графа Кроншtedта и подписал с ним конвенцию, которую шведы обязывались очистить Умео и всю Вестронботнию, до реки Эре, оставив нам все магазины и взяв с собой провианта только на четыре дня. Оба начальника обязались донести своим главнокомандующим о заключении конвенции; в ожидании же повелений от них, условились прекратить военные действия, с тем чтобы, в случае возобновления их, одна сторона предварила другую за 24 часа.

Причинами, побудившими Барклая де Толли заключить конвенцию, были: 1) желание сохранить в Умео магазины, не давая шведам времени истребить их; 2) необходимость оставить земские начальства на занимаемых ими местах, без чего нельзя было делать распоряже-

ний о дальнейшем продовольствии, если бы отряду пришлось еще долго оставаться в Умео; 3) невозможность отрезать шведам отступление к Стокгольму, куда дорога была занята ими заблаговременно.

«Конечно, – доносил Барклай де Толли, – мог бы я, принудив неприятеля к сражению, одержать над ним некоторую поверхность, хотя, впрочем, силы его были против наших равные, но люди его были свежие, а наши, весьма уставшие от чрезмерно глубоких снегов. Он имел артиллерию, а наша следовала вся за 1-м отделением; но впоследствии мы оттого не имели бы никаких выгод, а может быть, много вреда; личному же моему славолюбию жертвовать общей пользой я почел бы себя преступником и недостойным доверенности моего Государя.

Неприятель очищает нам земли в одну сторону, к Стокгольму, до 200 верст, отступая с войсками своими в Гернезанд; о войсках же его, находящихся между Умео и Торнео, я никакого не делал условия; следственно, когда граф Шувалов начнет свои действия, я, собрав здесь между тем все полки, идущие ко мне через Кваркен, в знатных силах, буду иметь средства стеснить их и принудить положить оружие свое перед победоносным войском его императорского величества».

В самый день заключения конвенции, 10 марта, русское войско вступило с торжеством в Умео, и шведы обратились к реке Эре. В магазинах Умео найдены были 4 пушки, 2820 ружей, довольно значительное количество снарядов и амуниции, 1600 бочек разного продовольствия и на месяц провианта и фуража для нашего отряда. Заняв Умео, Барклай де Толли немедленно отправил Филисова, с двумя батальонами, сотней казаков и двумя орудиями, по дороге к Торнео, где, по слухам, находились шведские магазины, с запасными снарядами, орудиями, ружьями, порохом, свинцом, амуницией и хлебом.

Следуя предписанным трактом, авангард Филисова встретил у Ратана небольшую команду шведов и отбил у нее транспорт с хлебом, 20 зарядных ящиков и 21 лафет. В самом Ратане наши овладели замерзшим недалеко от берега гальетом, нагруженным 900-ми бочками пороха и несколькими сотнями пудов свинца, а за Ратаном взяли две 12 фунтовые пушки, следовавшие в Стокгольм.

Дж. Доу.
Портрет П. А. Шувалова

Одиннадцатого марта отряд Барклая был усилен пришедшим из Вазы в Умео Навагинским мушкетерским полком, вслед за которым должны были прибыть еще три полка. В ожидании, их Барклай де Толли начинал принимать меры к утверждению своему на шведском берегу, как 12 марта получил повеление немедленно возвратиться в Вазу.

Имея в виду необходимость отдохновения войску, после утомительного перехода через Кваркен, где до 200 человек ознобили себе члены, и не желая поспешным возвращением из Швеции дать походу нашему вид принужденного отступления, он пробыл в Умео еще три дня и тогда, 15 марта, пошел в обратный поход через Кваркен.

«В кратковременное пребывание русских войск на шведском берегу, – доносил Барклай де Толли, – соблюдали они совершенный во всем порядок; ни один обыватель не имел причины принести ни малейшей жалобы; поведение и дисциплина российского солдата произвели здесь всеобщее удивление. Мне восхитительно было слышать все неисчислимые похвалы сему победоносному войску, со вступлением коего жители в отчаянии полагали быть навек несчастливými.

Умеоский губернатор, с депутацией от дворянства, купечества и поселян, изъявили мне благодарность, со слезами на глазах, за великодушное с ними обращение войска, говоря, что они обязаны прославлять навеки священное имя благотворящего императора Александра.

*Дж. Доу. Командующий 1-м кавалерийским корпусом
шеф Кавалергардского полка генерал-адъютант Ф. П. Уваров.
Не позднее 1825 г.*

Перед выступлением в Вазу, Барклай де Толли обнародовал в Умео объявление, излагая в нем, что Российский император велел вступить своим войскам в средину Швеции единственно для ускорения мира, к собственному благополучию шведов, и потому, не только имущество каждого было сохранено, но все взятые оружием нашим магазины, с амунициею, провиантом и артиллериею, отдаются им обратно.

«Увезти с собой взятую добычу, — доносил Барклай де Толли, — походило бы единственно на корыстолюбие, а истребить и привести в негодность все доставшиеся нам вещи

не было бы знаком миролюбия с нашей стороны». Отряд возвращался из Умео, имея за собой более ста обывательских подвод для облегчения солдат, причем казаки употребляли своих лошадей под казенные обозы и под своз усталых людей, и тем спасли многих солдат от ознобления и болезней. Прибыв в Вазу, отряд расположился на кантонир-квартирах.

Так совершился переход вверенных Барклаю де Толли войск через Кваркен; переход, принадлежащий к самым достопамятным событиям в наших военных летописях. Рассматривая его отдельно, мы видим в нем только двое суток продолжавшуюся борьбу с зимней стихией и занятие Умео без всякой пользы, но в сущности появление нашего отряда в недрах самой Швеции имело ту важную выгоду, что облегчило действия графа Шувалова, значительно ослабившие шведские войска и отделившие от них почти все, находившиеся с ними в соединении, войска финские.

Долг справедливости требует сказать, что первым виновником перехода наших войск через Кваркен был граф Аракчеев, но кто отнимет честь и славу выполнения этого трудного перехода от Барклая де Толли? Признательный к новой заслуге Барклая, император Александр произвел его в генералы от инфантерии, а всем нижним чинам корпусов Абоского, Вазского и Улеаборгского, участвовавшим в перенесении наших знамен в недра Швеции, пожаловал серебряные медали, для ношения на груди, на голубой ленте, и еще денежное награждение.

В марте 1809 года последовало присоединение Финляндии к России. В апреле, по увольнении Кнорринга от начальствования Финляндской армией и генерала графа Спренг-портена от управления новоприобретенной Финляндией, места их обоих заступил Барклай де Толли, с званием главнокомандующего Финляндской армией и финляндского генерал-губернатора.

Так, быв в марте 1807 года генерал-майором и бригадным командиром, с Георгиевским крестом 3-й и Владимирским 4-й степени, через два года Барклай де Толли является полным генералом, главнокомандующим армией и генерал-губернатором обширного края, украшенный звездой ордена Св. Владимира и лентами: Анненской и Красного Орла.

При столь быстром возвышении, он далеко опередил не только прежних своих сверстников, генерал-майоров, но и старших его генерал-лейтенантов, как то: князя Д. В. Голицына, Тучкова 1, Дохтурова, Уварова, графа П. А. Толстого, П. К. Эссена, Сакена, графа Остермана-Толстого, князей Горчаковых, графа Каменского 1-го и других.

Считая себя обойденными и как бы обиженными, производством Барклая в генералы от инфантерии, некоторые генералы просились в отставку. Одни из них были уволены, а другие, в том числе Тучков и Дохтуров, удержаны императором Александром. «В военном деле, – писал государь Дохтурову, – не всегда и не всем равно можно избирать случаи к отличию, но когда обстоятельства военные представят кому-либо возможность оказать отличие, то вредно было бы службе останавливать производство по одним уважениям старшинства. Посему принял я правилом никогда не останавливаться на сих уважениях».

Николай Михайлович Каменский

Поступившая под начальство Барклая де Толли Финляндская армия простиралась до 39 тысяч человек и состояла из Улеаборгского, Вазского, Абоского и Ньюландского корпусов, Аландского отряда, Свеаборгского гарнизона и флотилии. Действия вверенных Барклаю войск начались 18 апреля, выступлением графа Шувалова, с Улеаборгским корпусом, из Торнео, по большой береговой дороге, в Вестрботнию.

Через две недели, 3 мая, последовало первое дело войск этого корпуса, при Шелефте, где отряд шведского полковника Фурумарка, состоявший почти из 700 человек, с 22-мя пуш-

ками и 4-мя знаменами, был принужден положить оружие и сдаться в плен. Вследствие этого успеха с нашей стороны, начальствовавший шведскими войсками в Вестрботнии генерал Дёбельн заключил с графом Шуваловым перемирие, по которому наши войска вступили, 20 мая, в Умео, а авангард их прошел еще тридцать верст далее и остановился на южной границе Вестрботнии.

Дёбельн совершенно очистил эту область и стал за рекой Эре, примыкая левым крылом к лесам, простирающимся до Норвегии, а правым к берегу Ботнического залива, имея в этом пункте, для прикрытия своего, флотилию. В это самое время Шувалов заболел, и место его заступил бывший в 1808 году начальником Сердобольского отряда, генерал-майор Алексеев.

Вступив в командование Улеаборгским корпусом, он занял небольшими отрядами лежащие вдоль Ботнического залива местечки, и, хотя перемирие не было утверждено Барклаем де Толли, стоял спокойно до начала июня, не будучи вовсе тревожим неприятелем и свободно получая, сухим путем и морем, продовольствие. В июне вид дел переменился. Собравшийся в Стокгольме Сейм объявил короля Густава IV, со всем потомством, лишенным навсегда прав на Шведский престол и провозгласил королем герцога Зюдермашандского, который с того времени и царствовал, под именем Карла XIII.

Новое правительство еще не утвердилось, когда на Сейме возникли разногласные мнения, обратившиеся в жаркие споры, и в Стокгольме многие начали раскаиваться в измене древнему своему царственному дому. Надежды на Наполеона, в котором шведы полагали найти себе защитника, также не осуществились.

В шатком своем положении, новое правительство Швеции было так слабо, что не имело даже способов вытеснить наши войска из Вестрботнии, однако, желая дать себе некоторый вес в глазах народа, оно предписало главнокомандующему шведской армией графу Вреде принудить Алексеева к отступлению и послало для действий против нашего Улеаборгского корпуса, со стороны моря, четыре фрегата и отряд гребной флотилии.

Барклай де Толли предвидел эти меры и просил об усилении наших морских сил в Ботническом заливе, но требования его удовлетворялись так медленно, что он нашелся вынужденным жаловаться государю на морское ведомство. «Флотилия не прежде может выступить, – доносил он, – как в начале июля, и то только когда заряды и провиант к тому времени привезутся в Вазу.

Улеаборгская флотилия едва ли будет кончена нынешним летом. По сие время не доставлено в Улеаборг ни морской команды, ни такелажа, ни парусов, ни всех других материалов. По вступлении моем в командование армиею, я многократно требовал от морского начальства нужных пособий к поспешному окончанию сих флотилий, от коих зависит безопасность войск в Вестрботнии, но медлительность распоряжений Морского департамента не соответствует ни обстоятельствам, ни моим предположениям».

В самом деле, медлительность со стороны Морского ведомства имела вредные следствия для Улеаборгского корпуса. Шведы начали перехватывать на Кваркене наши перевозные суда, ходившие между Вазой и Умео; тревожили наши кантонир-квартиры и, появясь в тылу Алексеева, совершенно прервали его сообщения с Финляндиею.

«Будучи от Улеаборга в расстоянии 600 верст, – доносил Алексеев императору Александру, 16 июня, – не имея никакой надежды не только получать провиант из Улеаборга, по причине находящегося неприятельского флота, как в Кваркене, так и в северной части Ботнического залива, где вся коммуникация с финским берегом прекращена, но даже уже и опасно курьеров посылать сухим путем, поелику жители начинают чинить неудовольствие нам, увидевши своих.

Посланный курьер через Кваркен был уже перехвачен. Из сего изволите усмотреть, что можно ли мне держаться в неприятельской земле по местному ее положению, не имевши по сих пор ни единого военного судна, с помощью которого, по крайней мере, коммуникация

не была бы прекращена, и тогда мы могли бы надеяться получить провиант, которого у нас более нет, а на контрибуцию уже нельзя надеяться.

Желая, как для пользы Отечества, так и для славы вашего императорского величества, поставить себя на такую ногу, дабы иметь непосредственное влияние на жителей между Умео и Стокгольмом, к крайнему моему сожалению, предвижу ту минуту, когда я принужденным найдусь оставить сей завоеванный край». Военный министр граф Аракчеев от имени императора отвечал Алексею, чтобы он «держался в Умео до последнего человека, и если оставит Умео без повеления главнокомандующего, то отдан будет под суд».

Между тем, от растаявших на Лапландских горах снегов, разлились реки и повредили мост на Умео. Это заставило Алексея придвинуть ближе к себе стоявший по ту сторону реки авангард. Вслед за этим получено было известие, что заступивший место Дёбельна генерал Сандельс намерен атаковать наш авангард. Алексей решил предупредить нападение и возложил это на полковника Казачковского, который и разбил шведов наголову, у Гернефорса, на берегу Ботнического залива, к югу от Умео.

Через неделю после этого дела, 30 июня, Вреде предложил Алексею заключить перемирие. Алексей спрашивал на это разрешения Барклая де Толли, а Барклай, с своей стороны, представил это обстоятельство на высочайшее усмотрение. Император Александр разрешил перемирие с тем, чтобы войска обеих сторон, оставаясь в своих позициях, определили черту между Умео и Вазою, к северу от которой не должны были ходить шведские, а к югу русские суда. Последним, однако же, предоставлялось право свободного плавания и к южной части Ботники, около берегов Финляндии. В случае возобновления военных действий, одна сторона должна была предупредить другую за четыре дня.

В продолжение перемирия, 23 июля, прибыл к Улеаборгскому корпусу генерал-лейтенант граф Каменский 2-й, приобретший уже себе известность хорошего генерала в походах: 1799 г. в Швейцарии, 1807 г. в Пруссии и 1808 г. в Финляндии, где, как выше говорено, он заступил место Раевского.

Первой заботой его было обеспечить берег между Умео и Улеаборгом, простирающийся на пятьсот верст, а между тем в Фридрихсгам съехались уполномоченные для заключения мира: с нашей стороны государственный канцлер граф Румянцев и камергер Алопеус, со стороны шведов барон Стединг и барон Скиельдебрандт, и 4 августа последовало первое их совещание.

Уступка нам Финляндии не встретила препятствий, но вопрос об оставлении за нами Аландских островов повлек за собой затруднения и противоречия со стороны шведов, и потому граф Румянцев писал к Барклаю де Толли о необходимости усилить наши военные действия и угрожать Швеции высадкою. Уже прежде разрешив Каменскому действовать по усмотрению, Барклай предписал генерал-лейтенанту графу Штейнгелю принять главное начальство над нашими сухопутными и морскими силами на Аландских островах и делать ложные приготовления к высадке на шведские берега.

Шведы, с своей стороны, готовились к нападению на Каменского с фронта и тыла, надеясь разбить его и тем склонить наше правительство к большей уступчивости в своих требованиях. Не входя в подробности последовавших военных действий, скажем, что Каменский отразил произведенные на него нападения, но, по недостатку в съестных и военных припасах, увидел себя в необходимости отступить к Питео, где надеялся найти посланный из Улеборга транспорт с хлебом и запасным парком.

Он начал это отступное движение 12 августа и, действительно найдя в Питео ожидаемый транспорт, после трехдневного отдыха войск, выступил опять к Умео. На первом переходе к этому городу приехал к Каменскому Сандельс и от имени своего главнокомандующего сделал новое предложение о перемирии.

Оно было подписано в тот же день и заключало в себе следующие условия: 1) перемирию существовать во все время, пока будут продолжаться переговоры в Фридрихсгаме; 2) русским войскам стать в Питео, имея авангард в Иефре, а шведским расположиться в Умео, поставя авангард в Реклеа; 3) пространство между Иефре и Реклеа почитать нейтральным; 4) шведскому флоту отойти от Кваркена и в продолжение перемирия не действовать ни против Аландских островов, ни против берегов Финляндии; 5) во время перемирия обеим сторонам не умножать численной силы своих войск; 6) невооруженным судам свободно плавать по всему Ботническому заливу; 7) в случае разрушения переговоров в Фридрихсгаме, обеим сторонам предупредить друг друга о возобновлении военных действий за две недели; 8) для скорейшего получения ответа от Барклая де Толли, – без утверждения которого граф Каменский не имел полномочия утвердить перемирие, – перевезти с донесением в Або русского офицера, на шведском переговорном судне.

Граф Каменский был в необходимости подписать все эти условия, по невозможности продолжать долго военные действия, по затруднениям в добывании продовольствия и по значительному превосходству неприятельских сил.

Не имея права утверждать перемирия, Барклай де Толли представил его государю, повелевшему оставить его без ответа, с той целью, «чтобы, продля время, можно было дать разрешение, сходное с обстоятельствами и видами, какие откроются при мирных переговорах в Фридрихсгаме», а между тем к Каменскому было послано повеление: со всей деятельностью готовиться к наступлению.

Для усиления его уже начали составлять резерв в Торнео и, пользуясь свободой плаванья по Кваркену, отправили из финляндских гаваней провиант в Питео, но военные действия уже не возобновлялись: мир, заключенный 9 сентября, в Фридрихсгаме, утвердил за Россией обладание всей Финляндией и Аландскими островами.

Как ни блистательны были действия графа Каменского в Вестроботнии, но они нашли порицателей, особенно в Аракчееве и Румянцеве, полагавших, что отступление к Питео и заключение перемирия поощрит шведов к упорствованию в неуступке Аландских островов и отдалит подписание мира.

Мнение это было, по высочайшей воле, сообщено Барклаю де Толли, но он с благородным жаром вступился за Каменского и писал государю: «Решимостью отступить от превосходного неприятеля граф Каменский вывел войска с большим успехом из затруднительного положения; избегнул быть окруженным непременно, если бы шведы были деятельнее и искуснее; предупредил голод в войсках и недостаток в патронах и снарядах.

Я единственно надеялся на военные достоинства графа Каменского, что корпус его не пострадает в столь стесненном положении. Счастливы войска, имея предводителем столь искусного, деятельного и храброго генерала! Положение войск наших при Питео, когда неприятель обратил все свои силы на север, нимало не переменяет обстоятельств угрожать шведскому правительству деятельной войной в его областях, но корпус выведен с честью

и с знаменитой победой из столь тяжкого положения, оставаясь без продовольствия и военных запасов, имея против себя превосходного неприятеля в силах и средствах, находясь в опасности быть окруженным, и не имея ни малейшей флотилии охранять берега.

По прибытии в Питео, граф Каменский оживил войско; патронов и снарядов теперь у него достаточно; хлеба хотя привезли немного, но по 1 сентября достанет, а между тем придут из Улеборга безопасно новые транспорты с провиантскими запасами; он присоединил к себе несколько канонирских лодок, которые приносить ему будут большую выгоду. По мнению моему, сие отступление превосходнее побед, не имеющих полезных последствий».

Император Александр отвечал Барклаю де Толли: «Признаю в полной мере всю основательность распоряжений графа Каменского, достойных всякой похвалы и открывающих в нем искуснейшего генерала». С этой поры император Александр возымел самое высокое мнение о воинских дарованиях Каменского, и одним из последствий лестных отзывов о нем Барклая де Толли было назначение его, в начале 1810 года, главнокомандующим нашей армии против турок, на место князя Багратиона, получившего другое назначение.

Карл-Филипп фон Вреде

В самый день подписания мирного трактата в Фридрихсгаме, 9 сентября 1809 года, Барклаю де Толли был пожалован орден Св. Александра Невского, при следующем высочайшем рескрипте: «По совершении благополучного для России с Швецией мира, в коем вы в течение всей прошедшей кампании принимали большое участие и труды, благоراضно командуя вверенными вам войсками и новоприобретенным княжеством Финляндским, подают Нам приятный случай к объявлению вам благоволения и милости, в ознаменование коих жалую вас кавалером ордена нашего Святого Александра Невского».

Оставшись, по окончании войны, генерал-губернатором Финляндии и главным начальником расположенных там наших войск, Барклай де Толли правосудием своим, строгой дисциплиной в войсках и попечительностью о благе жителей всех сословий, приобрел себе любовь и уважение всех финнов. Управление его Финляндией и начальствование в ней всеми войсками продолжалось менее года, с апреля 1809 по январь 1810 года.

В это время (20 января), по случаю назначения графа Аракчеева председателем департамента дел военных в Государственном совете, он был назначен, на его место, военным министром, а сам был заменен в Финляндии генерал-лейтенантом Штейнгелем бывшим впоследствии генералом от инфантерии, графом и принадлежащим также к сподвижникам императора Александра, по войне 1812, 1813, 1814 и 1815 годов.

В новой своей, важной и многотрудной, должности Барклай де Толли вполне оправдал доверенность монарха, не только поддержав примерный порядок, существовавший при его преемнике, графе Аракчееве, но и сделав многие важные улучшения по военной части. Избрав в ближайшие сотрудники себе, дежурным генералом, достойного и способного генерал-майора Александра Борисовича Фока, исправлявшего уже такую должность в кампанию 1807 года, при Беннигсене, он был содействуем по управлению квартирмейстерской частью генерал-адъютантом князем Петром Михайловичем Волконским, а по управлению экспедициями существовавшей тогда Государственной военной коллегии, генералами: инспекторской экспедицией – Вердеревским, артиллерийской – бароном П. И. Меллером-Закомельским, инженерной – Опперманом, комиссариатской – Татищевым, провиантской – Лабою.

Президентом генерал-аудиториата был князь Салагов, дежурным генералом по части рекрутской – генерал-майор Ставиский, директором Особенной канцелярии – флигель-адъютант Воейков, а после него А. А. Закревский (впоследствии граф и московский военный генерал-губернатор).

По представлению Барклая де Толли, учреждена была, под его председательством, Комиссия о составлении военных уставов и уложений, разделявшаяся на две части: Конференцию и собственно Комиссию. Членами Конференции были генералы: Опперман, барон П. И. Меллер-Закомельский, князь П. М. Волконский, Гогель, граф Сен-При (в 1814 году смертельно раненный под Краоном) и полковник Перский (впоследствии директор 1-го кадетского корпуса).

Директором Комиссии был статс-секретарь Магницкий. Под их наблюдением и рассматриванием, а частью их собственными трудами, составлено было, высочайше утвержденное 27 января 1812 года «Учреждение для управления Большой действующей армией», в котором до того времени военная наша часть ощущала весьма чувствительный недостаток, не имея по многим предметам своего управления и внутреннего устройства ясных и положительных правил.

Как важно было составление этого «Учреждения» и как заботился о нем сам государь, лучше всего показывают следующие слова доклада, при котором Барклай де Толли представил на высочайшее утверждение плоды двухлетних трудов Конференции и Комиссии: «По высочайшему вашего императорского величества повелению, составлено Комиссией сочинения военных уставов Учреждение для Большой действующей армии.

Понеже от самого первоначального плана оному, до последней отделки каждой его части, составлялось оно, обрабатывалось и исправлялось под непосредственным руководством и по замечаниям вашего величества, то я не буду излагать ни причин, ни цели сего образования, совершенно вашему императорскому величеству известных; но ограничусь только поднесением оного на высочайшее утверждение».

В тот же самый день последовало высочайшее утверждение составленному, под непосредственным руководством Барклая, «Образованию Военного министерства», заменившего собой существовавшую со времен Петра Великого Военную коллегию, и разделенного на семь Департаментов: артиллерийский, инженерный, инспекторский, аудиторiatский, комиссариатский, провиантский и медицинский сверх того, при Министерстве положено было иметь: Военно-ученый комитет, Военно-Топографическое депо, Особенную канцелярию и типографию.

В бытность Барклая де Толли военным министром, упразднены были крепости: Вильманstrandская, Кексгольмская, Шлиссельбургская, Черная, Енотаевская и Азовская, по местному своему положению, при постепенном расширении наших границ на севере и юге, сделавшиеся излишними и стоившими правительству значительных расходов; уменьшены были также обозы во всей армии; сокращено количество пороха, отпускавшегося войскам в мирное время; сделаны улучшения по части фуражного продовольствия войск, а также приема и образования рекрут; увеличено число существовавших тогда Рекрутских депо и сделаны разные другие перемены, послужившие к большему усовершенствованию в нашем отечестве военной части.

До Барклая де Толли армия наша разделялась на дивизии, в состав которых входили: пехота, кавалерия, артиллерия, пионеры и гарнизоны; по представлению Барклая, дивизии были разделены на два рода: пехотные и кавалерийские, получившая, каждая, отдельного начальника, и уже из дивизии, с приобщением артиллерии и пионеров, составились корпуса, из которых каждый заключал в себе пехоту, кавалерию и артиллерию, а к некоторым корпусам были причислены пионерные роты.

Также был изменен самый состав полков, из которых, с 1802 года, гренaдерские имели по одному гренaдерскому и по два фузилерных батальона; мушкетерские – по одному гренaдерскому и по два мушкетерских батальона, егерские – по три батальона из егерских рот; все батальоны были четырехротные. Кирасирские и драгунские полки были пяти-, а гусарские и уланские десятиэскадронные.

По докладу Барклая де Толли, каждый батальон гренaдерского полка составилcя из одной гренaдерской и трех фузилерных рот, батальон мушкетерского полка – из одной гренaдерской и трех мушкетерских рот, батальон егерского полка – из одной гренaдерской и трех егерских рот. Люди гренaдерских рот были разделены на две части: собственно гренaдеров и стрелков.

В полковом и батальонном строю три фузилерные, мушкетерские или егерские роты каждого батальона составили собой шесть средних взводов, на правом фланге которых помещались гренaдеры, на левом стрелки, – порядок, поныне существующий. Почти в одно время с этими переменами мушкетерские полки повелено было называть пехотными. В мирное время все три батальона были сосредоточены вместе, под начальством шефа полка, или полкового командира.

Но при объявлении похода выступали только 1-й и 3-й батальоны, принимавшие тогда название действующих и сохранявшие обыкновенный свой состав, фузилерные, мушкетерские и егерские роты вторых батальонов получали название запасных батальонов своих полков и оставались в месте квартирного расположения своего полка, или, по особому повелению, поступали в разные корпуса; наконец, гренaдерские роты вторых батальонов,

соединенные по три, составляли особые сводные гренадерские батальоны, долженствовавшие служить резервом своих дивизий и корпусов.

Кавалерийские полки удержали свой состав, но с той против прежнего разностью, что в военное время кирасирские и драгунские полки выступали в поход в числе четырех действующих, а гусарские и уланские в числе восьми действующих эскадронов; остальные эскадроны (в кирасирских и драгунских полках по одному, а в гусарских и уланских по два), отделялись от полка, под названием запасных, и, подобно запасным батальонам в пехоте, или оставались в своих квартирах, или распределялись по разным корпусам.

Независимо от поименованных здесь действующих и запасных батальонов и эскадронов, учреждены были еще: в полках пехоты – четвертые, или резервные батальоны; в полках кирасирских и драгунских – шестые, или резервные, а в полках гусарских и уланских – одиннадцатые и двенадцатые, или резервные, эскадроны. Все эти батальоны и эскадроны были составлены из рекрут вышеупомянутых Рекрутских депо. Указываем на эти подробности, чтобы дать близкое понятие о составе наших войск в Отечественную войну 1812 года.

В начале 1811 года, когда делались приготовления к новой войне с Наполеоном, все гарнизонные полки и батальоны, исключая находившихся в Финляндии, на Кавказе, в Оренбургском крае и в Сибири, – были расформированы таким образом, что лучшие люди поступили на формирование тринадцати новых полков пехоты, а остальные, в соединении с существовавшими издавна в каждой губернии военно-полицейскими, так называвшимися штатными губернскими, ротами, составили в губернских городах двуротные.

Внутренние губернские полубатальоны, впоследствии, в течение 1812–1816 годов, постепенно возраставшие до трех- и четырехротного состава, и тогда принимавшие название Внутренних гарнизонных батальонов. В одно время с учреждением этих полубатальонов сформированы были, в каждом уездном городе, инвалидные команды, подчиненные командирам губернских полубатальонов, что, вместе с этими полубатальонами, и образовало у нас Корпус Внутренней Стражи, с некоторыми изменениями поныне существующий.

При Барклае де Толли сформированы были также, при разных домах, учреждениях и госпиталях, подвижные инвалидные роты, и еще усилена армия, прибавлением одного гвардейского (нынешний лейб-гвардейский Московский) полка, двух полков кирасирских и целой пехотной дивизии, с артиллериею, сформированной в Москве, перед самой войной 1812 года, и именованной 27-ю. Это была знаменитая потом дивизия Неверовского.

Таковы, вкратце изложенные, главнейшие памятники управления Барклая де Толли Военным министерством, доставившие ему орден Св. Владимира 1-й степени; но главнейшая заслуга его перед историею, перед современниками и перед потомством, есть неоцененное еще участие в Отечественной войне 1812 года.

Изложение причин, произведших последнюю войну императора Александра с Наполеоном, принадлежит собственно к истории этой войны. Ограничимся, сказав, что в феврале 1812 года, после укомплектования полков рекрутским набором по восьми человек с тысячи, вся наша регулярная военно-сухопутная сила, включая гарнизоны, инвалидов и рекрутские депо, простиралась до 600 тысяч человек.

Почти половина их была расположена у западной границы, от Остзейских губерний до Волыни и Подолии, а для обеспечения этих войск главные депо с продовольствием были учреждены в Новгороде, Соснице и Трубчевске; главные магазины в Риге, Динабурге, Бобруйске, Киеве, Вильне, Заславе и Луцке, меньшие магазины – в Дриссе, Великих Луках, Шавле, Вилькомире, Свенцянах, Гродне, Брест-Литовске, Слониме, Слуцке, Пинске, Мозыре, Старом Константинове, Житомире, Остроге, Дубне и Ковне.

Артиллерийские парки первой линии были помещены в Вильне, Динабурге, Несвиже, Бобруйске, Полонном и Киеве; парки второй линии – в Пскове, Порхове, на Шостенском

пороховом заводе, в Брянске и Смоленске; парки третьей линии – в Москве, Новгороде и Калуге.

Вооружения Франции и ее союзников явно показывали враждебные против нас намерения Наполеона, но со всем тем император Александр, принимая меры к встрече неприятеля, воздерживался от всякого действия, которое бы могло навлечь на него упреки в вызове императора французов к войне.

Только по вступлении Наполеоновых войск в Пруссию и движении их к Висле решился император Александр действовать явно, и тогда же, в феврале 1812 года, дано было повеление усилить наши войска на западной границе выступлением из Петербурга Гвардии и отделением двух пехотных дивизий от действовавшей в Молдавии нашей Дунайской армии. Сверх того повелено было произвести новый набор рекрут, по два человека с пятисот душ.

Вслед за этими распоряжениями, 19 марта, последовало высочайшее повеление о составлении из всех войск собранных в западных губерниях, двух армий; одна из них, получившая название 1-й Западной, была вверена Барклаю де Толли, а другая, названная 2-й Западной, поручена князю Багратиону.

Кроме этих двух действующих армий, назначено было сформировать еще три армии, из резервных войск: 1-ю и 2-ю резервные и 3-ю резервную обсервационную, подчиненную генералу от кавалерии Тормасову; но впоследствии существование 1-й и 2-й резервных армий было отменено, и вместо них составились два резервные корпуса, порученные генерал-лейтенантам: барону Меллеру-Закомельскому и Эртелю, но и в этом, по обстоятельствам, потребовались изменения, так что окончательно, в исходе мая, осталось только три армии: 1-я Западная, Барклая де Толли, с главной квартирой в Вильне; 2-я Западная, князя Багратиона, с главной квартирой в Волковиске, и 3-я резервная обсервационная, Тормасова, с главной квартирой в Луцке.

Разные отряды войск, большей частью составленные из резервных батальонов и эскадронов, занимали Ригу, Динаминд, Митаву, Динабург, Борисов, Бобруйск и Киев, и два отряда были расположены при Мозыре и Ольвиополе. Мир, заключенный в мае месяце с Турцией, дозволил императору Александру располагать еще одной армией: Дунайской, состоявшей под начальством адмирала Чичагова.

Армию Барклая де Толли составляли корпуса: 1-й пехотный, генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, в Россиенах и Кенданах, с авангардом в Юрбурге; 2-й пехотный, генерал-лейтенанта Багговута, у села Оржишки, между реками Свентой и Вилией, с авангардом в Янове; 3-й пехотный, генерал-лейтенанта Тучкова 1, при Новых Троках, с авангардом в Высоком Дворе; 4-й пехотный, генерал-адъютанта графа Шувалова, при Олькениках, с авангардом в Оранах; 5-й, или гвардейский, цесаревича Константина Павловича, при Свенцянах; 6-й пехотный, генерала от инфантерии Дохтурова, в Лиде; 1-й резервный кавалерийский, генерал-адъютанта Уварова, при Вилькомире; 2-й резервный кавалерийский, генерал-адъютанта барона Корфа, при Сморгонах; 3-й резервный кавалерийский, генерал-майора графа Палена, в Лебёде.

Войсковой атаман, генерал от кавалерии Платов, с 7-ю тысячами казаков, находился в Гродне. Корпус графа Витгенштейна составлял правое, и корпус Дохтурова левое крыло 1-й армии. Дивизиями начальствовали генералы: у Витгенштейна – Берг и Сазонов, у Багговута – принц Евгений Вюртембергский и Олсуфьев, у Тучкова 1-го – Коновницын и граф Строганов, у Шувалова – два брата Бахметевы, у цесаревича – Ермолов и Депрерадович, у Дохтурова – Капцевич и Лихачев. Во всей армии считалось 150 батальонов, 131 эскадрон, 48 рот артиллерии, с 558 орудиями, 2 роты понтонные, 3 пионерные и 14 иррегулярных полков, – всего 127 тысяч человек.

Дж. Доу. Граф Петр Христианович Витгенштейн

С назначением Барклая де Толли главнокомандующим 1-й армией, он удержал звание военного министра, а управление в его отсутствие министерством было возложено на генерал-лейтенанта князя Алексея Ивановича Горчакова 1-го.

Барклай де Толли прибыл в Вильну 31 марта и тогда же принял начальство над вверенной ему армией, а через два дня последовало назначение лиц Главного ее штаба. Начальником этого штаба был назначен генерал-лейтенант Лавров, генерал-квартирмейстером – генерал-майор Мухин, исправляющим должность дежурного генерала – флигель-адъ-

ютант полковник Кикин (впоследствии статс-секретарь у принятия прошений), начальником Артиллерии – генерал-майор граф Кутайсов, начальником Инженеров – генерал-майор Трузсон, генерал-интендантом – действительный статский советник Канкрин (впоследствии министр финансов).

2 апреля отдан был Барклаем по войскам 1-й армии следующий приказ: «Его величеству всемилостивейшему государю нашему угодно препоручить мне главное начальство над вами, храбрые и бесподобные воины, и вместе с тем возложить на меня обязанность быть вашим попечителем и вождем на пути чести и славы, – обязанность трудная, но лестная. Вы меня найдете всегда готовым доставить вам по возможности изобилие и разделить с вами усердно все труды и опасности. Пути чести и славы вам известны, и вы верно на нем достигнете высшую степень оной.

Всему свету известна непоколебимая ваша преданность к Отечеству и государю и отличная ваша храбрость; соедините к сим достоинствам еще дух порядка и слепое повиновение к своим начальникам, и тогда ничто в свете противу вас устоять не может. Мне всегда приятно будет отдавать достоинствам и заслугам, от генерала до самого нижнего чина, должную справедливость и награду.

С другой же стороны, с непоколебимой твердостью употребляю всю данную мне власть к поддержанию устройства и порядка. Они поведут нас непременно к победам; а без них подвергаемся неудаче и недостатку всякого рода. Сбережение края, в котором находимся будем, доставит нам изобилие, а разорение оного повлечет за собой голод. Воины! Государь наш всемилосердный, ваш отец, полагает всю надежду свою на вас, а любезнейшее Отечество наше возлагает защиту свою на вас.

Окажите себя достойными сей доверенности и приобретите себе вечную и потомственную благодарность своих сограждан». Одной из самых первых забот Барклая, по прибытии в армию, было всевозможное уменьшение обозов. В половине апреля приехал в Вильну из Петербурга император Александр. С его прибытием начались смотры войскам, продолжавшиеся около двух недель и вполне удовлетворившие государя.

«Армия в самом лучшем духе, – писал император в Петербург, к фельдмаршалу князю Салтыкову. – Артиллерия, которую я успел осмотреть, в наипрекраснейшем состоянии». Более всех доволен был государь 3-ю пехотной дивизией, Коновницына, которую и поставил в пример всей армии.

С первого взгляда на карту наших западных границ, видно, что предназначавшиеся против неприятеля войска наших трех армий были растянуты на весьма большом пространстве. Причиной этого было размещение войск Наполеона, стоявших от Кенигсберга до Люблина, так, что нельзя было предугадать, в каком месте последует их вторжение в наши пределы.

Поэтому не было возможности сосредоточить наши армии около одной какой-либо точки; однако, по предположению, впоследствии оправдавшемся, что Наполеон устремится на Вильну, – в случае вторжения его назначено было корпусам 1-й армии сосредоточиться у Свенцяна, почти равно отстоящих от россиян и Кепдан, где был корпус правого крыла, Витгенштейна, и от Лиды, занятых корпусом левого крыла, Дохтурова.

В этом расположении 1-я армия, занимая центром Свенцяны и упираясь флангами в Солок и Кобыльники, должна была выжидать, что укажут ей обстоятельства; на случай же отступления ее, устроен был, по предложению и проекту перешедшего в нашу службу из прусской генерала Фуля, на левом берегу Двины, при городе Дриссе, укрепленный лагерь, где могли бы сосредоточиться корпуса армии и принять сражение.

Одновременно с движением Барклайевой армии, Платову, с казаками, предназначалось действовать из Гродно во фланг и тыл неприятельских корпусов, когда они станут переправляться через Неман; армии князя Багратиона надлежало подкреплять Платова, а армии Тор-

масова, по отделении от себя корпуса генерал-лейтенанта Сакена к Старому Константинову, для наблюдения над Галициею, – наблюдать движения неприятелей, с тем что, если они обратятся на него в превосходных силах, он отступил бы к Киеву.

В случае незначительности неприятельских сил в той стороне, Тормасову предписывалось идти к Пинску и, усилив себя войсками, стоявшими у Мозыря, под начальством Эртеля, действовать в правый фланг неприятельских войск, обращенных против Багратиона. В этих распоряжениях заключались главные черты нашего операционного плана. «Каждая из армий, – читаем в «Описании Отечественной войны 1812 года», генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского, – найдя против себя неприятеля в превосходных силах, должна была, в отдаленности от оснований своих, искать способов, избегать сражений, отступая мало-помалу.

Между тем другая армия, против которой не нашлось бы сильного неприятеля, должна была решительно подвигаться вперед, принуждать к отступлению все сопротивляющиеся ей силы и действовать отрядами во фланг и тыл сильнейшего неприятеля. Армиям велено было, во всех возможных случаях, взаимно оказывать одна другой вспомоществование.

Государь приказал корпусным командирам быть в непрерывной связи с войсками, стоявшими от каждого из них вправо и влево; беспрестанно посылать вдоль границ разъезды и обо всем, что случится в местах расположения их, доносить в Главную квартиру и извещать ближайших генералов. Он запретил главнокомандующим и корпусным командирам подавать повод к неприязненным действиям, задирать неприятеля, переходить на левый берег Немана; но велел с оружием в руках встретить войска Наполеона, коль скоро сделают они явственное нападение.

При переправе их через Неман приказано было препятствовать их намерению; слабого неприятеля бить и уничтожать, а от сильнейшего отступать по заблаговременно данному направлению и, отходя назад, на каждом шагу ставить препятствия: портить дороги, истреблять гати и мосты, делать засеки. При отступлении приказано уводить с собой всех земских чиновников, могших дать хотя малое понятие неприятелю о состоянии края, или способствовать ему к добыванию продовольствия и взиманию налогов.

Назначено было также увозить из архивов описи, инвентарии и всякого рода статистические сведения. Казенные деньги и имущество с пограничных таможен и почтовых контор были отправлены в Вильну, Киев и Житомир; ненужные артиллерийские и комиссариатские вещи препровождены из Вильны в Смоленск; полковые тяжести заблаговременно отосланы назад. Губерниям Курляндской, Виленской, Минской, Гродненской, Киевской, Волынской, Подольской и областям Белостокской и Тарнопольской повелено состоять под непосредственным ведомством главнокомандующих армиями.

Первые четыре из помянутых губерний и Белостокская область составили военный округ 1-й армии, а последние три, с областью Тарнопольскою, образовали военный округ 2-й армии. Везде, где предполагались военные действия, учреждены были обильные магазины. Линии запасов шли от Немана, с одной стороны к Двине и Великим Лукам, с другой – к Волынской и Минской губерниям.

В течение апреля и мая, с величайшей деятельностью продолжали укреплять Киев и, особенно, Ригу. Укрепляли также Борисов, с целью прикрыть Смоленскую дорогу и служить сообщением между Бобруйском и Динабургом, заложенными в 1810 году. Строили укрепленные лагеря близ Киева и на левом берегу Двины, у Дриссы. Для обеспечения соединения 1-й и 2-й армий, укрепляли местечко Мосты на Немане, над тет-де-поном при Сельцах.

О дальнейшем отступлении во внутренность империи не было и помышления. Оно совсем не входило в соображение при начале войны. «Надеюсь, что Бог помилует нас от отступления», – писал к князю Багратиону Барклай де Толли. – Перенесение театра войны в

сердце России произошло не от намерения принятого, но было следствием обстоятельств, которых никакая человеческая прозорливость предвидеть не могла».

Изложив сущность плана наших военных действий, укажем и на план Наполеона. Он состоял в разобщении наших армий и в проложении себе чрез то прямого пути в недра России. Для исполнения этого, сам Наполеон, с гвардией и корпусами Даву, Удино, Нея, Нансوتي и Монбрена (258 тысяч человек), намерен был устремиться от Ковно на Вильну и, внезапным нападением на центр нашей 1-й армии, разбить ее, прежде нежели она успеет соединиться со 2-й.

Брат Наполеона, вестфальский король Иероним, с корпусами: князя Понятовского, Ренье, Вандамма и Латур-Мобура (82 тысячи человек), должен был от Гродно произвести такое же движение против 2-й армии, вице-королю Италийскому Евгению, с корпусами его, Сен-Сира и Груши (79 тысяч человек), предназначалось идти чрез Новые Троки и Рудники, между 1-ю и 2-ю армиями, пресечь между ними сообщения, не дать им соединиться и потом примкнуть к Наполеону, когда он атакует Барклая под Вильною.

Корпусу маршала Макдональда (31 тысяча человек) предписывалось переправиться через Неман левее Наполеона, у Тильзита, и действовать против правого крыла нашей 1-й Западной армии, то есть против корпуса графа Витгенштейна, а также против Митавы, Риги и Динабурга. Наконец, корпусу австрийского генерала князя Шварценберга (30 тысяч человек) надлежало, по переходе через Буг у Дрогичина, направиться на Слоним, и оттуда, смотря по обстоятельствам: или обратиться против Багратиона, или заслонить от Тормасова путь главных действий Наполеона.

Во всех этих корпусах, назначавшихся для первоначального вторжения в Россию, считалось 480 тысяч человек, не включая нестроевых чинов маршевых батальонов, следовавших из Франции и других подвластных Наполеону государств, а также двух корпусов, Виктора и Ожеро, из которых первый подходил к Висле, а последний занимал Пруссию.

Число 480000 принято нами, согласно показанию Бутурлина; Данилевский говорит о 477000, и это же число мы находим у Шамбре, до сих пор вернейшего и беспристрастнейшего из иностранцев, писавших о войне 1812 года. Сила наших трех армий простиралась до 217, а с разными отдельными, корпусами и отрядами – до 252 тысяч человек.

Сосредоточив у Ковно до 250 тысяч человек, Наполеон считал эту силу слишком достаточною, чтобы разбить порознь разобщенные корпуса нашей 1-й армии, и потому решился, не выждав прибытия короля Вестфальского и вице-короля Италийского, приступить к переправе через Неман. Она совершилась 12 июня, а в следующий день французский авангард занял Ковно. Лейб-казаки были первые обменявшиеся выстрелами с неприятелем.

Известие о приготовлениях Наполеона к переходу через Неман было привезено к императору Александру, в Вильну, поутру 12 июня. Тотчас, согласно первоначальному вышеупоминаемому плану, послано было Платову повеление атаковать французов с фланга, когда они начнут переправляться; Багратиону предписано поддерживать Платова, а литовскому военному губернатору Римскому-Корсакову повелено отправить из Вильны внутрь империи все казенные бумаги и деньги.

Вечером того дня государь находился на бале, данном его генерал-адъютантами, под Вильною, в загородном доме генерала Беннигсена, находившегося тогда также в главной квартире 1-й армии, но не имевшего никакого особого назначения. Во время бала прибыл курьер с секретным известием, что переправа французов началась. Государь велел хранить об этом глубокое молчание и, пробыв на бале еще около часа, пошел с Барклаем де Толли в свой кабинет.

Возвратясь от императора, Барклай немедленно разослал ко всем своим корпусным командирам следующее циркулярное предписание: «Неприятель переправился близ Ковно,

и армия сосредоточивается за Вильною; почему предписывается вам начать тотчас отступление по данным вам повелениям».

Платову и Багратиону было подтверждено о немедленном начатии наступательных действий, а государственному секретарю Шишкову поручено государем написать приказ по армиям и рескрипт фельдмаршалу князю Салтыкову, возвещавший о вторжении неприятеля и о начале войны. «Сосредоточив все силы свои под Вильною, – писал император особо Салтыкову, – будем готовы отразить его с помощью Всевышнего».

Решаясь встретить неприятеля вооруженной рукой и, в то же время, желая употребить последние средства к отвращению войны, император Александр отправил к Наполеону министра полиции Балашова, с письмом и для личных переговоров, а сам, поутру 14 июня, оставив Барклая в Вильне, поехал в Свенцяны, распоряжаться сосредоточиванием корпусов 1-й армии, начавших свое отступательное движение вечером 13 июня.

Корпуса Тучкова и Шувалова, следовавшие от Новых Троков и Рудников, заняли позицию перед Вильною, примыкая правым крылом к реке Вилии, а левым к Двору Подвысокому; правее их корпус Багговута занял местечко Ширвинты; правее Багговута шел, через Вилькомир на Солок, граф Витгенштейн, а левее Тучкова и Шувалова, из Лид к Ольшанам, направлялся корпус Дохтурова. Гвардия оставалась в Свенцянах.

Во время этого движения корпусов, каждый генерал посылал разъезды, как можно ближе к неприятелю и к соседним корпусам, стараясь находиться с ними в непрерывной связи. Все корпусные командиры имели приказание, при отправлении рапортов своих к главнокомандующему, посылать такого же содержания донесения к государю, который в необходимых случаях давал прямо от себя повеления генералам, всегда извещая о том Барклая де Толли, с которым находился в непрерывной переписке, иногда по два и по три раза в день, входя во все подробности движения войск, обозов и госпиталей. Барклай, с своей стороны, сообщал государю копии с своих предписаний.

По беспрепятственной переправе через Неман, Наполеон провел одну ночь, на 14 июня, в Ковно, и оттуда продолжал движение далее, к Вильне. Надеясь быстрым занятием этого города разрезать армию Барклая де Толли надвое, он послал вперед, по большой дороге к Вильне, Мюрата, с кавалерийскими корпусами Нансути и Монбрена, а за ними двинул корпус Даву и гвардию, при которой находился сам.

Неизвестный художник Переправа наполеоновской армии ч

Левее, в направлении к Вилькомиру, пошел Удино, а вправо от Удино был послан Ней, с приказанием, сообразно обстоятельствам, идти на Вильну или служить подкреплением для Удино. Второй ночлег Наполеона был в Жижмомах, откуда, 15 июня, он продолжал, усиленными маршами, движение на Вильну, изредка встречая на пути войска нашей легкой конницы и казаков. Они не вступали в дело с неприятелем, а только отходили, в виду его, назад.

Не видя еще неприятеля в больших силах под Вильною, Барклай де Толли приостановил дальнейшее отступление корпусов Багговута, Тучкова и Шувалова, и доносил государю: «Не хочу отступать, покуда достоверно не узнаю о силах и намерениях Наполеона. Не видя пред собой превосходного неприятеля, не почитаю нужным отходить назад». В ответ на это

император отвечал опасением, чтобы французы не обошли Барклая в Вильне, перейдя реку Вилию между ним и Багговутом.

На следующий день, 15 июня, когда перед нашими авангардами, стоявшими в Троках и Рыконтах, показались отряды неприятельской кавалерии и получено было донесение, что сзади идут густые колонны, с самим Наполеоном, Барклай, предупреждая его намерение действовать всеми силами на наш центр, велел Тучкову и Шувалову, стоявшим перед Вильною, отступить на один марш, за Вильну, по дороге к Свенцянам.

Войска эти пошли тремя колоннами, разрушив за собой мосты и имев довольно сильные перестрелки с наступавшим на них неприятелем. В тот же день Наполеон занял Вильну и тем прервал прямое сообщение 1-й нашей армии со 2-й. Успев в этом, он принял план отдалить обе армии, как можно более одну от другой, и в то же время воспрепятствовать соединению корпусов 1-й армии.

Вследствие этого, он дал своим корпусам новое, разобщенное, направление: Мюрат, с двумя пехотными дивизиями из корпуса Даву, имея в резерве корпус Нея, пошел из Вильны, за корпусами Багговута, Тучкова и Шувалова, к Свенцянам; Удино продолжал движение к Вилькомиру, для отрезания пути графу Витгенштейну, отступавшему, через этот город, от Кепдан к Солоку; Нансути, с кавалерийским своим корпусом и одной пехотной дивизией, пошел наперерез Дохтурову, следовавшему из Лид на Козяны; Даву, с сильным сводным корпусом, был направлен из Вильны, через Ошмяны и Воложин, к Минску, не допустить князя Багратиона до соединения с 1-й армией и в то же время удержать Дохтурова в Лиде; вестфальский король, с пехотными корпусами Понятовского и Вандамма и кавалерийским Латур-Мобура, должен был переправиться через Неман у Гродно и, условившись с Даву, действовать также против Багратиона; для этой же цели велено было Шварценбергу идти из Дрогичина в Слоним, а прежнее его назначение – наблюдать за Тормасовым – было возложено на генерала Ренье, вступившего в русские пределы чрез Белосток.

Далее, вице-король талийский, переправившись через Неман в Пренах, между Ковно и Гродно, получил повеление Наполеона стать в центральном положении при Рудниках, на Виленской дороге, чтобы оттуда, смотря по ходу дел, обратиться влево, против 1-й, или вправо, против 2-й армии.

На оконечности левого крыла Наполеона Макдональд вступал в северо-восточную часть Виленской губернии, на Кепданы и Россиены, после чего ему следовало идти на Пони-веж и Шавли, с целью, как мы уже говорили, угрожать правому крылу нашей армии и Риге. Сам Наполеон остался, с гвардиею, в Вильне. Таким образом, сообразно направлениям, принятым неприятельскими войсками, действия 1-й нашей армии совершенно отделились от действий 2-й.

В то время как Наполеон направлял движения своих корпусов из Вильны, наши корпуса Багговута, Тучкова и Шувалова счастливо совершили предписанное им отступление к Свенцянам, где находился тогда император Александр и куда прибыл также Барклай де Толли.

Граф Витгенштейн успел предупредить Удино в Вилькомире и, после довольно жаркого арьергардного дела, прошел в Солок; Дохтуров также избежал встречи с Даву и Нансути, прошел в Козяны и вступил в связь с войсками, расположенными у Свенцяна. Таким образом, одно из главнейших намерений Наполеона – не допустить до взаимного соединения корпуса Барклаевой армии – не имело успеха.

Превосходство сил Наполеона, занявшего с громадой войск центральное положение между 1-й и 2-й нашими армиями; неизвестность его истинного направления и опасение, при дальнейшем пребывании у Свенцяна, быть обойденным, – побудили Барклая де Толли предложить императору Александру изменения против первоначального операционного плана.

Вместо того чтобы 1-й армии удерживать неприятеля, а 2-й и Платову действовать в его фланг и тыл, решено было употребить все усилия к соединению обеих армий.

С этой целью князю Багратиону и Платову посланы были из Свенцяп повеления идти, через Вилейку, на соединение с Барклаем, долженствовавшим, между тем, не допускать французов до предупреждения его на Двине. Для выполнения этого, 1-я армия была обращена из Свенцяп не влево, на Минскую дорогу, для соединения со 2-й армией, а пошла, в упомянутый выше, укрепленный лагерь под Дриссою. Движение ее началось 20 июня; корпуса: Багговута, Тучкова, Шувалова и кавалерийские Уварова и Корфа направились на Водзы; левее их шел Витгенштейн, из Солока, а правее Дохтуров, из Козян.

Только авангард графа Шувалова, под начальством известного своими военными заслугами Дорохова, находившийся в Оранах и не извещенный, по ошибке в корпусном штабе, об общем отступлении войск 1-й армии, едва не был отрезан. После самых усиленных и трудных переходов, он успел присоединиться к Платову, около Воложина.

В числе мер, предпринятых с нашей стороны для удержания успехов Наполеонова вторжения, были печатные воззвания, из главной квартиры 1-й армии, подкидывавшиеся на передовые посты неприятельских войск и имевшие целью поколебать их в доверии и преданности к своему предводителю, но эта мера не имела никакого успеха.

Из неприятелей ближе всех был к 1-й армии Мюрат, выступивший из Вильны. Сначала он довольно сильно напирал на наши корпуса, отступавшие к Свенцяпам, и 23 июня имел с ними довольно жаркое дело на берегах Двины. Оно окончилось тем, что наши, отразив все атаки французской конницы, переправились через реку и зажгли за собой мосты. После этого, довольствуясь добровольным отступлением 1-й армии, по направлению, более и более отделявшему ее от Багратиона, Наполеон велел Мюрату не слишком сильно напирать на наши войска, и они, 27 июня, беспрепятственно прибыли в Дриссинский лагерь.

Корпус Тучкова 1-го занял место в центре, Багговута – на правом, а графа Остермана-Толстого, заступившего место заболевшего графа Шувалова, – на левом крыле. За ними поместились резервные кавалерийские корпуса, а позади их стала гвардия. В таком расположении все эти войска находились на левом берегу Двины, имея реку в тылу. Остальные два корпуса 1-й армии были расставлены на правом берегу, вне лагеря: корпус Витгенштейна – на правом крыле, против местечка Леонполя, а корпус Дохтурова – на левом берегу, у города Дриссы.

В случае сильного наступления французов на графа Витгенштейна, ему велено было также перейти на левую сторону Двины, по мосту при Друе, и потом сжечь его. Здесь заметим, мимоходом, что с 21 июня, вместо заболевшего генерал-лейтенанта Лаврова, начальником главного штаба 1-й армии был генерал-лейтенант маркиз Паулуччи, находившийся в 1808 году с Барклаем в Куопио.

Портрет Мюрата.
Ок. 1808 г.

Войска наши вступили в укрепленный лагерь при Дриссе в день Полтавской победы. В этом лагере предполагалось дать сражение Наполеону, и по этому случаю состоялся следующий высочайший приказ: «Русские воины! наконец вы достигли той цели, к которой стремились. Когда неприятель дерзнул вступить в пределы нашей империи, вы были на границе, для наблюдения оной. До совершенного соединения армии нашей, временным и нужным отступлением удерживаемо было кипящее ваше мужество остановить дерзкий шаг неприятеля.

Ныне все корпуса Первой нашей армии соединились на месте предназначенном. Теперь предстоит новый случай оказать известную вашу храбрость и приобрести награду за понесенные труды. Нынешний день, ознаменованный Полтавской победою, да послужит

вам примером! память победоносных предков ваших да возбудит вас к славнейшим подвигам! Они мощной рукой разили врагов своих; вы, следуя по стезям их, стремитесь к уничтожению неприятельских покушений на Веру, честь, Отечество и семейства ваши. Правду нашу видит Бог и ниспошлет на вас Свое благословение».

Мы уже упоминали, что устройство при Дриссе укрепленного лагеря последовало по проекту и под руководством генерала Фуля. Лагерь этот находился в выгибе, или колене, образуемом Двиною, на левом ее берегу, по северную сторону Дриссы, и был прикрыт спереди, на пространстве с лишком четырех верст, редутами: десятью в первой, шестью во второй и одним в третьей линии. Каждый редут был прикрыт спереди, в 80-ти саженях, ложементом, длиной в 100 сажен.

Перед левым крылом лагеря находился лес, но часть его вырубili, чтобы не дозволить неприятелю воспользоваться им, и из срубленных деревьев сделали, позади леса, засеку, в две с половиной версты длиной. Третий и четвертый редуты, начиная от левого фланга, были соединены между собой люнетом, длиной в 160 сажен. Между редутами первой и второй линий было расстояние от 200 до 300 сажен, между редутами второй и редутот третьей – 400 сажен.

Все они были обнесены палисадами, а редуты второй линии, еще и волчьими ямами. Сообщение лагеря с правым, в тылу его находившимся, берегом Двины обеспечивалось четырьмя мостами, прикрытыми укреплениями. «В начале пребывания наших войск в Дриссе, – приводим опять слова из сочинения Михайловского-Данилевского, – неприятель вовсе не тревожил их и даже не подходил близко к укрепленному лагерю.

Главный арьергард наш был спокойно расположен в одном марше от Двины, в виду Мюрата, стоявшего с корпусами Удино, Нея, Монбрена, Нансути и тремя дивизиями Даву, в Замоше, наблюдая разъездами пространство между Друей и Дисною. Он имел повеление не завязывать дела и отступить, если последует на него нападение.

На передовых цепях все было смирно; в лагере войска получали изобильное продовольствие, ежедневно винную и мясную порции, а лошади – овес. Вечером зори отходили парадно, с музыкою. Солдаты выстроили себе хорошие балаганы. Дни были ясные, ночи прохладные. Наполеон в Вильне готовился к дальнейшему походу; Александр в Дриссе занимался средствами к обороне государства.

При отступлении из Вильны были уверены найти под Дриссой лагерь надежный, крепкий, но, вступив в него, увидели противное. Редуты по расположению своему недостаточно способствовали взаимной защите. На левом крыле препятствовал огню артиллерии лес, за коим неприятель мог скрывать свои маневры; пространство между редутами и Двиной было не довольно обширно и во время действия могло затруднить передвижения войск.

Мостовые укрепления были слишком тесны, профили их и вообще всех укреплений слабы; спуски к четырем мостам, устроенным на Двине, так круты, что орудия и повозки надлежало спускать на руках. Один из лучших инженерных офицеров тогдашнего времени, полковник Мишо, приехал в лагерь накануне прибытия государя и, осмотрев укрепления, решил поднести свое о них мнение его величеству.

Он просил генерал-адъютанта князя Волконского об исходатайствовании позволения представиться императору, желая довести до высочайшего сведения сделанные им замечания. Выслушав его, государь поехал обозреть лагерь и, удостоверясь лично в недостатках его, велел позвать принца Ольденбургского, графа Аракчеева, Барклая де Толли, князя Волконского и флигель-адъютанта Вольцогена, разделявшего военные мнения генерала Фуля.

В присутствии этих лиц, государь приказал полковнику Мишо повторить сделанные им замечания. Никто ему не противоречил. Убедившись в основательности доводов его, решили оставить лагерь, когда приблизится неприятель, и потом, смотря по его движениям,

взять какое-нибудь другое направление для противодействия Наполеону и сближения с князем Багратионом».

Не говоря уже о вышеприведенных неудобствах и недостатках устроенного Фулем лагеря, он не мог соответствовать своей цели и вообще быть полезен нашей армии, потому, что хотя и был бы весьма хорошим стратегическим пунктом в случае намерения Наполеона идти в Лифляндию или на Псков, но как главные его силы были направлены к правому нашему флангу, то и нельзя было оставаться при Дриссе, не подвергшись опасности быть обойденному с левого фланга и оттесненному в Лифляндию и к берегу Финского залива, потеряв при том совершенно все сообщения с внутренними губерниями России.

Не знаем, с какой точки смотрел Барклай де Толли на цель построения Дриссянского лагеря, но, чтобы убедиться в ее ошибочности, достаточно только взглянуть на карту тогдашнего расположения и движений обеих армий: императора Александра и Наполеона. В случае неудачного сражения и необходимости отступать, под неприятельскими выстрелами, имея в тылу реку, войска наши подвергались большому неудобству и потерям, как они уже испытывали, в подобном расположении, за семь лет перед тем, под Фридрихсборгом.

По тесной связи движений и действий 2-й армии, с движениями и действиями 1-й, считаем необходимым изложить и их, хотя в самом кратком очерке.

Получив, вечером 13 июня, известие от Барклая де Толли о переходе главных сил Наполеоновой армии через Неман, князь Багратион тотчас вступил в сношение с Платовым и советовал ему, чтобы не быть отрезанным от 1-й армии, идти из Гродно, правым берегом Немана, на Лиду и Минск, сам же не тронулся из Волковиска, а только, сосредоточив там свою армию, испрашивал разрешения государя: следовать ли на Минск, или взять противоположное направление и вместе с Платовым пойти через Белосток и Остроленку на Варшаву, для действия в тылу Наполеона и для соединения потом с Тормасовым.

Этим полагал Багратион отвлечь Наполеона от 1-й армии и от дальнейшего вторжения в наши пределы, но на следующий день ему привезено было от Барклая де Толли известие об отступлении его из Вильны к Свенцянам и, вместе с тем, предложение всеми силами не позволять неприятелю отрезать 2-й армии дорогу на Минск и Борисов. Платову было предписано действовать французам в тыл и во фланг, через Лиды и Сморгоны, к Свенцянам.

Вследствие этих распоряжений, Багратион выступил, 17 июня, из Волковиска на Слоним, Новогрудок и Минск, но, не доходя последнего из этих городов, из опасения быть отрезанным направленным из Вильны корпусом Даву, он своротил на Несвиж, откуда полагал следовать на соединение с 1-ю армиею, через Слуцк, Бобруйск и Могилев.

Император Александр, писавший Багратиону из Свенцяны: «Соединение ваше с нами составляет всю мою заботу», был сильно встревожен известием о новом направлении 2-й армии, еще более отдалявшем ее от соединения с 1-ю и дававшим Даву возможность пробраться между Двиной и Днепром, к Смоленску.

Государь настоятельно требовал, чтобы Багратион обратился к прежнему своему направлению, на Минск, но исполнение этого было уже невозможно, и, в то время как 1-я армия стояла в лагере у Дриссы, 2-я была на марше из Несвижа в Бобруйск. Платов прикрывал ее движение и, встретившись 27 июня с авангардом короля Вестфальского, у местечка Мир, между Новогрудком и Несвижем, разбил его наголову.

*Джон Кларк. Переход наполеоновской армии
через Неман в Россию. 1812 год*

Еще накануне прибытия 1-й армии к Дриссе, Балашов привез известие о несогласии Наполеона на сделанное ему предложение перейти обратно за Неман и там начать переговоры. Последний луч надежды на мир исчез. Император Александр велел изготовить Манифест о воззвании всех своих подданных к обороне Отечества, и последствием этого было составление ополчений, участвовавших в Отечественной войне 1812, а частью и в заграничной 1813 и 1814 годов.

В то время как армия Барклая де Толли была сосредоточена у Дриссы, расположение неприятельских войск было следующее: Мюрат, с пехотными корпусами Удино и Нея, кавалерийскими Монбрена и Нансути, и тремя дивизиями прежнего корпуса Даву, – стоял против Дриссы, между этим городом и Свенцянами, у Замоши; Даву, со своим сводным пехотным и с кавалерийским корпусом Груши, – в Минске, против Багратиона; король Вестфальский, с пехотными корпусами Понятовского и Вандамма и кавалерийским Латур-Мобура – позади Даву, у Мира; Шварценберг – на марше из Слонома в Несвиж; Ренье – в Слониме, против Тормасова; Макдональд – в следовании к Шавли и Понивежу.

Сам Наполеон находился в Вильне, расположив в ее окрестностях гвардию и корпуса вице-короля Евгения и Сен-Сира. До 1 июля он оставался в бездействии, но с этого дня продолжал опять начатое наступление на наши армии. Имея постоянной целью совокупить свои силы между Двиной и Днепром и разбить порознь армии Барклая и Багратиона, разобщенные с начала похода, он избрал на первый случай средоточием своих действий местечко Глубокое, лежащее почти в середине между Свенцянами, Дриссою, Полоцком и Бешенковичами.

Двинув туда, через Михалишки и Кобыльники, все войска, расположенные у Вильны, т. е. гвардию, вице-короля и Сен-Сира, Наполеон намерен был, вслед за ними, отправиться и сам.

Император Александр и 1-я наша армия оставались у Дриссы до тех пор, пока не пришло известие о движении значительных неприятельских сил из Вильны к Глубокому и пока они не начали подходить на одну высоту с нашим укрепленным лагерем. Тогда положено было отступать далее, к Витебску или Невелю, смотря по тому, куда именно направится Наполеон из Глубокого: на Полоцк или на Витебск. 2 июля Барклай де Толли переправил свою армию, за исключением двух резервных кавалерийских корпусов, на правый берег Двины и, поставя ее позади Дриссы, правым крылом к Покаевцам, а левым к Волынцам, оставался в таком расположении целые сутки.

На другой день, 3 июля, он получил известие об успехе Платова над королем Иеронимом и сообщил о том войскам своей армии в следующем приказе, подписанном генералом Ермоловым: «Сейчас получено из 2-й Западной армии приятное известие о новом успехе оружия нашего. Там, при местечке Мире, генерал Платов, с казаками своими, истребил совершенно три полка неприятельской кавалерии.

Теперь ваша, храбрые воины, очередь наказать дерзость врага, устремившегося на Отечество наше. Время к тому уже наступило. Мы перешли Двину не для того, чтобы удаляться от него, но для того единственно, чтобы, завлекши его сюда, положить потом предел бегству его – чтобы Двина была гробом ему. Внемлите сей истине, и намерение наше с благословением Божиим исполнится».

Упомянув о Ермолове, считаем необходимым сказать, что в это время он был начальником главного штаба 1-й армии. Вместе с его назначением в это звание, последовала и еще другая замечательная перемена в составе Барклаева штаба. Это было назначение полковника Толя в должность генерал-квартирмейстера.

В. А. Тропинин. Командующий иррегулярными (казацкими) войсками I -й Западной армии генерал от кавалерии М. И. Платов. 1812 г.

Войска наши жаждали решительной встречи с Наполеоном, надеясь поражением его остановить дальнейшее его стремление в недра России; но желания и надежды их не осуществились. 4 июля главная квартира нашей 1-й армии оставила Дриссу и самая армия получила повеление отступать далее, к Полоцку, за исключением одного 1 корпуса, оставленного на Двине, в прежнем его расположении, против Леонполя.

Следующее повеление Барклая де Толли командиру этого корпуса, графу Витгенштейну, объясняет причины, побудившие нас к отступлению от Дриссы. «Неприятель делает

демонстрации на правый наш фланг и авангард оставляет в покое, а между тем открывается, что колонны его берут направление от нас влево.

Все сие доказывает, что неприятель намерен обходить наш левый фланг и тем вовсе отрезать 1-ю армию как от 2-й, так и от сердца самого государства, в чем удостоверяют и разные полученные сведения. Вследствие сего предположено 1-й армии взять направление на Полоцк, и она сего же дня начнет свое движение.

Вы, с вверенным вам корпусом, присоединив к оному запасные батальоны и эскадроны отрядов князя Репнина и Гамена (у Придруйска и в Динабурге), остаетесь отдельные, для действия против того неприятельского корпуса, который, быть может, перейдет Двину у Динабурга, и вообще для прикрытия всего края от Двины до Новгорода.

Операционная ваша линия есть от Дриссы, чрез Себеж и Псков, к Новгороду. Во всех сих местах заготовлены запасы, из коих имеете получать продовольствие. Хотя и дается вам сие отступное движение, но оно должно вы делать в таком только случае, когда будете действительно иметь превосходнейшего в силах против себя неприятеля; в противном же случае предоставляется вам совершенная воля перейти на левую сторону Двины, действовать с решительностью наступательно и, разбив неприятеля, возвратиться обратно на правый берег Двины.

Государь император остается в полной надежде, что вы не упустите атаковать и разбить неприятеля, если представится к тому удобный случай. В первые два дня должны открыться настоящие намерения неприятеля, куда главнейшие его силы направляются, и 1-я армия в состоянии будет, в случае надобности, вас подкрепить, но далее вы должны будете действовать уже одни.

Направление 1-й армии будет из Полоцка на Витебск или на Невель, почему и прошу вас уведомлять меня о всех происшествиях, буде можно ежедневно, а не то как можно чаще. Все тягости и госпитали в Люцине и Себеже приказал я отправить к Острову, отколь велите им немедленно следовать к Порхову, а в случае надобности – направьте их и в Старую Русу; из Пскова же тягости и госпитали отправьте в Новгород».

В один день с выступлением нашей армии из-под Дриссы к Полоцку, выехал и Наполеон из Вильны. Он намерен был отправиться прямо в Глубокое, средоточие своих войск, но в минуту отъезда получил известие, что русские войска, появясь на левой стороне Двины, напали врасплох на два кавалерийские полка, из дивизии генерала Себастиани и взяли в плен бригадного генерала Сен-Женье, с тремя офицерами и 140 нижними чинами.

То был авангард графа Витгенштейна, переправившийся, под начальством генерал-майора Кульнева, через Двину, у Друи, и, по одержании успеха, возвратившийся опять к своему корпусу. Опасаясь, не составляет ли переправившееся чрез Двину русское войско, часть авангарда, за которым следует вся остальная армия Барклая де Толли, с целью атаковать французскую армию, Наполеон немедленно велел остановить те войска, которые были на походе из Свенцяна к Глубокому, и ускорить движение тех, которые шли назад.

Он намеревался сосредоточить свои силы и принять сражение у Свенцяна, и для того поехал к этому городу, но, увидев ошибочность своего предположения, велел войскам своим продолжать движение к Глубокому, куда и сам отправился. Во время пятидневного своего там пребывания, он готовился к встрече с Барклаем, полагая ее неизбежной и близкой; когда же узнал о выступлении наших войск из лагеря при Дриссе, то двинул гвардию, вице-короля, Сен-Сира и Мюрата к Бешенковичам, имея в виду постоянную цель свою: не допустить 2-ю нашу армию до соединения с 1-ю. Следовавший за Мюратом корпус Удино получил приказание скрыть наши укрепления у Дриссы и остановиться там для действий против графа Витгенштейна. С тех пор действия обоих этих генералов сделались отдельными от главных армий на все время Отечественной войны.

Направляя большую часть своих сил к Бешенковичам, Наполеон предписывал Даву продолжать свое движение наперерез Багратиону, а королю Вестфальскому продолжать натиск на него. О прочих частях Наполеоновой армии мы умалчиваем, так как они не имеют прямого отношения к действиям 1-й и 2-й наших армий.

За несколько верст до Полоцка император Александр оставил 1-ю армию и отправился, через Невель и Великие Луки, в Смоленск и Москву, желая присутствием своим ободрить народ, приведенный в уныние неприятельским вторжением, и лично распорядиться об устройстве внутренних ополчений.

Из Москвы государь проехал в Петербург; потом ездил в Або, для свидания с шведским наследным принцем, и, возвратясь опять в Петербург, оставался там почти до конца Отечественной войны, до декабря 1812 года. Барклаю уже не суждено было видеться с благоволившим ему монархом, до самого того времени, когда действия нашего оружия были перенесены далеко за рубеж России, в недра Германии.

Армия отступала к Полоцку двумя колоннами, из которых одну, левую, составляли – корпуса Багговута, гвардейский и 1-й кавалерийский Уварова, а другую корпуса Тучкова и Остермана, с 2-м кавалерийским корпусом, Корфа, в арьергарде. Позади всех шел Дохтуров, имея в арьергарде 3-й кавалерийский корпус, графа Палена. 6 июля армия прибыла к Полоцку и, пройдя его, расположилась лагерем на Витебской дороге. Барклай, с главной своей квартирой, остановился в Полоцке и провел там двое суток.

В это время неприятельский корпус Монбрена переправился у Дриссы на правый берег Двины и пошел вслед за нашими войсками. 7 июля корпус Уварова выступил из-под Полоцка к Витебску, а на другой день последовала за ним и вся остальная армия. Время стояло весьма жаркое, и потому войскам на походе были сделаны некоторые облегчения. «По воле господина главнокомандующего армией, – сказано было в приказе генерала Ермолова, от 8 июля, – предписывается в жаркое время на марше нижним чинам галстуки снимать, мундиры расстегивать; грудь не стеснена, легче солдату; несколько аманерок с водой можно иметь в руках».

Чрез два дня последовал приказ: «Богу благодарение. Окончена Турецкая война. Мир заключен славный и прочный. Государь император, объявляя радостное сие известие армиям своим, надеется, что готовые на поражение врагов, сравняются они в храбрости, усердии и терпеливости в трудах с Молдавской армией, покрывшей себя славой».

На третьем переходе от Полоцка оказалось выгоднее идти не на Витебск, а не доходя его, своротить вправо, на Будилово, Сенно и Коханово, потому что, приняв такое направление, 1-я армия более сближалась со 2-ю и стала бы уже на дорогу, ведущую из Смоленска в Москву.

Уже начались приготовления к переправе, в Будилово, через Двину, но недостаток в продовольствии заставил Барклая де Толли переменить свое намерение и продолжать марш на Витебск; только два отряда, под начальством генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова и генерал-майора Тучкова 4, были отправлены, через Будилово и Сенно, для разведывания о неприятельских силах между Борисовым и Оршею, куда, в случае надобности, Барклай готов был идти и сам. 11 июля он пришел, с армией, в Витебск и, получив известие о занятии Могилева корпусом Раевского (из 2-й армии), писал к Багратиону: «Соединение наше, благодаря Всевышнему, совершилось, и теперь остается нам совокупно действовать наступательно против Наполеона».

Поздравляя генералов своих с столь радостным событием, уничтожавшим самую главную и постоянную цель неприятеля, со времени вторжения его в Россию, он возвестил войскам своим, уже сильно скучавшим продолжительным и непрерывным отступлением, что близко время сразиться с врагами Отечества. «Войскам быть готовыми к походу, – объявлено было в разосланном в тот же день приказе начальника главного штаба 1-й армии, – людей, от полков отлученных, собрать всех; оружие пересмотреть и исправить».

Сближается время сражения, вскоре встретимся мы с неприятелем. Войску, кипящему с неприятелем сразиться, близок путь к славе. Быть готовым к бою». Слова: «Быть готовым к походу» относились к намерению Барклая идти на Оршу, но чрезвычайное утомление войск сильными переходами и необходимость обеспечить себя продовольствием снова удержали главнокомандующего от движения на этот город.

Он расположил армию свою в позиции у Витебска, на левом берегу Двины, вдоль сливающейся с ней под Витебском реки Лучесы. Только Дохтуров оставался на правой стороны Двины, в полуторе марше впереди армии, для наблюдения за Монбреном, шедшим из Полоцка правым берегом Двины, между тем как левым тянулись главные силы Наполеона.

В то же время Платову, следовавшему по направлению между Могилевом и Мстиславлем, велено было идти на соединение с 1-ю армиею, а князю Багратиону, от которого еще не было прямых известий о занятии нашими войсками Могилева, Барклай объявил высочайшую волю: без малейшего замедления действовать наступательно против правого неприятельского фланга, между Березиной и Днепром.

Поводом к этому повелению было расположение французов от Сенно к Орше, куда сам Барклай все еще намеревался идти. «Запасшись здесь (в Витебске. — *Ред.*) провиантом, — писал он Багратиону, — тотчас пойду форсированно к Орше, чтобы сблизиться с вами и потом совокупно действовать против неприятеля.

Если он устремит все свои силы против 1-й армии, тогда она не может противостать превосходнейшим силам его и подвергнется опасности, потому что она отделила от себя значительный корпус графа Витгенштейна, которому также предписано действовать наступательно. Против вашего правого фланга имеется теперь весьма мало неприятельских сил, которые все также потянулись к Сенно и направляются против вверенной мне армии.

Я долгом считаю сказать вам, что 1-й армии весьма возможно сражаться, но последствия сражения могут быть пагубны. Что даст после того спасение Отечеству, когда та армия, которая должна прикрывать недра его, потерпит сильно от поражения, которое при всех усилиях не есть невозможный случай?

Судьба государства не должна быть вверена уединенным силам одной армии против несравненно превосходнейшего неприятеля, но священный долг обеих армий состоит в скорейшем их соединении, дабы Отечество, за щитом их, было спокойно, и они совокупными силами могли устремиться на несомненную победу, которая есть единая цель взаимных наших усилий; почему покорнейше прошу вас давать мне во взаимность, какие от меня получите будете, подробнейшие и сколь можно частые известия о расположении войск ваших, и о всем, происходящем в армии вашей; равномерно уведомьте меня как можно скорее о всех распоряжениях, которые вами уже учинены и которые впредь предполагается предпринять, дабы я с ними мог соображать свои движения.

Пред мыслию, что нам вверена защита Отечества в нынешнее решительное время, смолкнут все прочие рассуждения и все то, чему бы при других обстоятельствах могло быть возможно иметь какое-нибудь влияние на поступки наши. Глас Отечества призывает нас к согласию, которое есть вернейший залог наших побед и полезнейших от оных последствий, ибо от единого недостатка в согласии славнейшие даже герои не могли предохраниться от поражения. Соединимся и сразим врага России. Отечество благословит согласие наше!»

*Николай Богатов. Атака донских казаков Платова
около Несвижа 27 июня 1812 г. Хромотитография 1912 г.*

На другой день прибытия наших войск к Витебску, получено было известие, что неприятельские отряды показались на дороге из Сенно в Бабиновичи, между нашей 1-й армией и Оршею. То были войска Мюрата, шедшие из Бешенковичей. Поздно уже было в виду неприятеля предпринимать марш на Оршу, и потому Барклай решился оставаться в Витебске, в ожидании, пока пробьется к Орше Багратион, из Могилева, чрез Шклов.

За Мюратом следовал сам Наполеон, занимавшийся распоряжениями к бою, от которого, как мы уже видели, Барклай де Толли не имел намерения уклоняться, ожидая с часу на час известия о приходе 2-й армии. Узнав, поутру 13 июля, что французы в больших силах приближаются к местечку Островно, лежащему в 15-ти верстах от Витебска, он послал туда графа Остермана, с 4-м корпусом, четырьмя кавалерийскими полками и ротой конной артиллерии, велел ему рассылать разъезды для разведывания о силах неприятеля, бывшего в то время гораздо к нам ближе, нежели у нас предполагали.

В двенадцати верстах от Витебска, у корчмы Комары, наши драгуны, имея при себе 6 орудий, встретились с французским конным пикетом, опрокинули его, прогнали еще несколько бывших на дороге разъездов и, преследуя их до Островны, наткнулись прямо на Мюрата, стоявшего там с двумя кавалерийскими корпусами и одним пехотным полком. Наши тотчас были атакованы, разбиты совершенно и потеряли все шесть пушек – первые трофеи Наполеона в войне 1812 года.

Услышав выстрелы, граф Остерман поспешил к Островне и, не доходя ее, выстроил свой корпус поперек большой дороги. В 11-м часу утра Мюрат атаковал Остермана, но, несмотря на повторенные свои нападения, не мог сдвинуть наших войск с места. Дожидав-

шись так долго и нетерпеливо встречи с врагом, наши вступили в бой и поддерживали его с большим мужеством.

Вскоре Мюрат был усилен пехотою, из следовавшего за ним корпуса вице-короля Евгения, но ее прибытие не дало неприятелю перевеса, а между тем на помощь Остерману были посланы кавалерийский корпус Уварова и пехотная дивизия Коновницына. Только в 10 часов вечера прекратилось сражение. Угрожаемый обходом справа, Остерман отступил, в порядке, к опушке леса, лежащего в трех верстах от Островно.

Ожидая, что с наступлением утра французы возобновят нападение на Остермана и оттеснят его к самому Витебску, Барклай де Толли решился дать Наполеону, под этим городом, генеральное сражение. Известясь, что другая часть неприятельского войска, из Борисова и Толочина, идет к Орше, с намерением следовать оттуда на Смоленск и, заняв его совершенно, пресечь сообщение между обеими нашими армиями, – Барклай послал просить Багратиона, чтобы он, быстро и решительно действуя на Оршу, скорее занял ее.

«Я же отсель до тех пор не выйду, – писал Барклай князю, – пока не дам генерального сражения, от которого все зависит». Ночью войска графа Остермана были сменены дивизией Коновницына, которая стала у деревни Какувачина, почти на половинном расстоянии от Островны до Витебска. С рассветом, 14 числа, Мюрат и вице-король сделали нападение на нашу дивизию.

Она держалась долго, пока не прибыл Наполеон, поведший на нее общую атаку. Коновницын начал отступать, быв поддерживаем Уваровым и 1-й гренадерской дивизией, лично приведенной из 3-го корпуса Тучковым 1-м.

В шестом часу вечера дело прекратилось, и Тучков, приняв, по старшинству, начальство над всеми сражавшимися войсками, продолжал отступление, в том же примерном порядке, в каком начал его Коновницын, с 8-ю и 9-ю тысячами пехоты и 3000 конницы целый день державшийся против 12 тысяч пехоты и с лишком 7 тысяч авалерии. В донесении своем государю о сражениях 13 и 14 июля Барклай не мог довольно нахвалиться стойкостью и храбростью наших войск.

Решаясь, как мы уже говорили, принять битву, Барклай вверил авангард свой графу Палену. С рассветом 15 июля французы тронулись к Витебску и в 4-м часу утра завязали перестрелку с войсками Палена. Лейб-казаки первые пошли в атаку и, повторяя ее, налетели на одну батарею, поблизости которой стоял Наполеон.

Это нападение донцев произвело такую тревогу вокруг императора французов, что он на некоторое время прекратил свои действия, восстановив порядок и опрокинув казаков, неприятельские войска снова двинулись вперед. Граф Пален отступал медленно, сражаясь в виду всей армии, расположенной на возвышениях. Он уже был от Нея в пяти верстах, когда Наполеон прекратил свой натиск и начал готовиться к общему нападению, долженствовавшему последовать на другой день. Все предвещало близость битвы.

«Мое намерение было сразиться при Витебске, и я мог решиться на это, – писал Барклай впоследствии, уже по окончании войны. – Во-первых, неприятель не собрал еще всех своих сил, имея в своем распоряжении только 3-й корпус Нея, 4-й вице-короля Италийского, часть 1-го, находившегося около Сенно, два кавалерийские, под начальством Короля Неаполитанского (Мюрата), и гвардию.

Во-вторых, храбрость и мужество, оказанные нашей армией в сражениях 13-го и 14-го чисел, были для меня верным ручательством в приобретении победы. В-третьих, чрез сражение я достиг бы важной цели, обратив внимание неприятеля на Витебск, остановив его и облегчив тем князя Багратиона в сближении с 1-й армией».

Генералам уже были сообщены надлежащие наставления, и все были в ожидании предстоящей на другой день битвы, как вдруг, неожиданно, привезено было от князя Багратиона известие, что Даву предупредил его в занятии Могилева и что 2-я армия, не успев в покуше-

ниях своих пробиться в этот город, для соединения с 1-й армией, взяла направление вправо и намеревалась идти к Смоленску, через Мстиславль. Таким образом, прежнее известие о занятии войсками Багратионовой армии Могилева, известие, столько обрадовавшее Барклая и всех его подчиненных, известие, составлявшее цель общих желаний в России, оказалось ложным.

Намерение сразиться, принятое Барклаем единственно с целью не потерять своих сообщений со 2-й армией, которую предполагали уже при Орше, было оставлено, и главнокомандующий решил продолжать отступление. Оно началось в тот же вечер, тремя колоннами.

Граф Остерман, с левой колонной, из 2-го и 4-го пехотных корпусов, направился через Яновичи, на город Поречье, лежащий при большой дороге, между Смоленском и Велижем; Тучков 1-й, со средней колонной, из 3-го пехотного корпуса, двинулся, через Кольники, на Поречье же; Дохтурову, с правой колонной, из гвардейского, 6-го пехотного и 1-го резервного кавалерийского корпусов, велено было следовать к тому же городу, через Лиозну; 2-й резервный кавалерийский корпус составлял арьергард Остермана, а 3-й резервный кавалерийский прикрывал отступление Дохтурова.

Графу Палену, с главным арьергардом, велено было прикрывать общее отступление. Движение всех трех колонн на Поречье было произведено с тем, чтобы всегда иметь возможность предупредить неприятеля, если бы он, направившись на Смоленск, угрожал прибыть туда прежде 2-й армии. Остается еще прибавить, что движение на Поречье, а не прямо на Смоленск, было избрано Барклаем, для прикрытия отправленных по Пореченской дороге всех тяжестей, парков и провиантских транспортов.

«Отступление было необходимо, — пишет Данилевский, — но как в виду Наполеона идти назад, среди ясного летнего вечера? Однако же, невзирая на близость неприятеля, главнокомандующий велел армии сниматься с лагеря. Наполеон, находясь в пяти верстах от нашей позиции, не мог рассмотреть истинной цели начинавшегося движения. Оно показалось ему обыкновенным переходом войск с одного места позиции на другое, и наши колонны успели отойти назад, прежде нежели неприятель мог удостовериться в отступлении их.

Решившись не принимать сражения, Барклай де Толли велел графу Палену держаться до последней крайности. Доверенность главнокомандующего оправдалась в полной мере: он несколько раз посылал благодарить графа Палена. Армия была в полном отступлении, а граф Пален все еще сражался. Под вечер он перешел на правый берег Лучесы. Туда последовали за ним, в двух местах, несколько рот французских егерей.

Наполеон, имея, таким образом, во власти своей переправу через Лучесу, приказал авангарду остановиться и начал располагать корпуса в боевой порядок, для сражения на другой день. Пока неприятель готовился к нападению, граф Пален последовал ночью за армией. Уверенность Наполеона в близости сражения была так велика, что, когда, 16-го поутру, донесли ему с передовых постов об отступлении русских, он не хотел тому верить, и сам поехал удостовериться в истине сего известия.

Сомнение его было непродолжительно. Прибыв на позицию, накануне занятую русскими, он увидел одни опустелые биваки: тут не было ничего забытого, брошенного; никакого «признака торопливого отступления». Нашли только спавшего под кустом русского солдата.

Приведенный к Наполеону, он ничего не мог сказать, куда пошла армия: к Петербургу или к Москве. Наполеон послал авангарды по дорогам Санкт-Петербургской и Смоленской, а сам поехал в Витебск, где оставалось весьма мало жителей. Сами французы отдают справедливость искусству, с каким Барклай совершил отступление.

По словам Шамбре, наша армия, оставляя Наполеона в полном убеждении, что она готова принять битву, снялась с позиции и отступила в таком порядке и с такой быстротою,

что равнина, которая еще накануне, вечером, так сказать, была наводнена нашими войсками, к утру не представляла никаких следов столь недавнего их пребывания; даже не было признаков, по которым можно было видеть, куда направилась наша армия.

Барклай имел все права гордиться отступлением, исполненным в виду сильнейшего и решительного неприятеля, в устройстве, не всегда встречаемом на обыкновенных маневрах, в мирное время.

*Фелицан Мирбах-Рейнфельд. Кorteж Наполеона.
Иллюстрация к книге У. М. Слоана
«Жизнь Наполеона Бонапарта».
1896 г.*

Донося императору Александру о делах 13, 14 и 15 июля, в которых войска наши с честью подвизались под начальством Остермана, Коновницына и Палена, Барклай де Толли писал: «Войска вашего императорского величества, в течение сих трех дней, с удивительной храбростью и духом сражались противу превосходного неприятеля. Они дрались как россияне, пренебрегающие опасностями и жизнью для государя и Отечества.

Я не решу, кому: войскам ли авангарда, 4-го корпуса, или 3-й дивизии отдать преимущество. Все соревновали в мужестве и храбрости. Одни только неблагоприятствующие обстоятельства, не от 1-й армии зависящие, принудили ее к сему отступлению, которым она, в военном смысле, может вполне тщеславиться, произведя оное в виду превосходнейшего неприятеля, удерживаемого малым авангардом графа Палена.

Все офицеры отлично выполняли долг свой, и вообще войска оказывают такую ревность и усердие, что я уверен в совершенном успехе генерального сражения, если бы только обстоятельства не воспрепятствовали ныне дать оное. Но, соединившись с князем Багратионом, не может уже быть сомнение в поражении врагов, почему и спешу я совершить сие соединение (к коему я уже, с моей стороны, дал средство прибытием своим в Витебск) и предупредить движением моим прибытие неприятеля чрез Могилев в Смоленск, в чем, веро-

ятно, ныне состоит цель его. Непокоримая храбрость наших войск дает верную надежду к большим успехам».

Выступление нашей армии из-под Витебска началось около вечера 15 июля; 17-го левая и средняя ее колонны соединились при Поречье. Туда же, как мы видели, надлежало прибыть и Дохтурову, но, вследствие известия, что неприятель идет в больших силах на Смоленск, Барклай велел ему поспешать к этому городу и, по прибытии туда, стараться открыть сообщения с Платовым.

«Совершенное спасение Отечества, – писал он Дохтурову, – зависит теперь от ускорения занятия нами Смоленска. Вспомните Суворовские марши и идите ими». Смоленск был пунктом чрезвычайной важности. При нем предполагалось соединить обе армии, и, в случае потери его прежде этого соединения, оно отдалилось бы на неопределенное время.

Переночевав в Поречье, армия тронулась, 18 июля, на Холм и 20-го пришла к Смоленску, куда накануне прибыл Дохтуров. Неприятель преследовал Барклая до Поречья и тут остановился, увидев, что не может предупредить нашу 1-ю армию в занятии Смоленска.

«Я иду форсированным маршем из Поречья к Смоленску, – читаем мы в тогдашней переписке Барклая с Багратионом, – чтобы там непременно предупредить неприятеля и не давать ему далее распространиться внутрь нашего государства, почему я твердо решился от Смоленска ни при каких обстоятельствах не отступать дальше и дать там сражение, несмотря на соединенные силы Даву и Наполеона.

Теперь, кажется, ничто уже не может препятствовать вашему быстрому движению к Смоленску, от чего совершенно зависит участь государства, и потому полагаюсь на ваше решительное содействие, а без того трудно будет устоять против всех соединенных сил неприятельских. Первая армия тогда будет иметь разве только то утешение, что она принесла себя на жертву для защиты Отечества, быв оставленной от своих товарищей.

Именем Отечества, убедительнейше прошу вас поспешить прямейшим направлением к Смоленску. По прибытии вашем 1-я армия возьмет тотчас свое направление вправо, дабы очистить Псковскую, Витебскую и Лифляндскую губернии, которые, между тем, уже наверно заняты будут неприятелем». На другой день по отправлении этого письма, 20 числа пришло от Багратиона известие, что для армии его путь в Смоленск открыт.

«Ваше отношение, – писал Багратиону Барклай, так меня порадовало, что я не могу вам того изъяснить; с благополучным соединением для блага Отечества искренне вас и себя поздравляю». Вместе с этим он просил князя опередить 2-ю армию и приехать в Смоленск, для соглашения о будущих действиях, и, уже не сомневаясь в возможности скоро встретить врага грудью, отдал следующий приказ по войскам своей армии: «Солдаты! Я с признательностью вижу единодушное желание ваше ударить на врага нашего.

Я сам с нетерпением стремлюсь к тому. Под Витебском мы воспользовались же случаем удовлетворить сему благородному желанию: вы знаете, с какой храбростью 4-й корпус и 3-я дивизия и напоследок малый арьергард наш удерживали там превосходнейшего числом неприятеля и открыли путь 6-му корпусу соединиться с нами; мы готовы были после того дать решительный бой, но хитрый враг наш, избегая одного и обыкши нападать на части слабейшие, обратил главные силы свои к Смоленску, и нам надлежало защиту его, а с ним и самого пути в столицу, предпочесть всему.

Теперь мы летим туда и, соединясь со 2-й армией и отрядом Платова, покажем врагу нашему, сколь опасно вторгаться в землю, вами охраняемую. Последуйте примеру подвизавшихся под Витебском, и вы будете увенчаны бессмертной славой; наблюдайте только порядок и послушание – и победа ваша».

В нетерпеливом ожидании прихода 2-й армии, 1-я расположилась под Смоленском, на правом берегу Днепра, имея два авангарда: один, графа Палена, в Холме; другой, Шевича, в Рудне. Не было более сомнения в скорой, решительной битве. Смоленск, цель стремле-

ния обеих противодействующих сторон, занят был небольшим отрядом генерал-адъютанта барона Винценгероде, составленным из рекрутских батальонов и эскадронов.

Барклай де Толли назначил пехоту его на пополнение убыли в 1-й и 2-й армиях, а кавалерию отправил в Калугу, где генерал Милорадович формировал резервы из разных рекрутских депо.

На другой день после утешительного известия от Багратиона и после приведенного нами приказа, Барклай получил новую, радостную весть, что Платов прибыл на дорогу из Рудни в Смоленск и уже вошел в сообщение с 1-ю армиею. Узнав об этом, он предписал атаману донцев немедленно войти в сношения с начальниками наших авангардов, графом Паленом и Шевичем; прикрыть сильным отрядом левое крыло армии и, состоя в связи с высланным из Смоленска в Красный отрядом генерал-майора Оленина, наблюдать и прикрывать дороги: из Любовичей и Рудни к Дубровне и из Рудни в Смоленск и далее, к Холму; учредив в Холме сильный аванпост, оставаться там самому с резервами и, наконец, отрядить, под начальством Винценгероде, четыре казачьи полка на дорогу из Поречья к Духовщине, по которой были отправлены все тяжести.

Этим полкам, усиленным Казанским драгунским полком, предписывалось посылать разьезды, как можно ближе к Велижу, истреблять неприятельские партии, брать пленных, стараться узнавать от них: кто именно идет на нас и в каком числе, тревожить денно и ночно левое крыло неприятелей и не допускать их до дальнейшего распространения в нашу землю.

Таковы были распоряжения, сделанные Барклаем де Толли, тотчас по получении известия о прибытии Платова, которого движения и действия сделались с того времени нераздельными от 1-й армии, во все время начальствования ей Барклая де Толли. Отряд, порученный генерал-адъютанту Винцингероде, оставался постоянно на правом крыле нашей армии и во все дальнейшее время войны действовал отдельно.

Между тем как 1-я Западная армия подходила к Смоленску, приближался туда и Багратион, который, удовлетворяя желанию Барклая де Толли, опередил свои войска и 21 числа приехал в Смоленск. Несмотря на свое старшинство, он первый явился к Барклаю. «От свидания главнокомандующих, – читаем у Данилевского, – зависело многое, весьма многое.

Во время отступления случались недоразумения между ними касательно взаимных действий их. По великому пространству, разделявшему армии, один не мог в точности знать препятствий, какие должен был одолевать другой. Барклай де Толли винил князя Багратиона, почему не пробивается он для соединения с 1-й армией, а князь Багратион досадовал на своего товарища, зачем он не атакует французов и тем лишает его средств идти к Двине.

По мнению князя Багратиона, 1-я армия наступлением своим на Наполеона принудила бы его притянуть к себе Даву, и тем очистила путь 2-й армии. Барклай де Толли оправдывался невозможностью действовать наступательно, в чем князь Багратион сначала не был убежден, ибо не знал о силах неприятельских, находившихся против 1-й армии, равно как Барклаю де Толли неизвестны были препятствия, с коими должен был бороться князь Багратион. При свидании главнокомандующих все объяснилось: недоразумения кончились.

Несравненно важнее было решение вопроса: кому принять верховное начальство над обеими армиями, на что предварительно не было дано повеления. Князь Багратион был старше Барклая де Толли в чине, но Барклаю де Толли, как облеченному особенной доверенностью Монарха, не были сокрыты мысли его величества насчет войны, и, как военному министру, более были известны состояние и расположения резервов, запасов и всего, что было уже сделано и приготавливалось еще для обороны государства.

Князь Багратион подчинил себя Барклаю де Толли, который в прежних войнах бывал под его начальством». Первое свидание продолжалось недолго, оба главнокомандующие расстались, довольные друг другом. Вот собственные выражения их донесений Государю: «Долгом почитаю доложить, – говорил Барклай де Толли, – что мои сношения с князем Багратионом самые лучшие.

Я в нем нашел человека благороднейших свойств, исполненного возвышенных чувствований и любви к Отечеству. Мы объяснились насчет дел, и совершенно одинакового мнения в мерах, которые надлежит принять. Смею заранее уверить, что, по утверждении между нами доброго согласия, мы будем действовать единодушно».

«Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, – писал князь Багратион, – требуют всегда единоначалия; еще более теперь, когда дело идет о спасении Отечества. Я ни в какую меру не отклонюсь от точного повиновения тому, кому благоугодно будет подчинить меня.

Я принял смелость, из особенной преданности моей к Отечеству и благотворительным ко мне милостям вашего императорского величества, удостоверить сим, что никакая личность в настоящем времени не будет стеснять меня, но польза общая, благо Отечества и слава царства Вашего будут неизменным законом к слепому повиновению». Император

Александр особенными рескриптами благодарил обоих полководцев и между прочим писал Барклаю: «Я весьма обрадовался, услышав о добром согласии вашем с князем Багратионом.

Вы сами чувствуете всю важность настоящего времени и что всякая личность должна быть устранена, когда дело идет о спасении Отечества». На другой день после свидания главнокомандующих прибыла к Смоленску 2-я армия, сделав в семь недель 750 верст.

Первая армия прошла в это время 500 верст. Во власть неприятеля предоставлены были губернии: Курляндская, Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, часть Смоленской и Белостокская область; уступка огромная, но зато соединенная сила наших 1-й и 2-й армий представляла собой войско бодрое, оплот надежный, чрез который враг не мог пробиться к сердцу России.

Соединение обеих армий, удовлетворявшее, наконец, общему всех желанию дать решительную битву неприятелю, соединение это, уравнивая, некоторым образом, силы воюющих сторон на главном театре войны, тем более порадовало Россию, что уже начинали терять всякую к тому надежду. Заняв, с начала похода, центральное положение между Барклаем и Багратионом, Наполеон угрожал отделить их, если не совсем, то, по крайней мере, надолго, одного от другого.

День 22 июля представил для войск 1-й и 2-й армий тройное торжество. Это был день их соединения, день тезоименитства императрицы Марии Федоровны, и день, в который Барклай де Толли получил и повестил войскам радостное известие о победе, одержанной Тормасовым, 15 июля, при Кобрине.

Ровно в полдень, после благодарственного молебствия, пушечные выстрелы и крики «ура!» огласили русский лагерь под Смоленском, и целый день не умолкали песни и музыка. Глядя на бодрое, веселящееся войско, можно было думать, что то были люди, перешедшие обширное пространство от Немана до Днепра, не отступая, а торжествуя.

Сверх соединения с армией Багратиона, прибытие 1-й нашей армии к Смоленску замечательно еще по другому обстоятельству: по началу народной войны в России. Еще прежде прихода Барклая к этому древнему городу, дворянство тамошнее и всей губернии, видя более и более приближающегося неприятеля, несколько раз просило Барклая де Толли не скрывать от него настоящего положения дел.

Сначала главнокомандующий находил необходимым таить истину, но, приехав в Смоленск и лично убедившись, что большая часть жителей не столько поражены страхом, сколько исполнены желанием содействовать армиям в нанесении всевозможного вреда неприятелю, пригласил к вооружению все сословия жителей.

«Да присоединятся сии верные сыны России к войскам нашим, для защиты своей собственности, – писал Барклай к смоленскому губернатору. – Именем Отечества просите обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженной рукой нападать на уединенные части неприятельских войск, где их увидят.

К сему же я пригласил особым отзывом россиян, обитающих в местах, французами занятых, дабы ни один неприятельский ратник не скрылся от мщенья нашего, за причиненные Вере и Отечеству обиды, и когда армия их поражена будет нашими войсками, тогда бы бегущих неприятелей повсюду встречали погибель и смерть из рук обывательских. Восставшие для защиты Отечества граждане вспомогать будут усилиям братьев и соотечественников своих, которые на поле брани за них жертвуют жизнью.

Нашествие вероломных французов отражено будет россиянами, равно как предки их в древние времена восторжествовали над самим Мамаем, смирили гордость завоевателей, а за вероломство наказали и истребили коварных соседей. Смоляне всегда были храбры и тверды в Вере. Я надеюсь на их усердие». «Внушите жителям, – тогда же писал Барклай Платову, – что теперь дело идет об Отечестве, о Божьем Законе, о собственном имени, о спасении жен и детей».

В одно время с воззванием к смолянам, Барклай де Толли велел построить мосты через Днепр, в тылу армии, на большой Московской дороге, у деревни Соловьевой. Работы шли день и ночь, с величайшей поспешностью, и тысячи народа, из занятого неприятелем края, переходили по мостам, ища крова и безопасности в тех губерниях, которых еще не коснулось вражеское нашествие. «Неужели и войска пойдут по этим мостам, продолжая отступать еще далее, – спрашивали жители, – неужели сдадут и Смоленск, как сдали Вильну и Витебск?» Мысль о дальнейшем отступлении страшила и народ, и войско.

Положение Барклая де Толли было в высшей степени неприятно. С одной стороны, побуждаясь необходимостью уклоняться от неравного боя, постоянным отступлением навлекал он на себя упреки армии и целой России, приписывавших ему бедствия Отечества. Даже старейшие генералы разделяли общее неудовольствие, видя, что неприятель, не встречая препятствий, с каждым днем более и более подается вперед.

С другой стороны, самое соединение обеих армий, составлявшее цель общих желаний и столько необходимое, имело для Барклая свои невыгоды: на одном пункте и в одно время явились два главнокомандующие, равные в своих правах, равно облеченные властью, равно разрешенные располагать действиями войск, им вверенных.

Пока армии находились отдельно, Барклай де Толли, уполномоченный направлять войска по обстоятельствам и своему усмотрению, в случаях особенной важности, по званию своему военного министра, объявлял князю Багратиону повеления от высочайшего имени, но, с соединением обеих армий, эта мера становилась уже неудобною.

Надлежало советоваться и иногда уступать против собственного мнения. Правда, что Багратион добровольно подчинил себя своему товарищу, но это то самое добровольное подчинение и стесняло Барклая, имевшего на своей стороне ту невыгоду, что он, занимая по своему положению первое место в армиях, нес на себе все бремя ответственности. Прибавим к этому, что общее мнение преобладало у нас в пользу князя Багратиона, стяжавшего громкую известность еще под начальством Суворова, в Италии и Швейцарии, и имевшего дар одушевлять войско одним своим появлением.

Барклай де Толли, при всех своих высоких достоинствах, не пользовался в такой же степени общим расположением, будучи вполне и по справедливости ценим едва ли не одним лицом во всей России: императором Александром, поручившим ему судьбу своей армии и государства.

В тогдашней войне, где Отечество наше видело себя более и более наводняемым полчищами чужестранцев, иностранное имя Барклая было не совсем приятно для слуха русских, с гордостью воспоминавших, что в их военной истории первые места занимают русские имена Румянцева и Суворова. Не наделенный от природы важным для полководца даром слова и не владея достаточно русским языком, Барклай был холоден и сух в обращении, что также не располагало к нему весьма многих.

*Н. С. Самокиш. Атака гусар Кульнева у Клястиц
20 июля 1812 г. Хромофотография начала XX в.*

Перейдем к Наполеону. Узнав, что Даву не успел преградить князю Багратиону пути к Смоленску, он остановил движение главной своей армии, и это было необходимо после утомительных переходов от Немана до Витебска. Войска нуждались в отдохновении; надобно было собрать великое множество отсталых, обождать запоздалые в пути обозы и, готовясь иметь дело уже с соединенными силами Барклая и Багратиона, распорядиться дальнейшим наступлением и обеспечением своих флангов и тыла.

Еще во время пребывания Наполеона в Вильне, более 30 тысяч человек его армии, рассеявшись по деревням для отыскания съестных припасов, производили грабежи и всякого рода бесчинства. В армии произошел сильный конский падеж, так что, за недостатком лошадей, французы принуждены были отослать в Виленский арсенал до 100 пушек и 600 зарядных ящиков.

По мере дальнейшего движения вперед, беспорядки увеличивались и громадная армия Наполеона была сильно потрясена, как в числительном, так и в нравственном отношении. В этом сознаются и сами французы, и тогдашние их союзники. Во время соединения обеих наших армий у Смоленска, войска Наполеона стояли на кантонир-квартирах.

Сам Наполеон с гвардией в Витебске и окрестностях; впереди его, почти на половинном расстоянии до Смоленска, в Лиезне и Рудне, Мюрат, с кавалерийскими корпусами Нансути и Монбрена; позади их корпус Нея; левее Витебска, в Сураже и Велиже, вице-король Итальянский; правее Витебска, в Орше и Дубровне, Даву, Жюно и Груши, а еще правее, у Могилева, князь Понятовский.

Тогда же подходил к Орше от Бобруйска корпус Латур-Мобура. В таком расположении неприятельская армия обнимала пространство от Велижа, чрез Витебск, до Могилева, прикрываясь передовой цепью от Велижа, через Инково, до Ляд (между Дубровной и городом Красным).

*К. Верне. Рядовой, фурьер, тамбурмажор и барабанщик
линейной пехоты армии Наполеона*

Армии наши простояли в Смоленске трое суток, употребив это время на отдохновение, особенно необходимое для войск Багратиона, перешедших, как мы видели, в одно и то же время, еще большее пространство, нежели войска Барклая де Толли, на печение сухарей и на пополнение убыли в полках, из резервов, после чего в 1-й армии состояло 77, а во 2-й – 43, всего 120 тысяч человек, под ружьем.

Главная цель, к которой постоянно стремились оба наши главнокомандующие и против которой постоянно употреблял свои усилия Наполеон, – цель соединения 1-й и 2-й Западных армий, была вполне достигнута. Войска воспользовались отдыхом и нетерпеливо ожидали, когда поведут их для кровавой разделки с неприятелем.

Надлежало предпринять что, либо решительное, и для того Барклай и Багратион положили между собой собрать Военный совет, пригласив к нему цесаревича Константина Павловича, ездившего на время в Петербург и только что возвратившегося, начальников штабов обеих армий, Ермолова и графа Сент-Приеста (Сен-При), и генерал-квартирмейстеров Толя и Вистицкого. Соображая разобщенное, как у нас думали, расположение неприятельских войск, Толь предложил прорвать их центр и идти со всеми силами на Рудню.

Багратион первый поддержал это предложение, большинство было того же мнения, и потому решено было в ту же ночь начать наступление. Как бы благоприятным предзнаменованием успеха было полученное известие о победе, одержанной за неделю перед тем графом Витгенштейном, над Удино, при Клястицах. Следующие слова донесения Барклая де Толли императору Александру лучше всего объясняют план предпринятого им и Багратионом движения.

«Неприятель поспешно старается сосредоточить свои силы, кои еще тянутся по разным направлениям, а особенно артиллерию, которая совсем осталась позади. Если дадим ему время к совершенному сосредоточению всех войск, тогда он, превосходнейшими против нас силами, может армии наши атаковать под Смоленском, где местоположение такое, что нет вовсе позиции, в которой бы можно было поставить войска в боевой порядок и дать сражение; напротив того, по дороге к Рудне откроются нам местоположения выгодные.

Чтобы выиграть время к вооружению внутри государства новых войск, необходимо нужно стараться неприятеля в его предприятиях останавливать; сие не может иначе совершиться, как только одними наступательными действиями. Если ограничим себя только тем, чтобы обойти левый фланг неприятеля, то произвести сие можем, однако, только частью обеих армий, ибо прямую Московскую дорогу нельзя никак оставить без прикрытия, потому что неприятель найдет способ обратить все свои силы на отдельную часть армии и прорваться.

В случае удачи, война возьмет совсем другой оборот, а буде бы, против моей надежды, случилась неудача, тогда останется нам свободная ретирода через леса, в тылу у нас остающиеся, кои для сего заняты будут арьергардом... Итак, все милостивейший государь, храбрые ваши войска, сего же числа, приготавливаются к решительным действиям.

Авангарды формируются и идут вперед, чтобы тотчас опрокинуть неприятельские передовые посты и осмотреть позиции его, прежде нежели подоспеет армия. Принеся теплые молитвы Всевышнему, с помощью Его идем истребить врага, но между тем чувствуем важность сего предприятия и без нужды армии твои, государь, опасности не подвергнем».

Еще не имея этого донесения, император Александр писал Барклаю де Толли: «Я получил донесения ваши, как о причинах, побудивших вас идти с 1-й армией на Смоленск, так и о соединении вашем со 2-ю армиею. Так как вы для наступательных действий соединение сие считали необходимо нужным, то я радуюсь, что теперь вам ничто не препятствует предпринять их, и, судя потому, как вы меня уведомляете, ожидаю в скором времени самых счастливых последствий.

Я не могу умолчать, что хотя, по многим причинам и обстоятельствам, при начатии военных действий нужно было оставить пределы нашей земли, однако же не иначе, как с прискорбностью должен был видеть, что сии отступательные движения продолжались до Смоленска. С великим удовольствием слышу я уверения ваши о хорошем состоянии наших войск, о воинственном духе и пылком их желании сражаться.

Не менее доволен также опытами отличной их храбрости во всех бывших доселе битвах и терпеливостью, оказанной ими во всех многотрудных и долгих маршах. Вы развязаны во всех ваших действиях, без всякого препятствия и помешательства, а потому и надеюсь, что вы не пропустите ничего к пресечению намерений неприятельских и к нанесению ему всевозможного вреда; напротив того, возьмите все строгие меры к недопусканию своих людей до грабежа, обид и разорения поселянам и обывателям.

Я с нетерпением ожидаю известий о ваших наступательных движениях, которые, по словам вашим, почитаю теперь уже начатыми. Поручая себя покровительству Божию и твердо уповая на справедливость защищаемого мной дела, на искусство и усердие ваше, на дарования и ревность моих генералов, на мужество и храбрость офицеров и всего воинства, ожидаю в скором времени услышать отступление неприятеля и славу подвигов ваших».

*Альбрехт Адам. Марш дивизии Пино. 16 июля 1812 г.
Литография 1830-х гг.*

Оставив в Смоленске один полк, для содержания караулов и печения сухарей, и поручив всех оставшихся там воинских чинов генерал-майору Росси, Барклай двинулся со своей армией на рассвете 26 июля. В одно время с ним выступил и Багратион, послав к Красному, для наблюдения Оршанской дороги, генерал-майора Неверовского, с шестью полками пехоты, одним драгунским и тремя казачьими. Это первое наступательное движение наших армий в том походе ободрило всех, начиная от генералов до солдат, и обрадовало, оживило жителей.

Предшествуемые авангардом, под начальством Платова, войска наши пошли тремя колоннами. Правая, Тучкова 1-го, из 2-го, 3-го и 4-го пехотных и 1-го и 2-го кавалерийских корпусов, – следовала через деревню Жуково, к селу Ковалевскому; средняя, Дохтурова, из 5-го и 6-го пехотных корпусов и драгунских полков 3-го кавалерийского, – направлялась, через Шеломец, на Приказ-Выдру; левую, составленную из 2-й армии, вел князь Багратион, на Катань. Авангардом Тучкова командовал генерал-майор Пассек, Дохтурова – граф Пален, Багратиона – Васильчиков.

Особый отряд, под начальством генерал-майора князя Шаховского, шел правее Тучкова, на селение Касилю; еще правее был послан отряд казачьего генерала Краснова, к Холму, для наблюдения Пореченской дороги; левее Дохтурова, для поддержания сообщения между им и Багратионом, находился третий отряд, вверенный генерал-майору барону Розену.

Марш 26 июля совершился благополучно. В ночи 1-я армия пришла в Приказ-Выдру, а 2-я к Катани. С наступлением утра намеревались идти далее к Рудне: Барклай через Инково,

Багратион через Надву, как известие, что в Поречье стоит неприятельский отряд, изменило ход дела.

Заключая, что главные силы Наполеона должны находиться между Поречьем и Витебском, и опасаясь быть не только обойденным с правого фланга, но и отрезанным от Смоленска, главнокомандующий отменил свой план идти к Рудне и, остановив начатое уже движение войск, дал приказание: 1-й армии идти вправо, на Поречскую дорогу; 2-й занять ее место у Приказ-Выдры, а Платову не трогаться вперед; но прежде нежели пришло это последнее повеление, атаман, поддержанный графом Паленом, успел разбить беспечно стоявший впереди Рудни, у Молевого Болота, семитысячный отряд генерала Себастиани.

После этого дела Платов пошел также вправо, на Поречскую дорогу, к Холму. Донося Барклаю о своем успехе, Платов, между прочим, писал: «Необыкновенный образ войны, употребляемый французами, приличен одним только варварам. Мало того, что они грабят селения, помещичьи дома, бьют жителей, насильничают жен их и дочерей, с священническим саном поступают немилосердно, истязают и пытывают от них денег, но и самые православные церкви не избегают неистовства французов; святые сосуды и утварь разграбляются.

В селе Инкове, в церкви, на вынесенных святых образах, французские солдаты мыли и развешивали нижнее исподнее платье; не благоугодно ли будет сей истинно описанный образ войны неприятеля нашего поставить на вид и в известие всему Отечеству.

Подобное извещение воздвигнет в сердцах каждого праведное рвение к мщению и ревность к учинению всяких пожертвований, дабы изгнать из пределов Отечества жестокосердого и несправедливого неприятеля». Вследствие донесения Платова, в тот же день по 1-й армии был отдан следующий приказ: «Главнокомандующий извещает армию, что неприятель, вошедший в Смоленскую, древнюю Российскую губернию, опустошает земли, делает все роды насилий жителям, убивает их, и, что еще жесточе, ругается святыми, грабит церкви и делает из них неприличное употребление.

Русские солдаты должны отмстить злодеям, истребляющим Православную веру их, и Бог будет им помощником». В тогдашних обстоятельствах приказ этот вполне достиг цели, а между тем отбитые у Себастиани бумаги и показания пленных, впоследствии хотя и оказавшиеся неосновательными, еще более убеждали Барклая в необходимости остановить наступление.

«Имея против себя неприятеля искусного, хитрого и умеющего пользоваться всеми случаями, – доносил Барклай государю, – я в необходимости наблюдать строжайшие правила осторожности, тем более что главнейший наш предмет есть выиграние нужного времени, в течение которого ополчения и приготовления внутри империи могли бы быть приведены в устройство». Это донесение было писано из Приказ-Выдры.

На другой день, 28 июня, когда 1-я армия, продолжая свое движение вправо, прибыла к деревне Мощинки, Барклай де Толли писал императору Александру: «Из моего нового расположения я могу с превосходными силами напасть на левый неприятельский фланг, открыть коммуникацию с Вышней Двиной и обеспечить левое крыло графа Витгенштейна, и обе армии будут находиться в одном марше одна от другой; дорога в Москву и все пространство между источниками Двины и Днепра ими прикрывается. Такое положение имеет несомненные выгоды и дает полную свободу действовать с успехом по обстоятельствам».

Князь Багратион не соглашался с Барклаем насчет опасности, предстоявшей от Поречья. Он писал ему о необходимости продолжать марш на Рудню, утверждая, что Наполеон будет непременно обходить левый наш фланг, а не правый, и поведет нападение на Красный. Барклай де Толли, настаивая на своем мнении, расположил 1-ю армию на Поречской дороге, а Багратион, по недостатку воды в Приказ-Выдре, и желая воспрепятствовать Напо-

леону движением от Красного отрезать нам Московскую дорогу, повел свои войска обратно к Смоленску.

Простояв три дня на Поречской дороге и убедившись, что опасения с той стороны были напрасны, главнокомандующий 1-й армией решился, 1 августа, возобновить прежнее свое движение к Рудне и в следующий день поставил армию при Волоковой и Гавриках, по дороге, ведущей из Смоленска в Рудню. Платов стал впереди армии, в Инкове, а князь Багратион, по приглашению Барклая, опять оставил Смоленск и выступил на Катань и Надву.

Находя позицию при Волоковой выгодной для принятия сражения, Барклай желал, чтобы неприятель атаковал его в ней, и даже ожидал этого, полагая, что Наполеон захочет дать битву в день своего рождения, 3 августа, как известия о переправе французов через Днепр, о занятии ими Красного, после боя, славно выдержанного Неверовским, и об опасности, угрожающей Смоленску, снова изменили расположение наших армий.

Опасаясь, как предвидел Багратион, быть обойденным слева, Барклай предложил главнокомандующему 2-й армией поспешать к Смоленску и в тот же день выступил сам, когда вполне убедился, что туда направилась не часть войск, как сначала думал, а вся армия Наполеона.

Стойкость Неверовского и распорядительность, оказанная генерал-лейтенантом Раевским, который, начальствуя корпусом во 2-й армии, имел приказание выступить днем позже Багратиона к Надве, остановили неприятельское движение и дали обеим нашим армиям время прийти к Смоленску прежде Наполеона. Князь Багратион прибыл туда 4 августа, за два часа до полудня, и, увидев, что Раевский атакован уже в самом городе, послал на подкрепление ему 2-ю гренадерскую дивизию, а вечером подоспел и Барклай де Толли.

С высокой покатости, по которой шли войска обеих армий, видны им были все движения неприятеля, обращенные против Смоленска, равно и оборона Раевского. Как ни утомлены были люди усиленным, с лишком тридцативерстным, переходом, но никто не думал об усталости и отдохновении, желая скорее поспеть к бою, на который было устремлено общее внимание.

Обе наши армии сосредоточились на высотах правого берега Днепра, между тем как французы расположились на высотах левого. Все предвещало битву, и битву кровопролитную; но, прежде, нежели перейдем к ней, обратимся еще к предшествовавшим ей движениям наших войск, начавшимся 25 июля.

«Движение к Рудне, с таким искусством соображенное, – говорит Бутурлин, – могло бы иметь самые блистательные последствия, если бы было произведено с быстротою, но генерал Барклай де Толли, напротив того, действовал с нерешительностью, которая доставила неприятелю средство не только отвести удар, ему угрожавший, но даже и самую Российскую армию привести в гибельное положение, предупредив ее под Смоленском. Одно только храброе сопротивление генерал-лейтенанта Раевского в сражении 4 августа спасло русских, которые, занимаясь переходами взад и вперед, легко могли потерять сообщение свое с Москвою».

«Попытка прорвать центр неприятельского расположения, – читаем в «Воспоминаниях о 1812 году» принца Евгения Вюртембергского, одного из деятельнейших участников той войны, была скоро оставлена, потому что, при тогдашнем положении дел, она не обещала никаких решительных последствий, даже в том случае, если бы и увенчалась значительными частными успехами.

Превосходство сил и военного гения Наполеона не позволяло слабейшей стороне отважиться ни на один шаг, последствия которого могли бы быть неудовлетворительны. Все эти соображения служили главной причиной, что упомянутое предприятие нашло множество порицателей; тем более что оно, подобно маневру Беннигсена в Восточной Пруссии про-

тив Морунгена, в 1807 году, открывало наши фланги и угрожало снова отбросить нас с того направления, которое мы едва успели выиграть».

Справедливость этого мнения обнаружилась на самом деле. Сначала и сам Барклай разделял его; но, с другой стороны, в данных ему инструкциях предписывалось не упускать из вида ни одного выгодного случая к поражению неприятеля, и чрез то самое приводить его в заблуждение, касательно истинных наших целей. Вот, что положило конец его колебанию и побудило к наступательному действию.

Как простая демонстрация, это движение было соответственно; но как действительное наступление (а в этом-то виде и входило оно в соображение Багратиона и Толя) оно могло повлечь за собой величайшую опасность». Не вовлекаясь в дальнейшие суждения о повторных движениях наших армий к Рудне, считаем необходимым сказать, что они положили начало разногласию между обоими главнокомандующими, с каждым днем более и более возрастающему и продолжавшемуся до самого того времени, когда оба они, вскоре после Бородинской битвы, почти в одно время сошли: Багратион – в могилу, Барклай де Толли – с поприща главнокомандующего.

Заключая из сосредоточения неприятельских сил под Смоленском, что истинной целью Наполеона было предупредить наши армии в окрестностях Дорогобужа, дабы овладеть путем в Москву, Барклай де Толли просил князя Багратиона отступить по направлению к Дорогобужу, оставив у Смоленска, на Московской дороге, впереди речки Колодни, авангард под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова, а сам, для прикрытия этого движения, расположил свою армию, за исключением корпуса Дохтурова, подле Смоленска, на правом берегу Днепра; Дохтурову же, усиленному дивизией Коновницына из 1-й, и дивизией Неверовского из 2-й армии, велено было занять Смоленск и его предместья.

В таком расположении наших войск Барклай принял на себя оборону Смоленска, а князь Багратион попечение о безопасности Московской дороги. Первая армия стала за Петербургским предместьем, тылом к Поречью, фронтом к Смоленску, имея этот город впереди себя, как бы предмостное укрепление.

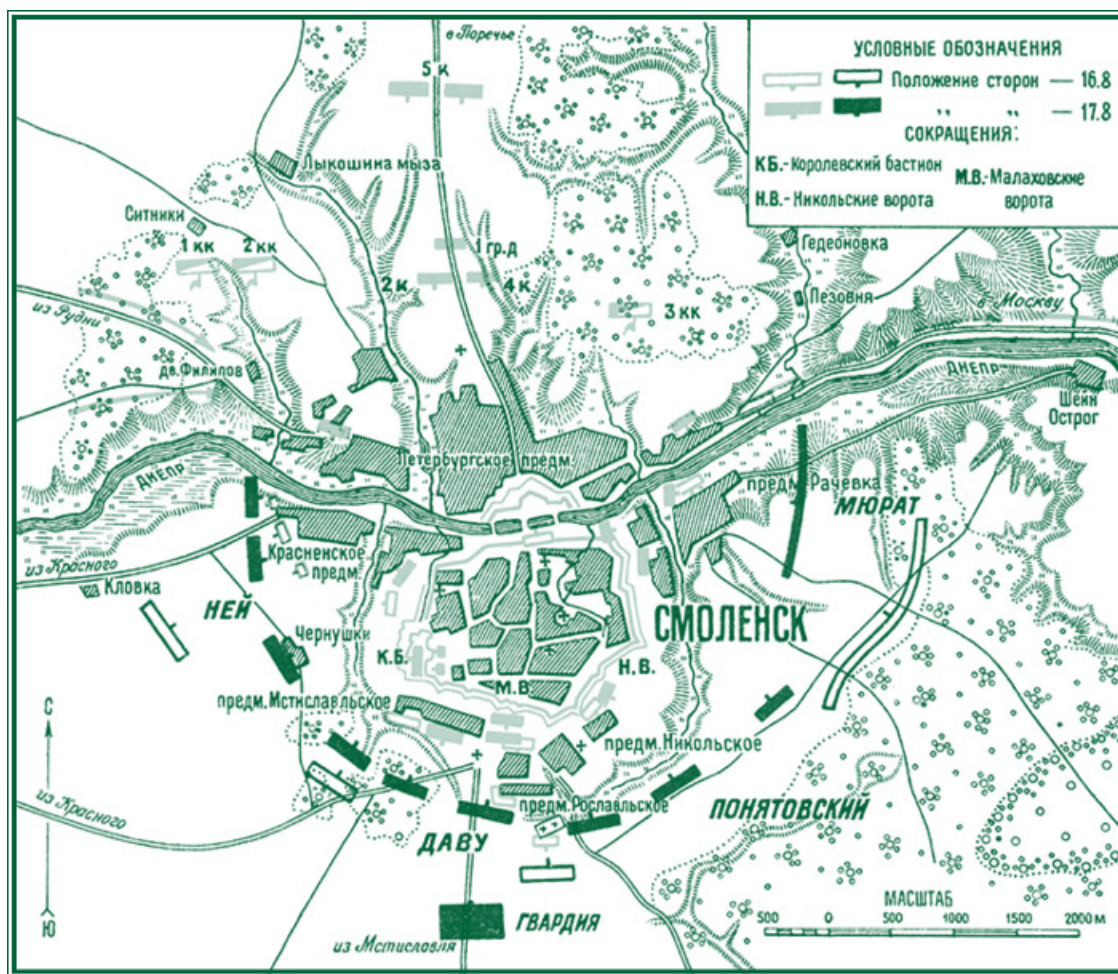

Схема сражения под Смоленском 16—17 августа 1812 г.

Лучшими, из изданных по настоящее время, источниками для описания обороны Смоленска суть сочинения Бутурлина и Данилевского и «Воспоминания о 1812 году» принца Евгения Вюртембергского. Мы предпочли следовать последним, как более сообразным с объемом излагаемого здесь жизнеописания. «Невыгоды позиции Дохтурова были очевидны с первого взгляда; — говорит его высочество. — Войска его, занимавшие предместья, на левом берегу Днепра, как бы исчезали посреди охватывавших их необозримых полчищ неприятеля.

Расположение русских войск определялось предместьями, за которыми находилась каменная городская стена, имевшая, в иных местах, до 16 футов толщины, что, в случае отступления, представляло чрезвычайные неудобства. В самом городе не успели сделать никаких распоряжений к размещению артиллерии, и только весьма малое число орудий было отражено в занятые пехотой предместья.

Род покрытого пути перед городскими воротами также не был занят, и на это не было обращено должного внимания. Вообще, при расположении наших войск, угрожаемых с левого крыла и в главных сообщениях, нельзя было рассчитывать на продолжительное сопротивление. Это очень хорошо чувствовал и сам Барклай. В 8 часов утра (5 августа) на различных пунктах завязались отдельные сражения: русские держались впереди предместий; Наполеон, прежде решительного наступления, хотел, казалось, вывести их намерения.

Только в 2 часа пополудни тронулись его колонны. С левого его фланга Ней пошел на приступ так называемой цитадели (Королевский бастион), которой слабейшая, одним палисадом защищенная часть, по-видимому, была ему неизвестна. Одна из его дивизий была отброшена с уроном, но зато другие две прорвались через Краснинское предместье, до покрытого пути перед городской стеною. Правее, Даву, атаковавший тремя дивизиями Мстиславльское и Рославльское предместья, встретил сильное сопротивление в дивизий Капцевича, но одолел ее, по двухчасовом, кровопролитном бое.

Наконец, еще правее, Понятовский, с тремя дивизиями поляков, повел нападение на предместья Никольское и Раченское и принудил защищавшие их дивизии Коновницына и Неверовского отступить в город. Сильная батарея, поставленная Барклаем на левом берегу Днепра, против Раченки, остановила напор поляков, угрожавших даже овладеть нашими мостами на Днепре и чрез то отрезать от армии войска, оборонявшие Смоленск.

Было около 4-х часов пополудни, когда Дохтуров, уже несколько раз доносивший Барклаю о беспрестанном усилении нападающих, прислал сказать, что войска его, истощенные продолжительными усилиями, более уже не в состоянии сопротивляться и должны будут уступить неприятелю. В это время моя дивизия (4-я пехотная) стояла в колоннах, позади главнокомандующего, и я испросил у него позволение съездить в город, для разведывания о положении дел. Переехав мост, я очутился среди множества раненых, столпившихся тут до такой степени, что почти не было возможности пробраться сквозь них вперед.

Нельзя себе представить ужаснее зрелища: изможденные лица, простреленные члены и потоки крови покрывали все протяжение улиц между мостом и Малаховскими воротами, покрытых людьми, удалявшимися из мест битвы, но и здесь неприятельские ядра достигали их, устилая землю трупами. Я нашел дивизию Неверовского и несколько полков 7-го корпуса (Раевского) внутри города, на левом фланге; на правом, 24-я дивизия (Лихачева) защищала цитадель, а горсть людей 3-й дивизии (Коновницына) обороняла Малаховские ворота.

Почти все остальные войска корпуса Дохтурова были уже не в состоянии сражаться. Самого Дохтурова я нашел подле Малаховских ворот. Окруженный свитою, он стоял под градом ядер; Коновницын был примером деятельности и рвения, но он считал город без присылки свежих войск потерянным.

*Александр Сафонов. Защита Смоленска.
Хромолитография. Начало XX в.*

Сквозь толпы мы пробрались кое-как за ворота, к мосту через городской ров, и увидели, что неприятель держался в домах предместья. Это подало надежду на выигрыш времени. По счастью, при первом виде урона, понесенного войсками Дохтурова, я послал к Барклаю просить о присылке ко мне моей дивизии, состоявшей тогда из 6700 человек.

Я поспешил ей навстречу и, тотчас по ее приходе, послал два полка через мост влево, в Рачинское предместье, где они, вместе с гвардейскими егерями и несколькими пехотными батальонами, успешно атаковали поляков. При этом пал под нашим штыком генерал Грабовский, тщетно пытавшийся проникнуть в город чрез отверстие в стене, и пылающее предместье погребло под своими развалинами тысячи неприятельских трупов.

Другая бригада моей дивизии была послана вправо, на подкрепление Лихачева, а сам я, с 4-м егерским полком, пошел чрез Малаховские ворота в намерении вытеснить неприятеля из ближайших к ним мест и снова занять потерянный нами покрытый путь. Передовые мои войска были раздроблены неприятельским огнем, но, несмотря на это, головной батальон полка, предвидимый храбрым майором Гепдекеном, безостановочно, под градом ядер и пуль, кинулся вперед, к покрытому пути, и овладел им.

Оставив у Малаховских ворот Коновницына, я поспешил сам к Раченке, как мне сначала было приказано и потом повторено Барклаем де Толли. В это время Наполеон увидел

себя в необходимости прибегнуть к артиллерии и почти из ста орудий открыл огонь по предместьям и городской стене, что заставило меня вывести войска из Раченки в покрытый путь. Это было уже последним действием битвы на нашем левом фланге.

Дальнейшая канонада произвела в Смоленске пожар, который, распространяясь более и более, превратил город в один огромный, крутящийся столб пламени; но мужество защитников Смоленска от того не поколебалось. Поздно вечером егеря нашей 17-й дивизии (Олсуфьева) опять овладели большей частью Краснинского предместья. Неприятель лишился в этот день наверное от 10 до 12 тысяч человек, хотя и показал свою потерю гораздо менее.

Урон русских простирался до 7 тысяч. Я донес Барклаю де Толли, что надеюсь удержаться в городе и в следующий день, но он имел иные виды и соображения. Как скоро войска Дохтурова отступили и в городе оставалась только самая малая часть их, я также получил приказание выступить». Коновницын, оставшись начальником арьергарда, вывел все посты, находившиеся впереди города, вывез большую часть раненых, истребил мост через Днепр, соединявший Смоленск с Петербургским предместьем, и потом возвратился к своей дивизии.

Так происходила знаменитая Смоленская битва, в которой Наполеон не имел успеха, хотя и ввел в дело более половины своих войск. Эта неудача с его стороны и обнадеживание принца Евгения в возможности держаться в городе еще день, при необычайном мужестве, одушевлявшем наши войска, подали повод к различным мнениям между генералами 1-й армии. Одни считали необходимым продолжать оборону города, другие предлагали перейти в Смоленск через Днепр и атаковать неприятеля.

Барклай де Толли рассуждал иначе и, решась пожертвовать опустелым и опустошенным Смоленском, объяснял эту решимость в следующих словах донесения своего государю: «Цель наша при защищении развалин Смоленских стен состояла в том, чтобы, занимая там неприятеля, приостановить намерения его достигнуть Ельни и Дорогобужа, и тем предоставить князю Багратиону нужное время прибыть беспрепятственно в Дорогобуж.

Дальнейшее удерживание Смоленска никакой не могло принести пользы; напротив того, оно могло бы повлечь за собой напрасное жертвование храбрых солдат. Посему решился я, после удачного отражения приступа неприятельского, ночью с 5 на 6-е число оставить Смоленск, удерживая только Петербургский форштадт, и со всей армией взять позицию на высотах против Смоленска, давая вид, что ожидаю его атаки».

Позиция, избранная Барклаем де Толли, находилась верстах в трех от Смоленска, на Поречской дороге. Первая наша армия начала отступать туда в 6 часов утра 6 августа, в то самое время, как Наполеон вступал в город, бывший накануне позорищем упорной битвы и страшного пожара. Французы, перейдя Днепр вброд, атаковали наши войска, остававшиеся в Петербургском предместье под начальством генерал-адъютанта Корфа, но посланный Барклаем Коновницын скоро вытеснил неприятеля и отбросил его за реку.

Тогда Корф снова утвердился в предместье и егеря наши, рассыпавшись по Днепровскому берегу, до самого вечера перестреливались с неприятелем. Между тем как это происходило, 2-я армия, оставив свою позицию при Колодне, пошла по столбовой Московской дороге к Дорогобужу, а французы, вскоре после полудня, начали тянуться вверх по Днепру, угрожая чрез это стать между обеими нашими армиями и пресечь им взаимное сообщение.

Предвидя это, князь Багратион оставил между Смоленском и деревней Лубино арьергард, под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова; но силы эти были слишком слабы, чтобы удержать Наполеона.

Для пояснения движений наших войск, по оставлении Смоленска, необходимо знать, что Днепр, протекая некоторое пространство по правую сторону большой дороги, отделяется от нее и потом, сближаясь опять, пересекает ее у Соловьевой переправы, так, что между

дорогой и рекой образуется почти треугольное пространство, которого две стороны составляет Днепр. У самой дороги, между Смоленском и Соловьевою, лежат деревни Лубино и Бредихино, а далее Соловьевой путь на Москву продолжается чрез города Дорогобуж, Вязьму, Гжатск и Можайск.

В некотором расстоянии от Смоленска, по Пореченской дороге, есть проселочный путь, который идя через деревни Крахоткино, Горбуново, Жуково, Жабино и Кошаево, выходит на большую дорогу около Лубина, к стороне Смоленска. Несколько далее, другой проселок, через селения Зыкалино, Поисклово, Маршулки, Суцково и Прудыши, упирается в Соловьеву переправу.

*Альбрехт Адам. Сражение за Смоленск
18 августа 1812 г. Литография 1830-х гг.*

После замеченного движения неприятельских войск от Смоленска вверх по Днепру, в направлении к Соловьевой, Барклай видел, что положение его армии в позиции на Пореченской дороге становилось опасным и потому решил продолжить отступление. Имея в виду, что на восьми верстах протяжения большая Московская дорога идет параллельно Днепру в столь близком от него расстоянии, что следовавшие по ней наши войска могли быть поражаемы с левого берега неприятельской артиллерией, он решил вести свою армию описанными выше двумя проселками; но как в то же время небезопасно бы было предпринять боковой марш днем в виду всей армии Наполеона, то он начал свое движение только вечером.

Дохтуров, с корпусами: своим, гвардейским, 2-м и 3-м кавалерийскими, пошел по дальней дороге, через Зыкалино на Прудыше, а Тучков 1-й, с остальной частью армии, имея перед собою, вроде авангарда, небольшой отряд под начальством брата своего, генерал-майора Тучкова 3-го, получил приказание идти по проселку, ведущему через Крахоткино, Жуково и т. д. За этими войсками, поутру 7 августа, последовал и Корф, составивший их арьергард.

Выше говорено, что для обеспечения большой Московской дороги поставлен был на ней, между Смоленском и Лубиным, князь Горчаков, имевший от Багратиона приказание оставаться тут, пока на смену его не придут войска 1-й армии. Простояв в ожидании их двое суток, он только поутру 7 августа оставил свой пост и пошел на соединение с князем Багратионом, когда получил известие о приближении войск 1-й армии по скором выходе их на столбовую дорогу.

На ней оставлены были только три казачьи полка, под начальством генерал-майора Карпова. Вскоре, в 8 часов утра, появился у Лубина отряд Тучкова 3-го. По данному ему предписанию он должен был, не останавливаясь, продолжать путь к Бредихину; но, сообщая, что это движение откроет неприятелю точку, где большой путь соединяется с проселочным, которым следовали войска Тучкова 1-го, и что французы, заняв этот важный пункт, могут отрезать 1-ю армию от 2-й и отбросить ее к северу, – он решился поворотить не влево, к Бредихину, как ему было предписано, а вправо, к Лубину, дабы заслонить от неприятеля выход с проселочной дороги на столбовую.

Это самопроизвольное движение спасло 1-ю армию, потому что не прошло и двух часов, как передовые войска Нея показались от Смоленска, в направлении к Лубину, и в то же время казаки дали знать, что другие неприятельские войска устраивают переправу через Днепр, почти на половине расстояния между Смоленском и Лубиным. Тучков 3-й немедленно поставил свой отряд в боевой порядок впереди Лубина, поперек большой дороги, между деревнями Топоровщиной и Латышиной, а между тем в тылу его начал выходить с проселка и следовать к Бредихину корпус Тучкова 1-го, от которого два головные полка тотчас были посланы на подкрепление Тучкова 3-го.

За корпусом Тучкова вышли на дорогу 4-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса. Ожидали следовавших еще корпуса Багговута и арьергарда Корфа, и тогда вся колонна Тучкова 1-го была бы в соединении, не опасаясь, чтобы какая-либо часть ее была отрезана неприятелем.

Прежде нежели перейдем к дальнейшему ходу событий, долженствовавших иметь влияние на участь наших армий, постоянно стремившихся к тому, чтобы не допустить Наполеона до разъединения их, обратимся несколько назад, к самому Барклаю.

Некоторые ставят ему в вину бездейственное положение, в продолжение целого дня 7 августа, в позиции на Поречской дороге; но обвинение это легко опровергается, если рассмотреть, что Барклай, считая, как мы уже говорили, опасным отступать в виду неприятеля, был уверен, что Наполеон, с одной стороны, был в необходимости дать своим войскам отдых после жестокого боя под стенами Смоленска, а с другой – конечно, не решился бы на переправу через Днепр в виду всей нашей армии.

Справедливее почитать ошибочным то распоряжение, по которому 2-я наша армия поспешила переходить за Днепр у Соловьевой переправы, вместо того чтобы, заняв позицию впереди Лубина, заслонить собой прохождение войск Тучкова 1-го, следовавших к Бредихину и далее. Только, как ниже увидим, предусмотрительность и решимость Тучкова 3-го и невероятная стойкость бывших у него войск поправили эту ошибку, последствия которой могли принести нашей армии вред неисчислимый.

Расчеты Барклая де Толли касательно выхода на большую дорогу вверенных Тучкову 1-му войск, не совсем исполнились. Корпус Багговута, долженствовавший выступить непосредственно за 1-м кавалерийским, не мог сняться с позиции на Поречской дороге ранее двух часов пополудни. Узнав об этом замедлении, Барклай де Толли велел Багговуту идти уже не по проселочной, как прежде ему было предписано, а прямо по столбовой дороге, через селение Гедеоново, лежащее между этой дорогой и деревней Крахоткино. За корпусом Багговута велено было следовать арьергарду Корфа.

Пока Багговут совершал предписанное ему движение чрез Геденово, из французской армии корпус Жюно переправлялся через Днепр, выше Смоленска, с целью отрезать те из наших войск, которые, по предположению Наполеона, могли еще находиться на большой дороге, между Смоленском и Лубиным. Левее Жюно, из Петербургского предместья, вся конница Мюрата была направлена прямо по большой дороге; левее Мюрата, из того же предместья, через Геденово, пошел Ней, на проселок, которым следовал Тучков 1-й, а левее Нея, по Пореченской дороге, двинулся Груши.

Следуя в таком направлении, Жюно и Мюрат необходимо должны были, не доходя Лубина, встретиться с Тучковым 3-м, а Ней с Багговутом, или с Корфом, или попасть между ими обоими, и таким образом отрезать последнего. Незнание местности, неимение проводников и неведение о направлении, взятом нашей 1-й армией, были причинами, что французы далеко не достигли своей цели, хотя войскам нашим и пришлось выдержать с ними довольно упорный и неравный бой.

В 3 часа утра, когда большая часть корпуса Багговута, пройдя Геденово, продолжала идти на большую дорогу, задние его войска, принадлежавшие к дивизии принца Евгения Вюртембергского, встретились, вернее сказать, столкнулись, с передовыми войсками Нея. В это время Барклай находился также у Геденова. Узнав о неожиданном появлении французов и опасаясь за Корфа, он отправил к нему приказание ускорить приходом, а принцу Евгению поручил удерживать французов, и потом, по прибытии Корфа, прикрыть его отступление.

Поручение было исполнено в точности. Барклай, стоя на возвышенности позади Геденова, наблюдал за всеми распоряжениями принца и, убедившись, что наши войска вне опасности быть отрезанными, велел им идти вслед за Багговутом, к Жукову, на проселок, которым вышли на большую дорогу оба Тучковы. Идти прямо на эту дорогу, вследствие полученного Барклаем известия о появлении там неприятельских войск, было уже невозможно.

В то время как происходил бой у Геденова, жаркое сражение шло у Тучкова 3-го, мужественно выдерживавшего нападения неприятеля и с 11 часов утра до 3 пополудни не давшего выиграть у себя ни шагу. Тогда прибыл Барклай к Лубину, и узнав о происходившем на столбовой дороге, послал приказание воротить войска, следовавшие к Бредихину с Тучковым 1-м.

Вводимые в дело, последовательно одно за другими, они подкрепили Тучкова 3-го, отступившего между тем ближе к Лубину, за речку Страгань, и дали ему возможность с успехом продолжать сопротивление. В то же время левее Тучкова кипел бой у графа Орлова-Денисова, посланного с 1-м кавалерийским корпусом и частью пехоты удерживать французские войска, переправившиеся через Днепр.

В 7 часов вечера вышли на большую дорогу войска Багговута и Корфа, и как с их прибытием цель удерживания французов была достигнута и все войска нашей 1-й армии находились в соединении, то Барклай, лично, с обычным своим хладнокровием распоряжавшийся сражением, велел прекратить битву. Перед окончанием ее Тучков 3-го, раненный и едва не убитый, был взят в плен, в передовых рядах войск.

Этим сражением, начатым с нашей стороны только 2400, а оконченным 15-ю тысячами, против неприятеля, состоявшего с лишком из 30 тысяч человек, заключились кровопролитные действия, происходившие несколько дней сряду в Смоленске и его окрестностях, начиная с боя под Красным. Битва, возникшая от предусмотрительности Тучкова 3-го, как по ходу своему, так и по своим последствиям, принадлежит к самым замечательным и блистательным действиям нашего оружия в 1812 году.

Она спасла 1-ю армию, не дав неприятелю отрезать ее от 2-й; но, к сожалению, не была должным образом оценена в свое время и как бы утонула в громадных событиях, следовавших одно за другим со времени прихода Наполеона к Смоленску. Уже спустя несколько лет,

когда частные подробности Отечественной войны сделались более известными, император Александр уподобил бой под Лубиным битве под Кульмом, столько прославленной и прославившей имена главных ее участников.

Да не оскорбится память великого полководца, если, со всем благоговейным уважением к его великим заслугам и достоинствам, мы осмелимся сделать ему упрек, что в современных донесениях своих государю он не выставил на вид всей заслуги Тучкова и не отдал ему заслуженной справедливости.

Дж. Доу.
Портрет М. А. Милорадовича

Пока все вышеописанное происходило с войсками колонны Тучкова 1-го, колонна Дохтурова шла без препятствия и остановки, и поутру 8 августа достигла Соловьевой переправы, где вся наша 1-я армия перешла через Днепр в продолжение этого и следующего дня,

не будучи преследуемая неприятелем. Армия князя Багратиона между тем достигла Дорогобужа, а отряд генерала Винценгероде, о котором упоминалось выше, оставив Витебскую губернию, вступил чрез Поречье и Белой в Смоленскую, и пошел на Сычевку и Гжатск, стараясь держаться на одной высоте с армиями. Платов, с арьергардом из казаков, 4-х полков регулярной конницы и 6-ти егерских, был оставлен за Днепром, имея от Барклая де Толли повеление заслонять армию и содержать связь с отрядом Винценгероде.

Весть о падении Смоленска и о продолжающемся отступлении армий, уже к пределам Московской губернии, навела грустное чувство на всю Россию, начиная с самых войск, после мужественного отпора, без боя уступивших врагу одно из древнейших отечественных достояний, – твердыню, за двести лет перед тем со славой выдержавшую продолжительную осаду поляков. Эта весть имела еще и то прискорбное последствие, что окончательно довершила общее недоверие к Барклаю де Толли. Были даже голоса, чернившие его распоряжения именем измены.

Барклай хорошо предвидел и также хорошо знал все распространявшиеся о нем толки и слухи; но, верный своему высокому призванию, он не внимал им и продолжал действовать по собственному убеждению, предписывавшему ему не вдаваться в генеральную битву, которая, не обещая верных выгод, могла только расстроить, почти уничтожить армию, составлявшую единственный надежный оплот Отечества.

Чем более приближалась эта армия к сердцу государства, тем более сближалась она с готовившимися на усиление ее резервами и ополчениями, и тем более, в то же время, истощались силы Наполеона, уже много потрясенные, как в числительном, так и в нравственном основании.

Мы оставили 1-ю армию, только что переправившуюся у Соловьевой. Не доходя восьми верст до Дорогобужа, где остановился Багратион, она заняла позицию у Умоля. Здесь Барклай объявил, что намерен ожидать неприятеля и дать ему сражение. Багратион стал за левым крылом 1-й армии; к Милорадовичу было послано повеление ускорить присылкой резервов из Калуги, Можайска и Волоколамска, к Вязьме; к Тормасову, находившемуся на Волыни, писано о необходимости «действовать быстро и безостановочно в тыл неприятелю; истреблять все войска, какие ему подадутся, и, отнимая у неприятеля всякое продовольствие, стараться довольствоваться оным 3-ю армию, от коей зависело спасение государства».

Желая успокоить встревоженную потерей Смоленска и приближением неприятеля Москву, Барклай де Толли писал к бывшему там главнокомандующим графу Ростопчину: «Нынешнее положение дел непременно требует, чтобы судьба наша решена была генеральным сражением.

Я прежде сего полагал продолжать войну до окончательного составления внутренних ополчений, и посему надобно было вести войну общими движениями, не на одном пространстве, где находятся 1-я и 2-я армии, но на всем театре войны, следовательно, 3-й армии надлежало бы исполнить деятельную часть операции, дабы располагать в движениях силами всех трех армий, по примеру неприятеля, который, пользуясь чрезвычайным числом войск своих, движениями своими принудил нас к отступлению.

Находясь в безвестности о 3-й армии и не имея довольного числа войск, чтобы одними движениями прикрывать все пункты, мы находимся в необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сражение. Все причины, доселе воспрещавшие давать оное, ныне уничтожаются. Неприятель слишком близок к сердцу России, и сверх того мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо в противном случае армии были бы подвержены сугубой гибели и бесчестью, а Отечество не менее того находилось бы в той опасности, от которой, с помощью Всевышнего, можем избавиться общим сражением, к которому мы с князем Багратионом избрали позицию у Умоля.

Признаюсь, что число храбрых солдат наших уменьшилось во время бывших почти ежедневных дел, и в генеральном сражении, мы конечно, будем иметь большую потерю в людях, почему, представляя вам, в каком положении находятся армии наши, умоляю Вас известным Вашим усердием к Отечеству спешить приготвлением, сколь можно скорее Московской военной силы, и собрать оную в некотором расстоянии от Москвы, дабы в случае нужды подкрепить наши армии».

Умольская позиция была избрана полковником Толем. Поставленная в ней 1-я армия прикрывалась с фронта впадающей в Днепр речкой Ужей; правым крылом упиралась она в Днепр, а на левом имела высоту, которую предположено было укрепить. Слабости левого крыла полагали пособить помещением за ним 2-й армии.

Приглашенный Барклаем к осмотру позиции, Багратион не одобрил ее, находя особенно невыгодным, что по ту сторону Ужи находилось возвышение, господствовавшее над нашим правым крылом и в самом начале боя уже представлявшее неприятелю большие выгоды. Толь сильно отстаивал свой выбор, но не мог убедить Багратиона. Оба главнокомандующие положили оставить позицию у Умоля и искать другую, более выгодную, назади, по дороге к Вязьме.

Вследствие этого, в ночь с 11 на 12 августа, армии начали опять отступление и остановились: 1-я у Дорогобужа, 2-я левее, у села Бражина. Извещая об этом государя, Барклай де Толли писал: «Потеря 1-й армии в последних сражениях весьма значительна. По этой причине и по тому уважению, что, в случае неудачи, армии не имеют за собой никакого подкрепления, побуждаюсь всеподданнейше просить ваше императорское величество о повелении составить резервный корпус, который мог бы мне служить подкреплением и на который я бы мог отступить по Московской дороге.

На этот счет я уже писал к Милорадовичу; между тем, чтобы предупредить случайности какого-либо слишком поспешного предприятия, и имея пред собой превосходного неприятеля, я буду вместе с князем Багратионом стараться избегать генерального сражения. Однако же мы в таком положении, что сомневаюсь в том успеть; но надеюсь на Бога, на справедливость нашего дела и на храбрость наших войск».

Наполеон возобновил наступление на наши армии только 10 августа, послав вперед Мюрата, который подошел к Соловьевой, когда мосты были уже сняты и когда последние казаки переходили вброд через Днепр. Французы последовали за ними и, тесня Платова, отступавшего к Михалевке (между Соловьевой и Умолем), имели с ним после полудня жаркое дело, продолжавшееся до вечера.

Ночью Платов отошел к Умолю, а оттуда, вслед за армиею, продолжал отступление к Дорогобужу. Днем позже нападения Мюрата, 11-го числа, выступил из Смоленска сам Наполеон. Даву, Ней, Жюно, гвардия и резервная кавалерия были направлены по большой дороге; Понятовский пошел вправо, к Ельне; вице-король Итальянский направился через Духовщину, на Дорогобуж, в обход правого крыла Барклая, тогда еще стоявшего при Умолъе.

Прибыв к Дорогобужу, Барклай и Багратион провели все утро 12 августа в обозрении местности и остановились было на одной позиции, но, признав ее слишком тесной и недостаточно закрытою, ночью продолжали отступление далее, а между тем начальник инженеров 1-й армии Трузсон и полковник Толь были посланы в Вязьму, с приказанием: «Отыскать и укрепить такую позицию, где 20— или 25-тысячный корпус мог бы держаться против неприятеля, между тем как имея сей город в нашей власти, армия могла бы в то же время действовать наступательно».

В укрепленном лагере при Вязьме предполагалось оставить Милорадовича, которого скоро ожидали. Уведомляя императора Александра об этих распоряжениях, Барклай заключал донесение свое словами: «Надобно по возможности сохранять армии и не подвергать их поражению, чтобы действовать вопреки намерению неприятеля, который соединил все

свои силы для решительного сражения. Доныне мы имели счастье достигнуть нашей цели, не теряя неприятеля из вида. Мы его удерживали на каждом шагу, и, вероятно, этим принудим его разделить свои силы.

Итак, – вот минута, где наше наступление должно начаться». Последнее предположение не исполнилось. Трузсон и Толь возвратились с донесением, что не нашли удобной для сражения позиции, ближе как в десяти верстах за Вязмою, у деревни Царево-Займище.

Известие это, снова отдалявшее надежду войск на скорую, всеми желаемую битву, указывало на необходимость отступать и от Вязьмы, города, весьма важного в военном отношении, так как в нем сходятся дороги: чрез Белой, из Северной, а чрез Калугу – из Южной России.

В ночи на 13 августа Мюрат занял Дорогобуж и, дав в нем отдых своим войскам, прекратил тем на время сильное наступление свое на наш арьергард. Весь следующий день армии наши продолжали отступать: Барклай де Толли шел, с большей половиной своей армии, прямо по столбовой дороге; Багговут, с остальной частью, следовал левее; Багратион, со 2-й армией, правее; Винценгероде в это время находился между Духовщиной и Белым; сообщение между им и армией поддерживалось тремя казачьими полками, под начальством генерал-майора Краснова, посланными на дорогу из Вязьмы в Духовщину; для поддержания Краснова был отряжен генерал-майор Шевич, с двумя батальонами пехоты и двумя драгунскими полками.

Арьергард в продолжение целого дня держался за речкой Осьмою, успешно противопоставляя неприятелю огонь своих стрелков и артиллерии. В следующий день, 15, все войска 1-й армии соединились под Вязмою; 2-я армия расположилась на левом ее крыле, при селе Скоблево, на дороге из Вязьмы в Юхнов.

Вице-король атаковал опять наш арьергард, стоявший на Осьме, и намеревался обойти его слева, но был удержан Платовым, который, видя, однако же, что беспрестанно получаемые неприятелем подкрепления дают ему значительный перевес над нами, – вечером отступил к селу Семлеву, на большой дороге.

Для поддержания Платова главнокомандующий 1-й армией поставил за ним, у Семлева, 1-й и 2-й кавалерийские корпуса, а поутру 16 августа продолжал отступление за Вязьму, к селу Федоровскому, намереваясь на другой день вступить на позицию у Царева-Займища. Авангард, живо преследуемый неприятелем, отступил к Вязьме и перешел под начальство Коновницына.

«Русская армия, – пишет Данилевский, – отступала со всем населением окрестных мест, окруженная пожарами и истреблением. Со всех сторон выезжали на дороги обозы крестьянских телег и помещичьих экипажей. Поселяне и помещики искали защиты в соседстве армии. Иные брели за ней с простреленными членами. Горящие города и села, покинутые жилища, все более и более возжигало огонь мщения в армии и народе.

Духовенство ближних к дороге церквей, с иконами и хоругвями, окруженное частью своих прихожан, с поникшими и непокрытыми главами, шло посреди полков стройных, но безмолвных и печальных. Кто мог равнодушно смотреть на беспрерывные пожары, удаляющийся народ, храмы Божии, разрушаемые нечестием, веру отцов своих поруганную, Россию, казавшуюся бессильною?

Желание сражения сделалось столь же общим, пламенным в армии, как и во всей России. Помыслы и молитвы всех устремлены были к одному: положить конец отступлению, удержать стремление врагов в сердце государства». В таком расположении духа шли войска, кипевшие желанием встречи с виновниками бедствий их Отечества, с нарушителями его покоя и благосостояния. С оставлением каждой позиции общее неудовольствие на Барклай усиливалось; громкий ропот войска доходил до его слуха, но он твердо переносил тягость

своего положения, убежденный в совести, что для сохранения армии не мог действовать иначе.

Между тем время главного его начальствования над войсками, долженствовавшими защитить и спасти Россию, и ответственность в своих действиях перед Монархом, Отечеством и потомством, приближались к концу. Побуждаемый общим недоверием к Барклаю де Толли, разномыслием его с князем Багратионом и необходимостью подчинить все противопоставленные врагу военные силы государства одному верховному вождю, император Александр поручил выбор этого вождя особому комитету. Выбор пал на Кутузова.

Маститый полководец, незадолго перед тем окончивший пятилетнюю войну с Турцией богодарованным, как выразился сам Александр, Бухарестским миром, был избран комитетом 5 августа, в тот самый день, как кровопролитная битва кипела под стенами и в стенах Смоленска. Через три дня, 8 августа, император лично объявил Кутузову о назначении его главнокомандующим всеми армиями и ополчениями, и в то же время известил об этом Барклая, Багратиона, Тормасова и Чичагова, шедшего из Молдавии и Валахии на соединение с 3-й армией.

Все они получили рескрипт одинакового, следующего содержания: «Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на меня необходимую обязанность назначить одного над ними главного начальника. Я избрал для сего генерала от инфантерии князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии. Вследствие сего предписываю вам со вверенной вам армией состоять в точной его команде. Я уверен, что любовь ваша к Отечеству и усердие к службе откроют вам и при сем случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличать надлежащими наградами».

Барклай де Толли, получив отправленный к нему рескрипт 15 августа, в Вязьме, тогда же отвечал государю: «Всякий верноподданный и истинный слуга Государя и Отечества должен ощущать истинную радость при известии о назначении нового главнокомандующего всеми армиями, который уполномочен все действия вести к одной цели. Примите, Всемилостивейший Государь, выражение радости, которой я исполнен. Воссылаю мольбы, чтобы успех соответствовал намерениям вашего величества».

Что касается меня, то я ничего иного не желаю, как пожертвованием жизни доказать готовность мою служить Отечеству во всяком звании и достоинстве». О назначении Кутузова 1-й армии было объявлено, в день получения рескрипта, следующим приказом начальника главного штаба Ермолова: «Его светлость генерал от инфантерии князь Голенищев-Кутузов по высочайшему повелению назначается главнокомандующим 1-й, 2-й, 3-й и Молдавской армией».

Возвешение это было принято с восторгом в обеих армиях, утомленных продолжительным, почти безостановочным отступлением, казавшимся как бы оскорбительным для чести Русского оружия. Теперь, с назначением Кутузова, со славой служившего под знаменами Румянцева и Суворова, и еще недавно разгромившего турок, все оживали надеждою, что он прекратит отступление и даст решительную битву Наполеону, битву, которой жаждали все в России и в которой все видели предел неприятельскому вторжению. Назначение Кутузова, вождя с русским именем, удовлетворяло и народному самолюбию; особенно в такую эпоху, когда начиналась война народная.

*Христиан Вильгельм Фабер дю Фор. На бивуаке
перед Вязьмой, 30 августа 1812 г.*

Высочайший рескрипт, подчинявший все четыре армии новому главнокомандующему, не имел, впрочем, никакого влияния на распоряжения Барклая, который, как выше сказано, 16 августа продолжал отступление к Федоровскому. Извещая государя о намерении своем занять позицию при Царево-Займище и дать там генеральное сражение, он, между прочим, писал: «Не намерен я теперь, когда наступают решительные минуты, распространяться о действиях вверенной мне армии. Успех докажет, мог ли я сделать что-либо лучшее для спасения государства.

Если бы я руководим был слепым и безумным честолюбием, то, может быть, ваше императорское величество изволили бы получать донесения о сражениях, и, невзирая на то, неприятель находился бы под стенами Москвы, не встретив достаточных сил, которые были бы в состоянии ему сопротивляться».

Полуночью 17 августа обе армии пришли в Царево-Займище и, готовясь к сражению, начали укрепляться редутами с фронта и обоих флангов, между тем как Коновницын, с арьергардом, отступив от Вязьмы по зажжении всех тамошних магазинов, остановился в 18-ти верстах от Царева-Займища, а Милорадович, с резервом из 15 тысяч человек, пришел в Гжатск. В то же утро приказ генерала Ермолова известил армию о скором приезде нового главнокомандующего, который и прибыл вечером, вместе с Беннигсеном, незадолго перед тем уехавшим из армии, вследствие разномыслия своего с Барклаем. Препятствие между ними уступило теперь место чувству взаимного недовольства и никогда уже не восстанавливалось.

Возвестив армии о своем прибытии особым приказом, Кутузов объявил, что каждый из главнокомандующих остается при прежней своей власти, «Учреждением о Большой Действующей армии», ему присвоенной; что генерал Беннигсен поступает в такое же отношение к главнокомандующему всеми армиями, в каком находились начальники главных штабов к главнокомандующим каждой армии, порознь, и что, по случаю предназначения прибывших

в Гжатск резервов на укомплектование 1-й и 2-й армий, приведшему их генералу Милорадовичу вверяется начальство над 2-м и 4-м корпусами (Багговута и графа Остермана) 1-й армии.

Таковы были первые распоряжения Кутузова по прибытии его в Царево-Займище. Осмотрев избранную там позицию, он сначала, как казалось, одобрил ее, ибо велел ускорять построением редутов, но около полудня 18 августа, после совещания с Беннигсеном, велел прекратить работы и отступить далее.

Обстоятельство это приписывают тому, что Кутузов согласился с представленным ему Беннигсеном мнением о неудобствах Царево-Займищевской позиции, находя ее и сам слишком открытою. 19 августа, когда обе армии, миновав Гжатск, пришли к деревне Ивашковой, последовали еще новые назначения в главном штабе Кутузова: генерал-майору Вистицкому велено было принять должность генерал-квартирмейстера соединенных 1-й и 2-й армий, генерал-квартирмейстеру 1-й армии полковнику Толлю находиться при главнокомандующем всеми армиями, а полковнику Кайсарову состоять также при нем, в должности дежурного генерала, с тем что все приказы по армиям, им подписанные, должны были почитаться равносильными подписанным самим главнокомандующим.

Начальствовавшему арьергардом генералу Коновницыну приказано было доносить обо всем непосредственно Беннигсену и от него же получать приказания. Беннигсену были также подчинены все инженерные и квартирмейстерские офицеры, а также Пионерные и Понтонные роты обеих армий. С этих пор кончилось непосредственное влияние Барклая де Толли на ход военных действий, и он, сошед со степени распорядителя, сделался только исполнителем объявляемых ему приказаний.

21 августа обе наши армии пришли к Колоцкому монастырю, а 22-го, не доходя Можайска, остановились у села Бородина, где Беннигсен и Толь избрали позицию, признанную Кутузовым выгодной для сражения. Между тем Наполеон еще 18-го числа вступил в Вязьму, а 20-го прибыл в Гжатск и, в ожидании битвы, дал своему войску трехдневный отдых.

Позиция, в которой Кутузов, удовлетворяя общему, нетерпеливому желанию войска, решился дать битву Наполеону, примыкала правым крылом к роще, находившейся в трехстах саженях от реки Москва. Фронт левого крыла и центр позиции, пересекаемый большой Московской дорогой, прикрывались текущей в глубоком овраге речкой Колочей; левое крыло упиралось в кустарники у деревни Утицы, подле Старой Смоленской дороги, ведущей из Гжатска, через Ельню, в Можайск, и было слабейшим пунктом позиции.

По предположению князя Багратиона, на оконечности левого фланга, на высотах перед деревней Семеновской, поставлены были три прикрытые батареи, а чтобы удобнее можно было наблюдать и затруднять движения неприятеля на этот фланг, впереди позиции, в двух верстах от фронта, на кургане при селе Шевардине, Кутузов велел построить редут на 12 орудий.

Барклаю де Толли были поручены войска правого крыла и центра, состоявшие из 2-го, 4-го и 6-го пехотных корпусов – в первой и второй линиях, и 3-го пехотного и 1-го, 2-го и 3-го кавалерийских – в резерве. Князю Багратиону предоставлялось начальство над войсками левого крыла, состоявшими из 2-й армии.

Осматривая позицию правого крыла и центра, Барклай де Толли приказал, для большего обеспечения первого, прикрыть примыкавшую к нему рощу несколькими отдельными укреплениями, а на другой день, 23-го числа, поехал с Кутузовым осматривать позицию левого фланга. При обозрении ее он нашел, что впереди промежутка, остававшегося между левым крылом 1-й и правым 2-й армии, находилась незанятая высота, господствовавшая над всем нашим левым флангом, и представил о необходимости построить на ней сильный редут.

Главнокомандующий всеми армиями тут же передал справедливость этого замечания Беннигсену, а тот немедленно распорядился построить люнет на 18 орудий, столько известного под названием батареи Раевского. Князь Багратион, с своей стороны, говорил о необходимости принять меры против обхода неприятелем левого нашего крыла по Старой Смо-

ленской дороге: Беннигсен полагал достаточным употребить для того ожидаемое из Москвы ополчение.

После полудня 24 августа Наполеон повел нападение на Шевардинский, – еще не совсем оконченный, – редут и на расположенные по сторонам его войска. Упорный бой кипел, с переменным успехом, до позднего вечера, когда Кутузов, не считая необходимым удерживать долее неприятеля, велел сражавшимся войскам отступать на генеральную позицию. Туда пришли также и войска арьергарда, мужественно бившиеся во все время своего отступления.

Движения французов во время боя при Шевардине показали важность замечаний Багратиона касательно Старой Смоленской дороги, и потому, в ту же ночь, по приказанию Кутузова, полковник Толь перевел туда, к деревне Утице, 3-й пехотный корпус (Тучкова 1-го).

Весь день 25 августа прошел спокойно: французы ограничивались обозрением нашей позиции, наши достраивали укрепления и готовились к бою, увековечившему в летописях безызвестное дотоле имя Бородина. В течение этих суток Барклай излагал свое мнение о необходимости изменить расположения войск.

По его предположению, при трудности доступа к правому нашему флангу, достаточно бы было оставить там от 8-ми до 10-ти батальонов пехоты в укреплениях, 1-й кавалерийский корпус (Уварова) и казаков Платова; все прочие войска 1-й армии он предлагал подвинуть влево, так, чтобы правый их фланг упирался в деревню Горки, левый примыкал бы к деревне Семеновской, а 2-й армией полагал занять то место, куда был отряжен корпус Тучкова 1-го.

При таком размещении наших войск, по мнению Барклая, князь Багратион, не будучи атакован в самом начале сражения, как после случилось, имел бы всю возможность ударить в правый фланг неприятеля, во время его наступления на наш левый, и резервы наши могли бы быть сбережены до последней крайности. Не знаем, в какой степени признавал князь Кутузов мнение Барклая де Толли уважительным или, может быть, имел основательные причины не разделять его вовсе, но только в сделанном уже расположении войск не последовало никакой перемены.

Следующие слова диспозиции Кутузова объясняют, какое участие Барклай и Багратион могли иметь в предстоявшей битве: «Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность господ главнокомандующих, и потому предоставляю им делать соображение действий на поражение неприятеля.

Возлагая все упование на помощь Всевышнего и на храбрость и неустрашимость Российских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил дам собственные повеления на преследование его, для чего и ожидать буду беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом.

При сем случае не излишним почитаю представить господам главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы, сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден. На случай наступательного движения, оное производить в сомкнутых колоннах к атаке, стрельбой отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным оружием.

В интервалах между пехотными колоннами иметь пехотную часть кавалерии, также в колоннах, которые бы подкрепляли пехоту. На случай неудачного дела, генералом Вистицким открыто несколько дорог, которые он господам главнокомандующим укажет и по коим армия должна будет отступать. Сей последний пункт – единственно для сведения господ главнокомандующих».

Считая излишним распространяться о подробностях Бородинской битвы, ограничиваемся следующим донесением о ней Барклая де Толли, представленным Кутузову ровно через месяц, 26 сентября, когда Барклай, только что сложив с себя звание главнокомандующего 1-й армии, находился в Калуге.

«24-го числа пополудни войска вверенной мне армии, находившиеся в арьергарде, будучи сильно преследованы неприятелем, отступили в позицию и присоединились к своим корпусам. Переправа их чрез Москва-реку была обеспечена лейб-гвардии егерским полком, занявшим деревню Бородино, и батареей на правом берегу сей реки устроенной. Иррегулярные войска вверенной мне армии остались на левом берегу сей реки, для наблюдения и прикрытия правого фланга, и в сей день, а равно и 25 числа, препятствовали неприятелю распространиться своей позицией в сию сторону.

Неприятель 24 числа делал неоднократно усилия овладеть деревней Бородино, но каждый раз был остановлен в сем предприятии храбрыми лейб-гвардии егерским и Елисаветградским гусарским полками. Сей последний полк, под начальством храброго своего шефа, генерал-майора Всеволожского, невзирая на сильное нападение и действие неприятельской артиллерии, удерживал свою позицию и тем выполнил в точности данное ему от меня приказание: держаться, сколько бы ни стоило ему, до самой ночи, пока не усилен будет тремя казачьими полками, обратно ожидаемыми с левого фланга 2-й армии.

Того же 24 числа, ввечеру, 3-й корпус, составлявший часть резерва 1-й армии, получил от вашей светлости повеление следовать на левый фланг 2-й армии и прикрывать оный от усиливающегося по Старой Смоленской дороге неприятеля.

*Сергей Федоров. Сражение при Бородине
26 августа 1812 г. Офорт по рисункам Доменико Скотти
из серии «Коллекция двенадцати гравированных картин,
представляющих следствие достопамятнейших побед,
одержанных над неприятелем в 1812 году». 1814 г.*

В центре, на белом коне, — генерал Барклай де Толли. На втором плане слева, из-за холма, выезжает Кутузов в сопровождении свиты. Справа на среднем и дальнем планах открывается поле битвы; изображен раненный генерал Багратион, которого уносят солдаты.

25-го числа, кроме маловажных перепалок, в которых было взято несколько в плен, ничего важного не происходило. Неприятель противу деревни Бородина укрепился шанцами. 26-го числа поутру, до света, получено донесение командира лейб-гвардии егерского полка полковника Бистрома, что замечено движение в неприятельской позиции противу

деревни Бородина, и, вскорости после сего, неприятель атаковал превосходными силами сию деревню и принудил лейб-гвардии егерский полк оставить ее и поспешно ретироваться чрез мост, который и сжечь не успели.

Неприятель перешел вслед за сим полком и начал крепко усиливаться. Я приказал полковнику Вуичу, начальнику егерской бригады 24-й дивизии, атаковать сего неприятеля в правый фланг. Сей храбрый офицер ударил в штыки, и вмиг перешедший неприятель на наш берег был опрокинут. Лейб-гвардии егерский полк присоединился к сей бригаде и прогнал неприятеля опять за реку; мост же сожгли до основания, невзирая на сильный огонь неприятельский.

Между тем на левом фланге 2-й армии продолжались сильная канонада и ружейный огонь, и центр обеих армий, т. е. курган, на коем поставлена была батарея, состоящая из 18-ти батарейных орудий, под прикрытием 26-й дивизии, – уже был атакован; князь Багратион требовал подкрепления, и остальная часть резерва 1-й армии, т. е. гвардейская пехотная дивизия, на то обращена была.

Вслед за оной посланы были туда же: весь 2-й пехотный корпус и три полка 1-й кирасирской дивизии. К полудню, 2-я армия, весь 6-й корпус и сводная гренадерская дивизия, потеряв большую часть своих генералов и лишившись самого даже главнокомандующего своего, были опрокинуты; все укрепления левого фланга взяты были неприятелем, который всеми силами угрожал левому нашему флангу и тылу 7-го и 6-го корпусов.

В сем положении решился я поставить 4-й корпус, который по откомандировании резервных войск придвинут был с правого фланга ближе к центру, с уступами, на левый фланг 7-го корпуса, примыкая левым своим флангом к стоявшим там лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам, а за сей линией находились 2-й и 3-й кавалерийские корпуса.

В сей позиции сии войска стояли под перекрестным огнем неприятельской артиллерии, с правой стороны от той части, которая действовала противу центра армии и вышепомянутого кургана, и сия неприятельская артиллерия даже анфилировала нашу линию с левой стороны, от той части, которая овладела всей позицией 2-й армии; но дабы сделать преграду неприятельским успехам и удерживать остальные, нами еще занимаемые, места, не можно было избегнуть сего неудобства, ибо в противном случае мы должны были бы оставить вышеупомянутый курган, который был ключ всей нашей позиции, и сии храбрые войска, под начальством генерала от инфантерии Милорадовича и генерал-лейтенанта графа Остермана, выдержали страшный огонь с удивительным мужеством.

Вскоре после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга, сделал он, под прикрытием сильнейшей канонады и перекрестного огня многочисленной его артиллерии, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизиею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизию, но начальник главного штаба 1-й армии генерал-майор Ермолов, с обыкновенной своей решительностью, взяв один только 3-й батальон Уфимского полка, остановил бегущих и, толпою, в образе колонны, ударил в штыки; неприятель защищался жестоко, батареи его делали страшное опустошение, но ничто не устояло.

Вслед за означенным батальоном послал я еще один батальон, чтобы правее сей батареи зайти неприятелю во фланг, а на подкрепление им послал я Оренбургский драгунский полк еще правее, чтобы покрыть их правый фланг и врубиться в неприятельские колонны, кои следовали на подкрепление атакующих его войск. 3-й батальон Уфимского полка и 18-й егерский полк бросились против них прямо на батарею, а 19-й и 40-й егерские полки по левую сторону оной, и в четверть часа наказана дерзость неприятеля: батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты телами неприятельскими.

Бригадный генерал Бонами был один из неприятелей, снискавший пощадку, и неприятель преследован был гораздо далее батареи. Генерал-майор Ермолов удержал оную с

малыми силами до прибытия 24-й дивизии, которой я велел сменить расстроенную неприятельской атакой 26-ю дивизию, прежде сего защищавшую батарею, и поручал сей пост генерал-майору Лихачеву.

Во время сего происшествия неприятельская конница, – кирасиры и уланы, – повела атаку на пехоту 4-го корпуса, но сия храбрая пехота встретила оную с удивительной твердостью, подпустила ее на 60 шагов, а потом открыла такой деятельный огонь, что неприятель совершенно был опрокинут и в большом расстройстве искал спасение свое в бегстве. При сем особенно отличились Перновский пехотный и 34-й егерский полки, коим в каждую роту назначил я по три знака отличия.

Сумский и Мариупольский гусарские, а за оными Иркутский и Сибирский драгунские полки преследовали и гнали неприятеля до самых его резервов, но, будучи здесь приняты сильным пушечным и ружейным огнем, принуждены были отступить. Неприятельская конница, получив подкрепление своих резервов, преследовала нашу и прорвавшись сквозь интервалы наших пехотных кареев, зашла совершенно в тыл 7-й и 11-й пехотных дивизий, но сия неподобная пехота, нимало не расстраиваясь, приняла неприятеля сильным и деятельным огнем, и неприятель был расстроен.

Между тем кавалерия наша снова собралась, и неприятель с сего пункта уже совершенно был прогнан и отступил за свою пехоту, так что мы его совершенно из виду потеряли. После сего с обеих сторон действовала одна только артиллерия, и на левом фланге 4-го корпуса и гвардейской дивизии продолжалась перестрелка между тиральерами. Можно было заметить, что неприятель приготовился сделать еще раз решительную атаку: он подвинул опять вперед свою конницу и сформировал разные колонны.

Я предвидел, что конница наших 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, потерпевши много в прежних атаках, не будет в состоянии противостоять новому, столь сильному удару, и потому послал за 1-й кирасирской дивизиею, которая, однако же, по несчастью, не знаю кем, отослана была на левый фланг, и адъютант мой не нашел оную на том месте, где я предполагал ей быть.

Он достиг лейб-гвардии кавалергардский и конный полки, которые на рысях поспешили ко мне; но неприятель успел между тем совершить свое намерение: конница его врубилась в пехоту 24-й дивизии, которая поставлена была для прикрытия батареи на кургане, а с другой стороны сильные неприятельские колонны штурмовали сей курган и овладели оным.

После сего уже вся неприятельская конница обратилась на пехоту 4-го корпуса и 7-й дивизии, но была на сем месте встречена конно-гвардейским и кавалергардским полками и остановлена в своих предприятиях, между тем присоединились к сим двум полкам Псковской драгунский полк и остальные полки 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, и тут продолжалась жестокая кавалерийская битва, которая кончилась тем, что неприятельская конница к 5-ти часам совершенно была опрокинута и отступила вовсе из виду нашего, а войска наши удержали свои места, исключая курган, который остался в руках неприятеля.

Неприятельская пехота еще оставалась в виду нашей, но к вечеру, когда стало смеркаться, скрылась. Канонада продолжалась до самой ночи, но по большей части с нашей стороны и к немалому урону неприятеля, а неприятельская артиллерия, будучи совершенно сбита, даже совсем умолкла к вечеру. В течение всех сих происшествий оставались на крайнем нашем правом фланге четыре егерских полка и несколько артиллерии, под командой полковника Потемкина, которым я к вечеру велел примкнуть к 7-й дивизии.

1-й кавалерийский корпус вашей светлостью потрясен был на левый берег Москва-реки и действовал на оном общо с иррегулярными войсками под начальством генерала от кавалерии Платова. Рапорт генерал-лейтенанта Уварова о действии сих войск, в оригинале, уже прежде сего имел я честь представить вашей светлости.

После окончания сражения, заметив, что неприятель начал оттягивать свои войска от занятых им мест, приказал я занять следующую позицию: правый фланг 6-го корпуса при-мкнул к высоте у деревни Горки, на которой устроена была батарея из 10-ти батарейных орудий и на коей, сверх того, предполагалось устроить ночью сомкнутый редут; левый фланг сего корпуса взял направление к тому пункту, где стоял правый фланг 4-го корпуса; генералу Дохтурову, который наследовал князю Багратиону в командовании, поручено было собрать пехоту 2-й армии, устроить ее на левом фланге 4-го корпуса и занять интервал между сим корпусом и войсками генерал-лейтенанта Багговута, который с 2-м и 3-м корпусами находился на крайнем левом фланге и к вечеру занял опять все те места, которые им поутру заняты были.

Кавалерийским корпусам приказано было стать за сей линией. За оными назначено было в резерве противу центра быть гвардейской пехотной дивизии, а за оной кирасирским дивизиям. Генералу от инфантерии Милорадовичу поручил я пред рассветом снова занять курган, противу центра лежащий, несколькими батальонами и артиллериею; в полночь же получил я повеление вашей светлости к отступлению».

Здесь необходимо заметить, что честь блистательного дела на Колоче, приписанная Барклаем де Толли Вуичу, принадлежит полковнику (впоследствии генерал-лейтенант и член генерал-аудиториата) Карпенко. Эта ошибка в донесении Барклая, вероятно, произошла от скорости, с которой составлялось описание Бородинской битвы, по первым, почти всегда неполным, сведениям.

Князь Кутузов намеревался возобновить на другой день сражение. С этой целью Барклай де Толли и сделал вечером 26 августа упоминаемое им новое размещение войск 1-й армии; но донесения частных начальников об огромной потере в людях, особенно большой урон между генералами и офицерами, заставили Кутузова отменить свое намерение и велеть отступить за Можайск.

Посланный с приказанием об этом к Барклаю адъютант генерала Ермолова (впоследствии генерал-адъютант), Граббе, нашел его в одной из уцелевших крестьянских изб деревни Горок, спящим на полу, среди своих адъютантов. Барклай принял известие с большим неудовольствием и, всегда спокойный, скромный, терпеливый, на этот раз излил свое негодование в сильных выражениях против Беннигсена, приписывая отмену битвы его внушениям.

Первым движением Барклая было ехать к Кутузову и упросить его остаться при прежнем намерении, но он не исполнил этого, узнав, что часть армии уже отступала. Бородинское сражение примирило с Барклаем де Толли все войско и князя Багратиона, который, оставляя поле битвы, вследствие полученной им смертельной раны, велел сказать своему товарищу, что питает к нему глубокое уважение.

«Вряд ли осталось в центре опасное место, – говорит о Барклае Данилевский, – где бы он не распоряжался и где бы был полк, не ободренный словами и примером его. Под ним убито и ранено пять лошадей; из адъютантов и ординарцев его весьма немногие уцелели. Велико было прежде негодование против Барклая де Толли, но в Бородине общее мнение решительно склонилось на его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.